national bestseller

david foster wallace

infinite jest

"A work of genius . . . grandly ambitious, wickedly comic, a wild, surprisingly readable tour de force." —SEATTLE TIMES

a novel

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Бесконечная шутка» (англ. Infinite Jest) — роман американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса.* Объёмное и сложное произведение, повествующее о событиях, происходящих в полупародийной версии будущей Америки, затрагивает множество тем: теннис, программы избавления от наркомании, депрессию, жестокое обращение с детьми, семейные отношения, рекламу, популярные развлечения, теорию кино и Квебекский сепаратизм.** Роман включает 388 пронумерованных сносок (некоторые из которых также имеют свои собственные сноски), объясняющих или излагающих некоторые моменты в истории. Уоллес характеризует этот приём как способ подрыва линейности текста, сохраняя при этом сплочённость повествования.

Отрывок (начало) романа в переводе Алексея Поляринова и Сергея Карпова.***

---

* «Бесконечную шутку» еще за год до выхода в прессе называли шедевром, the Great American Novel, а автора — гением (что, кстати, очень нервировало ДФУ: «а что если я не гений? Что тогда? Что если книга выйдет, и все скажут, что она дерьмовая? Как вы будете выкручиваться?» — спрашивал он у редактора по телефону). Среди редакторов издательства «Литтл, Браун» о размерах книги ходили легенды — больше полумиллиона слов! 1000 страниц мелким шрифтом. Роман, впитавший в себя все тревоги поколения.

*** И вот теперь — ха! — первые 100 страниц (вроде как) готовы. Теперь, друзья, не отвертитесь.Перевод фанатский — мы**** с Сергеем Карповым очень старались, весь год вычитывали и редактировали это синтаксическое болото, оставили друг другу больше 600 примечаний в черновиках, долго ругались и спорили в общем чате из-за всякой фигни (например, использовать ли слово "блядь" или что делать со странными оптическими иллюзиями, которые выглядят то ли как ошибки автора, то ли как намеренные искажения законов физики и оптики, но при этом не упоминаются

ни в одном путеводителе [последнее лично я нахожу очень странным]), и вот теперь, кажется, все (или большая часть) самые досадные косяки выловлены, опечатки исправлены — если где-то встречаются дикие монтажные склейки, смысловые провалы, почти нечитаемые предложения длиною в две страницы, повторы и тому подобное — это не мы идиоты, это так и надо.

** Главное, что нужно знать, открывая роман Уоллеса: автор не собирается вас развлекать. Словосочетание «бесконечная шутка» здесь — в некотором роде оксюморон; в том смысле, что под обложкой вас, помимо прочего, ждет рассказ о том, что любое веселье конечно. И конец у него невеселый. В черновике роман назывался более красноречиво — «Failed entertainment» («Неудавшееся развлечение») (издатель отказался публиковать книгу под таким заголовком, видимо, не желая давать критикам лишний повод для упражнений в остроумии).

«Бесконечная шутка» — очень густонаселенный роман; и все же в этой сложносочиненной конструкции видна четкая система, два главных ядра, две локации — Энфилдская Теннисная Академия и реабилитационная клиника «Эннет Хаус». Действие по большей части замкнуто на двух героях: один — Гарольд "Гал" Инканденца, юноша с выдающимися лингвистическими способностями и, кроме того, подающий надежды теннисист; и Дональд "Дон" Гейтли, сидящий на димедроле грабитель, угодивший в клинику реабилитации.

На этот внутренний смысловой/сюжетный каркас Уоллес навинчивает и многие другие свои дополнительные научно-фантастические и анти-утопические замыслы. Он переносит действие в недалекое будущее (для нас с вами — уже в прошлое (примерно 2008-2011 годы)). Общество потребления в этом «будущем» продало все — абсолютно все — даже календарь; годы теперь субсидируются корпорациями; т.е. вместо номера каждый год носит название фирмы, оплатившей «рекламное место»: и мы имеем «Год мусорных пакетов «Глэд», «Год одноразового нижнего белья для взрослых» и т.д..

Безумие творится не только в календаре: политики

тоже окончательно поехали умом. В этой версии будущего США, Канада и Мексика объединились в единое государство ОСАН (Организация Северо-Американских Наций), и на гербе там теперь — орел, в сомбреро, в одной лапе он сжимает кленовый лист, а в другой — чистящие средства (символизируя тем самым крайнюю степень ипохондрии президента). Канада превратилась в свалку ядерных отходов и в рассадник сепаратистов.

И вот — все эти странные, причудливые и никак не связанные между собой сюжетные ходы Уоллес все же скручивает вместе с помощью сквозного элемента/макгаффина: речь идет о смертоносном фильме — визуальном эквиваленте атомной бомбы. Фильм называется «Бесконечна шутка», и зрители при его просмотре в буквальном смысле умирают от веселья/хохота. Попытки отыскать или хотя бы отследить перемещения последнего сохранившегося картриджа с фильмом в итоге задевают почти всех героев и добавляют в и без того запутанный сюжет еще больше шуму, истерии и по-настоящему безумного веселья.

**** *Алексей Поляринов*

- Дэвид Фостер Уоллес
  -
  - Год «Радости»[1]
  - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - 1 апреля – Год Геморройных Салфеток Tucks
  - 9 мая - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - Год Шоколадного Батончика Dove
  - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - Октябрь – Год Впитывающего Нижнего Белья Depend
  - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - Осень - Год Молочных Продуктов Из Сердца Америки
  - 3 Ноября - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - По состоянию на Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
  - Денвер, Колорадо, 1 Ноября
  - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

- Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
- 30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
- Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend
- ***
  - Сноска i

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

Дэвид Фостер Уоллес
Бесконечная шутка

Перевод на русский: Алексей Поляринов, Сергей Карпов

***

Обозначения:

Year of the Whopper — Год Воппера (ГВ)

Year of the Tucks Medicated Pad — Год Геморройных Салфеток “Tucks” (ГГСТ)

Year of the Trial-Size Dove Bar — Год Шоколадного Батончика “Dove” (ГШБД)

Year of the Perdue Wonderchicken — Год Чудесной Курочки “Perdue” (ГЧКП)

Year of Dairy Products from the American Heartland — Год Молочных Продуктов из Сердца Америки (ГМПСА)

Year of the Depend Adult Undergarment — Год Впитывающего Нижнего Белья “Depend” (ГВНБД)

Year of Glad — Год “Радости” (ГР)

Год «Радости»[1]

Я сижу в кабинете, окруженный головами и телами. Моя поза сознательно копирует форму стула. Это холодная комната в здании администрации университета, с обитыми деревом стенами, картиной кисти Ремингтона и двойными стеклопакетами, отсекающими ноябрьское пекло. Комната надежно изолирована от звуков из приемной, где дядя Чарльз, мистер Делинт и я только что дожидались, пока нас примут.

И вот я нахожусь здесь.

В пространстве над летними спортивными пиджаками и галстуками вдоль полированного соснового конференц-стола, поймавшего блик аризонского полдня, висят три лица…. Я не знаю, чье лицо чье.

Надеюсь, я выгляжу сдержанно, возможно, даже дружелюбно. Меня готовили, что сдержанность – мой лучший друг, и если я попытаюсь произвести хорошее впечатление или улыбнуться, будет только хуже.

Я пытаюсь скрестить ноги как можно аккуратнее, одна на другую, руки держу на коленях. Я сцепил пальцы в замок, они похожи на серию букв Х. Остальные люди в комнате для собеседований: глава литературной кафедры, тренер по теннису и проректор академии мистер О. Делинт. Ч.Т. рядом со мной, остальных - соответственно сидящего, стоящего и стоящего - я вижу лишь краем глаза. Тренер по теннису звенит мелочью в карманах. Пахнет чем-то смутно съедобным. Рифленая подошва моего спонсорского найковского кроссовка параллельна трясущемуся мокасину сводного брата моей матери. Он – ректор академии, в которой я учился; сидит, если я не ошибаюсь, справа от меня, напротив деканов.

Один из деканов – тот, что слева, – худощавый и желтолицый. Его застывшая улыбка напоминает едва различимый оттиск в плотном, непослушном материале. Он относится к тому типу людей, который я особенно ценю в последнее время, типу, который не требует от меня никаких ответов, излагая мою историю вместо меня, для меня. Получив от похожего на лохматого льва центрального декана пачку распечаток, он с улыбкой говорит скорее со страницами, чем со мной.

- Тебя зовут Гарольд Инкаденца, восемнадцать лет, дата окончания средней школы на данный момент примерно через месяц, обучаешься в Энфилдской теннисной академии, Энфилд, штат Массачусетс, где и проживаешь, - его прямоугольные очки похожи на два теннисных корта на боку. - По словам тренера

Уайта и декана [неразборчиво], ты многообещающий теннисист-юниор с региональным, национальным и континентальным рейтингом, потенциальный член ОСАСУА[2]; тренер Уайт решил зачислить тебя в команду по результатам переписки с присутствующим здесь доктором Тэвисом, которая имела место быть… с февраля этого года, - верхняя страница с шелестом перемещается в конец пачки. - Ты находишься на пансионате в Энфилдской теннисной академии с семи лет.

Справа на подбородке у меня жировик, он чешется, и я раздумываю, стоит ли сейчас к нему прикасаться.

- Тренер Уайт сообщает, что, по его мнению, программа обучения Энфилдской теннисной академии заслуживает всяческого уважения и что команда Университета Аризоны немало приобрела благодаря новым членам команды - выпускникам ЭТА, который из которых, мистер Обри Ф. Делинт, пришел сегодня с тобой. Тренер Уайт и его команда убедили нас…

Речь желтого декана бедна, но, должен признать, зато предельно понятна. У Литературной кафедры явный перебор с бровями. Правый декан как-то странно разглядывает мое лицо.

Дядя Чарльз говорит, что хотя его присутствие, возможно, выглядит как попытка давления, он может заверить приемную комиссию, что все вышеперечисленное правда и что в Энфилдской теннисной академии в настоящий момент обучаются десять из тридцати топовых теннисистов-юниоров, во всех возрастных категориях, и что я, кто обычно откликается на «Хэла», «из самых сливок». Правый и центральный деканы вежливо улыбаются; Делинт и тренер склоняются друг к другу, левый декан прочищает горло:

- …что уже на первом курсе ты сможешь помочь университетской теннисной команде добиться больших успехов. Мы очень рады, – он то ли говорит, то ли читает, перелистывая страницу, – что соревнование какой-то немаловажной важности подарило нам возможность пообщаться с тобой и обсудить твое заявление на поступление, обучение и предоставление стипендии.

- Меня просили добавить, что Хэл был посеян третьим в разряде одиночек до 18 лет на престижном турнире «Что-за-бургер» Юго-западных пригласительных юниорских игр в Рэндольфском теннисном центре, – говорит, предположительно, Спортивная кафедра. Он склонил голову набок, я вижу его конопатый скальп.

- В Рэндольф Парке, рядом со знаменитым комплексом El Con Marriott, - вставляет Ч.Т., - среди спортсменов эта площадка

считается самой продвинутой, и еще…

- Именно так, Чак. И, по словам Чака, Хэл уже оправдал посев, он достиг полуфинала после впечатляющей победы сегодня утром, и что завтра снова играет в Центре с победителем сегодняшнего четвертьфинала, если не ошибаюсь, в 0830…

- Постарайся разобраться с ним до того, как солнце начнет жарить. Хотя, конечно, воздух в этих краях сухой.

- …и, очевидно, уже прошел квалификацию для зимнего Континентального турнира в закрытых помещениях в Эдмонтоне, как сообщает нам Кирк… - задрав голову вверх и влево, чтобы взглянуть на тренера, чья белозубая улыбка буквально сияет на фоне солнечных ожогов на лице. – А это действительно весьма впечатляет, - он улыбается, смотрит на меня. - Все ли правильно, Хэл? Мы нигде не ошиблись?

Ч.Т. расслабленно скрестил руки; его трицепсы покрыты россыпью солнечных бликов.

- Все так. Билл. – он улыбается. Его усы всегда выглядят как-то криво. - И я вам даже больше скажу: Хэл очень рад, рад, что его третий год подряд приглашают на Пригласительные, вернуться в любимые места, рад встрече с выпускниками университета и тренерским составом, а также что уже оправдал столь высокий посев при довольно немягкой конкуренции, что до сих пор остается в игре, и, как говорится, его песенка еще не спета. Но, разумеется, больше всего он рад этому шансу встретиться с вами, джентльмены, и взглянуть на здешние условия. Все, что он здесь видел, на высшем уровне.

Повисла тишина. Делинт ерзает спиной по деревянной панели стены и сменяет точку опоры. Мой дядя радужно улыбается и поправляет ремешок от часов. 62.5% лиц в комнате смотрят на меня в приятном предвкушении. Мое сердце стучит в груди, как стиральная машина с ботинками. Я пытаюсь изобразить на лице то, что, как мне кажется, люди примут за улыбку. Я поворачиваюсь туда-сюда, совсем чуть-чуть, чтобы каждый увидел, что я доволен.

И снова тишина. Брови желтого декана изгибаются в параболу. Два других декана смотрят на Литературную кафедру. Тренер сделал шаг к широкому окну, поглаживает коротко стриженный затылок. Дядя Чарльз гладит руку чуть выше ремешка часов. Кривые тени ладоней двигаются по поверхности соснового стола, тень одной из голов похожа на черную луну.

- Чак, с Хэлом все в порядке? - спрашивает Спортивная кафедра. – Он выглядит… в смысле, его лицо. Ему больно? Тебе больно, сынок?

- Хэл здоров как бык, - дядя улыбается и непринужденно отмахивается. – Просто у него, скажем так, лицевой тик, совсем небольшой, от адреналина, ведь он находится здесь, в вашем кампусе, сегодня выиграл матч, не отдав ни одного сета, получил официальное письмо от тренера Уайта с предложением стипендии в Университете, который входит в группу Пацифик-10, и он готов, как он мне дал понять, прямо здесь и сейчас подписать национальный договор о намерении, - Ч.Т. смотрит на меня, и взгляд у него какой-то пугающе добрый. Я расслабляю все мимические мышцы, стираю с лица всякое выражение. Осторожно вперяю взгляд в кекулеанский[3] узел галстука декана.

Мой молчаливый ответ на ожидающее молчание каким-то образом влияет на атмосферу в комнате, пыль и катышки с пиджаков завихряются у кондиционера и танцуют в косом луче света из окна, воздух над столом – как над стаканом только что налитой сельтерской. Тренер, - у него легкий акцент, не британский и не австралийский, - говорит Ч.Т., что собеседование (пускай обычно это лишь приятная формальность), может пройти куда более остро, если предоставить слово самому потенциальному студенту. Правый и центральный деканы склонились друг к другу, тихо обсуждают что-то, их тела образовали нечто вроде вигвама из кожи и волос. Полагаю, тренер просто оговорился, хотел сказать не «остро», а «быстро» — или, скорее, «просто»: неуклюжая формулировка, конечно, но более вероятная с точки зрения артикуляции, учитывая, как он оговорился. Декан с плоским желтым лицом подался вперед, втянул губы, кажется, изображая тревогу. Он сводит ладони вместе над поверхностью стола. Его пальцы как будто спариваются, я же расцепляю в виде серии из четырех букв Х и крепко хватаюсь за края стула.

Нам нужно откровенно поговорить о потенциальных проблемах, связанных с моим поступлением, начинает говорить он. Он говорит об откровенности и ее значении.

- У приемной комиссии накопились некоторые вопросы касательно твоих результатов тестов, Хэл, - он смотрит на цветную таблицу оценок в траншее, образованной его руками. - Приемная комиссия ознакомилась с результатами тестов, которые, - что, уверен, ты сам знаешь и сможешь объяснить, - которые, скажем так... ниже нормы.

От меня ждут объяснений.

Очевидно, что этот довольно искренний желтый декан слева и есть глава приемной комиссии. И, несомненно, эта маленькая птичья фигурка справа, стало быть, Спортивная кафедра, потому что морщины на лице гривастого декана посередине сложились в

нечто отдаленно похожее на выражение обиды, которое словно говорит «Я-ем-нечто-такое,-что-чрезвычайно-рад,-что-мне-есть,-чем-запить» - профессиональная черта завучей. Стало быть, Верность Стандартам сидит в центре. Мой дядя смотрит на Спортивную кафедру, словно сбит с толку. Слегка ерзает в кресле.

Несоответствие между цветом рук и цветом лица у главы приемной комиссии выглядит немного дико.

- …результат устных экзаменов немного ближе к нулю, чем мы привыкли видеть у абитуриентов, особенно по сравнению с академсправкой из школы, в которой твоя мать и ее брат занимали высокие должности, – читает прямо с листа в эллипсе рук, - судя по которой, за последний год результаты, да, немного упали, но под «упали» я имею в виду до выдающихся после трех предыдущих лет практически невероятных.

- Великолепных.

- В большинстве школ никогда не ставят пятерок с несколькими плюсами, - говорит Литературная кафедра, по выражению лица которого невозможно определить, о чем он думает.

- Такое… как бы это сказать… несоответствие, - говорит глава приемной комиссии, его лицо выражает откровенность и обеспокоенность, – должен признаться, служит своего рода тревожным сигналом при рассмотрении твоей кандидатуры на поступление.

- Тем самым мы просим тебя объяснить это несоответствие, если не сказать мошенничество, - у Учебной части голос тонкий голосок, довольно абсурдный, учитывая огромный размер головы.

- Конечно, под «невероятными» вы имели в виду очень-очень-очень впечатляющие, а не буквально «невероятные», конечно, - говорит Ч.Т., глядя, кажется, на тренера, который стоит возле окна и массирует шею. Из окна ничего не разглядеть, кроме слепящего света и жаркого марева над покрытой трещинами землей.

- Кроме того, ты предоставил нам не две, как положено, а целых девять отдельных вступительных работ, некоторые из них размером с монографию, и все без исключения… - новый лист, - оценены разными рецензентами как «блистательные»…

Литкафедра:

- В своей оценке я намеренно использовал слова «лапидарный» и «утонченный».

- … но в областях и с заголовками, - уверен, тыих хорошо помнишь, Хэл: «Неоклассические допущения в современной нормативной грамматике», «Приложение новых трансформаций Фурье в голографически-миметическом кинематографе»,

«Становление героического стазиса в эфирном энтертейнменте»…

- «Грамматика Монтегю и семантика физической модальности»?

- «Человек, который начал подозревать, что он сделан из стекла»?

- «Третичный символизм в юстинианской эротике»?

Обнажая дряблые десны:

- Достаточно сказать, что нас искренне и откровенно беспокоит обладатель таких низких оценок по тестам, хотя и наверняка объяснимых оценок, раз он же является единственным автором этих работ.

- Я не уверен, что Хэл понимает, на что вы намекаете, - говорит мой дядя. Декан в центре трогает лацканы пиджака, пока разглядывает удручающие данные на распечатках.

- Мы пытаемся сказать, что с академической точки зрения тут есть проблемы с поступлением, и Хэл должен помочь нам разобраться в них. В первую очередь абитуриент – это будущий студент. Мы не можем принять студента, если есть основания полагать, что у него котелок не варит, и его успехи на поле совершенно не важны.

- Декан Сойер, конечно, имеет в виду корт, Чак, - говорит Спортивная кафедра, вывернув голову так, чтобы одновременно обращаться еще и к Уайту, стоящему позади. - Не говоря уже о правилах ОСАСУА. Их следователи всегда разнюхивают в поисках хотя бы малейшего намека на жульничество.

Университетский тренер по теннису смотрит на свои часы.

- Если предположить, что оценки по госэкзаменам полностью отражают истинные способности абитуриента, - говорит Учебная часть, все еще глядя на документы так, словно перед ним тарелка с чем-то несъедобным, его высокий голос тихий и серьезный, - я вам так скажу: на мой взгляд, это будет нечестно. Нечестно по отношению к другим претендентам. Нечестно по отношению к университетскому сообществу, – он смотрит на меня. – И особенно нечестно по отношению к Хэлу. Принять юношу, отталкиваясь только лишь от его спортивных достижений, - значит, использовать его. Мы под строжайшем контролем, чтобы мы никого не используем. Твои ГОСы, сынок, говорят о том, что нас могут обвинить, что мы тебя используем.

Дядя Чарльз просит тренера Уайта спросить Спортивную кафедру, стали бы они напускать такой туман, если бы я, скажем, был привлекательным для спонсоров гениальным футболистом. Я чувствую знакомую панику из-за того, что меня могут неправильно понять, в груди все грохочет. Я прикладываю все усилия для того, чтобы беззвучно сидеть на стуле, опустошенный,

мои глаза – два огромных бледных нуля. Они обещали помочь мне через все пройти.

Но у дяди подавленный вид, словно его загнали в угол. Когда он загнан в угол, его голос звучит очень странно, словно он кричит, уходя вдаль.

- Оценки Хэла в ЭТА - и здесь я должен сделать акцент на то, что это академия, а не какие-нибудь лагерь или фабрика, именно академия, аккредитованная штатом Массачусетс и Североамериканской ассоциацией спортивных академий, ее цель – воспитывать игроков и студентов, она основана выдающимся интеллектуалом, чье имя, я думаю, вам не нужно напоминать, на строгой Оксбриджской модели внеклассного обучения Квадривиум-Тривиум, снабжена всем нужным оборудованием и снаряжением и укомплектована сертифицированным персоналом; все это, мне кажется, должно показать, что котелок у моего племянника отлично варит, так варит, что может переварить все, что надо переварить в Пасифик-10, и что…

Делинт двигается в сторону тренера по теннису, который качает головой.

- …он почувствует во всем этом отчетливый привкус спортивной предвзятости к неприоритетным видам спорта, - говорит Ч.Т., закидывая сначала левую ногу на правую, потом правую на левую, пока я слушаю, невозмутимо и внимательно.

Теперь насыщенная тишина в комнате стала враждебной.

- Мне кажется, сейчас самое время дать слово абитуриенту, пусть скажет, что он думает. - очень тихо говорит Учебная часть. - Это, кажется, невозможно, пока вы здесь, сэр.

Спортивная кафедра устало улыбается из-под ладони, которой массирует переносицу.

- Может, извинишь нас на секунду и подождешь за дверью, Чак?

- Тренер Уайт мог бы проводить мистера Тэвиса и его помощника в приемную, - говорит желтый декан, улыбаясь в мои рассеянные глаза.

- ... выглядит так, словно вы уже решили заранее, учитывая… - говорит Ч.Т., пока его и Делинта ведут к двери. Тренер по теннису потягивает гипертрофированную руку. Спортивная кафедра говорит: «Мы все здесь друзья и коллеги».

Это конец. Мне вдруг приходит в голову, что знак EXIT для человека, родным языком которого является латынь, выглядел бы как подсвеченная красным надпись «ОН УХОДИТ». Я бы подчинился позыву броситься и опередить их по дороге к двери, если бы был уверен, что именно это в итоге увидят присутствующие. Делинт шепчет что-то тренеру по теннису.

Звуки клавиатур и телефонных консолей, когда дверь ненадолго открывается, потом плотно закрывается. Я один, окруженный административными головами.

- …не хотели никого оскорбить, - говорит Спортивная кафедра, на нем желто-коричневый летний пиджак и галстук в мелких завитушках, - речь здесь идет не только о физических способностях, которые, поверь мне, мы уважаем, хотим видеть на своей стороне.

- …вопрос был в этом, нам бы не хотелось так поговорить именно с тобой, понимаешь?

- …мы узнали в процессе обработки предыдущих заявок, прошедших через офис тренера Уайта, что школа Энфилда находится под управлением, пусть и весьма эффективным, во-первых, вашего брата, которого, как я до сих пор помню, обхаживал предшественник Уайта, Мори Кламкин, поэтому объективированность ваших оценок в данном случае очень легко подвергнуть сомнению…

- …сомнения могут возникнуть у кого угодно – у САУП[4], у зловредных программ Пацифик-10, АССОНАН…

Эти работы старые, да, но они мои; de moi. Но они старые, да, и не совсем соответствуют стандартным темам вступительных работ в стиле «Самое важное, что мне дало образование». Если бы я сдал прошлогоднюю работу, вы бы решили, что это двухлетний ребенок просто долбил по клавишам клавиатуры. И да – даже при том, что вы тут «объективируете» оценки. И в этой новой, более компактной компании начинает проявлять свою альфа-самцовость Литературная кафедра, хотя и выглядит при этом гораздо более женственно, выставив бедро и уперев в него руку, а при ходьбе поводя плечами, звеня мелочью в карманах, когда он подтягивает штаны и садится в кресло, все еще нагретое задом Ч.Т, закидывает ногу на ногу и наклоняется так, что вторгается в мое личное пространство; я вижу брови, дергающиеся в нервном тике, и сетку капилляров под глазами, чувствую запах кондиционера для белья и уже кислый запах мятной жвачки изо рта.

- … умный, толковый, но очень стеснительный мальчик - мы знаем, что ты очень стеснительный, Кирк Уайт передал нам, что рассказал ему твой атлетически сложенный, хотя и немного чопорный инструктор, - мягко говорит он; я чувствую, как он кладет, кажется, руку на бицепс моего пиджака (хотя этого не может быть), - ты просто должен собраться с силами и рассказать свою версию истории этим джентльменам, которые отнюдь не замышляют ничего плохого и просто делают свою работу и одновременно пытаются соблюсти интересы всех сторон.

Я представляю, как сидят Делинт и Уайт, уперев локти в колени как для испражнения, - поза всех спортсменов, выбывших из игры; Делинт пялится на свои огромные большие пальцы, пока Ч.Т. меряет приемную шагами, вычерчивая узкий эллипс и разговаривая по мобильнику. Меня готовили так же, как мафиозного дона к заседанию Комиссии по борьбе с организованной преступностью. Нейтральная, лишенная эмоций тишина. Игра от обороны, которой меня научил Штитт: “лучший защита: пусть все само отскакивайт: ничего не делайт”. Я бы рассказал вам все, что вы хотите услышать, и даже больше, если бы то, что я говорю, было равно тому, что вы услышите.

Спортивная кафедра, не высовывая головы из-под крыла:

- …чтобы это не выглядело так, словно мы взяли тебя только из-за твоих спортивных успехов. Это может дорого нам обойтись, сынок.

- Билл имеет в виду то, как это будет выглядеть со стороны, а вовсе не реальное положение вещей, пролить свет на которое можешь только ты, - говорит Литературная кафедра.

- …как будут выглядеть со стороны спортивные достижения наряду с очень плохими результатами тестов, слишком заумными вступительными сочинениями и потрясающими школьными оценками, с которыми как будто не обошлось без семейного блата.

Желтый декан так сильно наклонился вперед, что на его галстуке теперь точно появится горизонтальная вмятина от края стола; лицо его болезненно-доброе, на нем серьезное-«без дураков» выражение:

- Ну-ка послушайте, мистер Инканденца, Хэл, пожалуйста, просто объясни мне, сынок, почему конкретно нас не обвинят, что мы тебя используем. Почему завтра никто не придет и не скажет: “О, слушайте, Университет Аризоны, а вы же тут используете паренька, такого робкого и застенчивого, что он и слова сказать не может, качка с оценками доктора наук и купленной вступительной работой”.

Свет, отразившись от поверхности стола под углом Брюстера, розой расцветает на внутренней стороне моих век. Я не могу сделать так, чтобы меня поняли.

- Я не качок, - говорю я медленно. Отчетливо. - Возможно, в моем аттестате за последний год есть небольшие исправления, возможно, но это было сделано, чтобы помочь мне в трудную минуту. Все остальные оценки de moi, честно. - мои глаза закрыты; в комнате тихо. - Я не могу сделать так, чтобы меня поняли, - я говорю медленно и отчетливо. - Давайте скажем, что сегодня я съел что-то не то.

Забавно, что забывается, а что нет. Наш первый дом, в пригороде Уэстона, который я едва ли помню, - мой старший брат Орин говорит, что помнит, как ранней весной был там на заднем дворе, помогал маман пахать холодную почву какого-то нашего огорода. Март или начало апреля. Огород представлял собой неровный прямоугольник с границами в виде палочек эскимо, воткнутых в землю по углам, и бельевой веревки, протянутой между ними по периметру. Орин убирал камни и комья земли с пути маман, которая управляла арендованным «Рототиллером», похожей на тележку штукой, работавшей на бензине, которая ревела, чихала и брыкалась, и Орин помнит, что казалось, словно культиватор управляет маман, а не наоборот; маман очень высокая, и ей приходилось наклоняться до боли в спине, чтобы сдержать эту штуковину, ноги оставляли пьяные отпечатки на вспаханной земле. Он помнит, как я весь в слезах-соплях вышел из дома во двор, на мне была какая-то красная ворсистая кофта с Винни Пухом, я рыдал и нес в протянутой ладони нечто, что, как сказал мой брат, выглядело очень неприятно. Он говорит, было мне было где-то пять, и я рыдал и был ярко-красный на холодном весеннем воздухе. Я повторял что-то снова и снова; он не мог разобрать, пока мать не увидела меня и не выключила культиватор (в ушах звенело), и не подошла посмотреть, что это у меня в руке. Оказалось, огромный клочок плесени – как предполагает Орин, откуда-то из темного угла в подвале нашего дома в Уэстоне, в котором всегда было тепло из-за печи и который каждую весну затапливало. Сам по себе этот клочок Орин описывает как нечто чудовищное: темно-зеленое, глянцевое, слегка волосатое, испещренное желтыми, оранжевыми и красными точками грибковых колоний. И даже хуже: было очевидно, что этот кусок выглядит странно нецелым, надкусанным; и немного этой тошнотворной дряни было размазано у меня вокруг рта. «Я это съел», - вот что я повторял. Я протянул плесень маме; она была без линз (всегда снимала их перед тем, как взяться за грязную работу), и поначалу, склоняясь надо мной, видела лишь своего плачущего ребенка, который что-то протягивает в руке: и в самом материнском из всех рефлексов она, больше всего на свете боявшаяся грязи, потянулась, чтобы взять то, что ей протягивало ее дитя, – как делала всегда, когда забирала у меня использованную салфетку, выплюнутую конфету, пережеванную жвачкув кто знает скольких театрах, аэропортах, на задних сиденьях, спортивных залах? О. стоял там, говорит он, взвешивая в руке холодный ком, играясь с липучкой на куртке-ветровке, смотрел, как мама наклоняется ко мне, дальнозорко щурясь, внезапно останавливается, замирает, пытаясь

идентифицировать то, что я держу, оценивая признаки орального контакта с этой штукой. Он помни, что ее лицо было неописуемым. Ее протянутую руку, все еще дрожащую после культиватора, зависшую перед моей.

- Я это съел, - сказал я.

- Прошу прощения?

О. говорит, что только помнит!!! (sic), как сказал что-то язвительное, откидываясь назад и хрустя позвонками. Он говорит, что должен был чувствовать надвигающееся чудовищное беспокойство. Маман никогда не спускалась в сырой подвал. Я перестал рыдать, помнит он, и просто стоял, напоминая пожарный гидрант, в красной пижаме с пристяжными подштанниками, держал в руке плесень, с серьезным лицом, словно делал доклад или проводил аудит. О. говорит, в этой точке его память раздваивается, возможно, из-за беспокойства. В первой версии мама бегает по заднему двору, описывая широкий истерический круг: «Господи!» - кричит она.

«Помогите! Мой сын это ел», – вопит она во второй и более подробной версии воспоминания Орина, снова и снова, с пятнистым клочком плесени над головой в горсти, бегая вдоль прямоугольника огорода, пока О. поражался первому в своей жизни случаю взрослой истерики. В окнах и над заборами появились головы соседей. О. помнит, как я побежал за мамой, но споткнулся о веревку, обозначающую границы огорода, упал, испачкался, расплакался.

«Господи! Помогите! Мой сын это ел! Помогите!» - продолжала вопить она, бегая по границе узкого прямоугольника огорода; Орин помнит, что, даже несмотря на истерику, мама бегала ровно вдоль границы и оставляла по-индейски ровные следы, добежав до угла внутри прямоугольной идеограммы, она поворачивала четко и мгновенно; и пока она носилась по кругу (точнее – по прямоугольнику) и кричала «Мой сын это ел! Помогите!», она дважды пробежала мимо меня. На этом воспоминание Орина обрывается.

- Мои вступительные работы не куплены, - говорю я им, обращаясь в темноту красной пещеры, которая открывается перед закрытыми глазами. - Я не просто мальчишка, который играет в теннис. У меня запутанная история. У меня есть опыт и чувства. Я глубокий.

Я много читаю, - говорю я. - Учусь и читаю. Готов поспорить, что прочитал все то, что прочли вы. Можете мне поверить. Я потребляю целые библиотеки. Я читаю так, что у книг изнашиваются корешки. Я учусь так, что компакт-диски приходят в негодность. Я делаю странные вещи: я могу сесть в такси и

сказать: «В библиотеку, и поднажми!» Уж точно мои инстинкты, связанные с синтаксисом и механикой слов, гораздо острее ваших, при всем уважении.

Но это выходит за рамки механики. Я не машина. Я чувствую и верю. У меня есть своя точка зрения. Иногда весьма интересная. Я мог бы, если бы вы мне позволили, говорить без умолку. Давайте говорить о чем угодно. Я думаю, что влияние Кьеркегора на творчество Камю недооценивают. Я думаю, Денеш Габор вполне мог быть Антихристом. Я верю, что Гоббс – лишь отражение Руссо в темном зеркале. Я, как и Гегель, верю, что трансценденция – это поглощение. Вы все для меня – открытая книга, - говорю я. - Я не какой-то там гомункулус, собранный, настроенный и выращенный лишь для того, чтобы выполнять всего одну функцию.

Я открываю глаза.

- Пожалуйста, не думайте, что мне все равно.

Я осматриваюсь. На меня глядят с ужасом. Я поднимаюсь с кресла. Я вижу отвисшие челюсти, вскинутые брови на дрожащих лбах, ярко-бледные щеки. Кресло уходит из-под меня.

- Матерь божья! - говорит Литературная кафедра.

- Все нормально, - говорю я им, стоя. Желтый декан смотрит на меня щурясь, словно в лицо ему дует мощнейший ветер. Лицо Учебной части как будто состарилось за секунду. На меня уставились восемь глаз, в них – пустота.

- Господи, - шепчет Спортивная кафедра.

- Пожалуйста, не беспокойтесь, я все объясню, - говорю я, непринужденно отмахиваясь.

Литературная кафедра заламывает мне руки сзади и валит на пол, давит всем своим весом.

Я чувствую вкус пола.

- Что происходит?

- Ничего не происходит, - говорю я.

- Все хорошо! Я здесь, - кричит мне прямо в ухо Литературная кафедра.

- Позовите на помощь! - вопит декан.

Мой лоб вжали в паркет, я и не думал, что он такой холодный. Я обездвижен. Я стараюсь, чтобы меня воспринимали как не оказывающим сопротивления. Мое лицо расплющено об пол; мне сложно дышать, Литературная кафедра давит на меня всем своим весом.

- Просто выслушайте меня, - говорю я очень медленно и с большим трудом, слова мои неразборчивы из-за того, что ртом меня прижали к полу.

- Во имя господа, - пронзительно кричит один из деканов, - …

эти звуки?

Щелчки кнопок на телефонной консоли, топот каблуков по полу, шелест падающей бумаги.

- Боже!

- На помощь!

Слева, на периферии зрения, открывается дверь: пучок галогенового света из приемной, белые кроссовки и потертые туфли Nunn Bush.

- Отпустите его! – это Делинт.

- Все в порядке, - говоря я медленно в пол. – Я нахожусь здесь.

Меня берут под руки и поднимают, побагровевшая Литературная кафедра трясет меня за плечи, чтобы привести, как он считает, в чувство: «Соберись, сынок!»

Делинт виснет на его огромной руке:

- Прекратите!

- Я – не то, что вы видите и слышите.

Вдалеке сирены. Жесткий полунельсон. Документы на полу. Молодая женщина-латина прижала ладонь ко рту, смотрит.

- Я не то, - говорю я.

Как могут не нравиться старомодные мужские туалеты: цитрусовые диски-освежители в длинном фарфоровом писсуаре; кабинки с деревянными дверями, отделенные друг от друга холодным мрамором; эти ряды тонких раковин и кривые алфавиты труб под ними; зеркала над металлическими полочками; и за всеми голосами едва различимая капель, усиленная эхом мокрого фарфора и холодного мозаичного кафеля на полу, вблизи похожего почти на какой-то исламский узор.

Я вызвал сильный переполох, вокруг все мельтешит. Литературная кафедра все еще заламывает мне руки и почти тащит сквозь толпу клерков, которому, похоже, кажется, что у меня припадок (он открыл мне рот – проверить, не подавился ли я языком), что я задыхаюсь (я закашлялся от приема Геймлиха), что у меня психоз и я потерял контроль над собой (серия захватов, цель которых – вернуть надо мной контроль), – пока Делинт ворчит, усмиряя Литературную кафедру, усмиряющего меня, пока тренер по теннису усмиряет Делинта; сводный брат моей матери не говорит, а словно бы стреляет комбинациями множественных слогов в трио деканов, которые ловят ртом воздух, машут руками, оттягивают галстуки и тычут пальцами в лицо Ч.Т., одновременно размахивая стопками вступительных документов, в которых сейчас уже очевидно нет смысла.

Меня перевернули на спину на геометрической плитке. Я мирно размышляю над вопросом: почему в США туалет всегда кажется чем-то вроде изолятора, где люди могут справиться с волнением и восстановить контроль над ситуацией. Моя голова лежит на коленях у Литературной кафедры, (они довольно мягкие), из толпы ему протянули пачку грязно-серых бумажных полотенец и он вытирает мое лицо; я смотрю на него изо всех сил равнодушно и вижу оспины на его скуле, их еще больше в нижней части подбородка, от старых зарубцевавшихся акне. Дядя Чарльз, которому нет равных в метании дерьма, продолжает обстреливать людей анфиладами из той же субстанции, стараясь успокоить окружающих; ведь, судя по их лицам, они нуждаются в успокоении гораздо сильнее меня.

- Он в порядке, - твердит дядя. - Посмотрите на него, спокоен, как удав, лежит тут, отдыхает.

- Вы не видели, что там случилось, - отвечает сгорбившийся декан сквозь сетку пальцев на лице.

- Он просто взволнован, такое бывает иногда, впечатлительный мальчик…

- Но он издавал такие звуки.

- Неописуемо.

- Как животное.

- Какой-то полуживотный рев.

- И еще эти движения.

- Вы не думали, что ему нужна помощь, доктор Тэвис?

- Как животное, у которого что-то застряло в глотке.

- У мальчишки проблемы с головой.

- Словно удар молотком по пачке масла.

- Метущийся зверь с ножом в глазу.

- И о чем вы вообще хотели, зачислить такого...

- И его руки.

- Вы этого не видели, Тэвис. Его руки…

- Дергались. Тряслись. Словно он чокнутый барабанщик, - все кратко оглянулись на кого-то вне моего поля зрения, кто пытался что-то изобразить.

- Словно покадровая съемка, трепет чего-то ужасного… и нарастающего.

- Похоже на тонущую козу. Козу, тонущую в чем-то липком и вязком.

- Придушенное блеянье и…

- Да, как они тряслись.

- И что ж теперь, трясущиеся руки – это уже преступление?

- У вас серьезные проблемы, сэр. Серьезные проблемы.

- Его лицо. Словно его душили. Или сжигали. Мне кажется, я

видел образ ада.

- У него есть проблемы с общением. Он немного аутист, никто этого не отрицает.

- Мальчику нужен медицинский уход.

- И вместо того, чтобы лечить, вы посылаете его сюда, поступать и участвовать в соревнованиях?

- Хэл?

- Даже самый страшный кошмар – ерунда по сравнению с теми проблемами, что вас ожидают, господин так-называемый-директор...

- … дали понять, что это все – лишь формальность. Вы застали его врасплох, и все. Он стеснительный…

- И вы, Уайт. Хотели заполучить его в команду!

- … и ужасно впечатлен и взволнован оттого, что находится здесь без нас, без поддержки, ведь вы попросили нас выйти, а это, если позволите…

- Я лишь видел, как он играет. На корте он невероятен. Возможно, он гений. Мы и понятия не имели. Его брат играет в гребаной НФЛ, во имя всего святого! Вот топовый игрок с юго-западными корнями, думали мы. Его статистика была выше всяких похвал. Мы наблюдали за ним на протяжении всего турнира прошлой осенью. Никаких припадков или криков. Мой друг сказал, что его игра похожа на балет.

- И правильно сказал, черт возьми! Это и есть балет, Уайт. Этот мальчик – балерун от спорта.

- Он, стало быть, что-то вроде спортивного саванта. Выдающиеся балетные данные компенсируют те проблемы, которые вы, сэр, хотели от нас скрыть, заставив мальчишку молчать, - слева появляется пара дорогих эспадрилий и входит в кабинку, эспадрильи разворачиваются и смотрят носками на меня. За легким эхом голосов журчит струя мочи.

- …жет, нам уже пора, - говорит Ч.Т.

- Сэр, цельность моего сна нарушена впредь и навсегда.

- … думали, вам удастся протолкнуть недееспособного абитуриента, сфабриковать аттестат и вступительные работы, протащить его сквозь пародию на собеседование и втолкнуть в суровую студенческую жизнь?

- Хэл вполне здоров, придурок. Просто не надо на него давить. Он чувствует себя нормально, когда сам по себе. Да, у него есть некоторые проблемы с возбудимостью во время разговора. Разве он это отрицал?

- То, что мы наблюдали, очень отдаленно напоминает поведение млекопитающего.

- Ну просто обалдеть. Посмотрите. Как там поживает этот

наш легко возбудимый паренек, а, Обри?

- Вы, сэр, скорее всего, больны. Это дело нельзя просто так замять.

- Какая скорая? Вы что, ребят, вообще меня не слушаете? Я же вам говорю, это…

- Хэл? Хэл?

- Чем-то накачали, желали говорить от его лица, заткнули, а теперь он лежит тут, оцепеневший, с застывшим взглядом.

Хруст коленок Делинта.

- Хэл?

- …раздуть из этого историю, исказить факты. У Академии есть отличные адвокаты, выпускники. Они докажут, что Хэл вполне дееспособен. Все бумажки по высшему разряду. Мальчишка поглощает информацию из книг, как пылесос. Впитывает данные.

Я просто лежу, слушаю, чувствую запах бумажного полотенца и наблюдаю, как развернулись эспадрильи.

- Возможно, вы не в курсе, но жизнь – это не только собеседования.

И кто же не любит этот особенный львиный рев общественного туалета?

Неспроста Орин говорил, что в этих краях люди живут перебежками от одного кондиционера к другому. Солнце как молот. Я чувствую: половина лица начинает запекаться. Небо лоснящееся и словно жирное от жары, перистые облака, тонкие и ровные, как волосы, схваченные ободком. Плотность движения здесь совсем не как в Бостоне. Носилки особые, с ремнями для конечностей. Тот самый Обри Делинт, которого я годами считал попросту плоским спортивным ланистой, а не человеком, встает на колени рядом с моей каталкой, сжимает мою руку и говорит: «Просто держись там, Букару», - и возвращается назад, в эпицентр скандала, разразившегося возле дверей кареты скорой помощи. Это особая скорая помощь, ее прислали из такого места, о котором даже думать не хочется, в команде здесь не только санитары, но и настоящий доктор, психиатр.

Санитары осторожно поднимают меня, умело обращаются с ремнями. Доктор прислонился спиной к скорой, подняв руки, выступая бесстрастным посредником между деканами и Ч.Т., который протыкает небо антенной своего мобильника так, словно это сабля, возмущенный, что меня без всякой необходимости и против воли хотят поместить в отделение экстренной медицинской помощи. Вопрос, имеет ли вообще недееспособный человек свою волю и желания, остался незамеченным, как и

сверхзвуковой истребитель на высоте, который режет небо с юга на север. Руки доктора все еще подняты, он как бы похлопывает воздух, выражая нейтральность. У него большой небритый подбородок. До этого я только один раз был в приемном покое, почти ровно год назад, мои носилки тогда вкатили внутрь и поставили рядом с рядом стульев. Стулья были отлиты из оранжевого пластика; три из них дальше от меня были заняты разными людьми, и каждый из этих людей держал в руках пустой стаканчик для лекарств и обильно потел. И словно этого мало, в последнем кресле, прямо рядом с моей зафиксированной ремнем головой, сидела тетка в футболке, кепке дальнобойщика, с кожей цвета старой, обветренной древесины, заметно скособоченная направо; она начала рассказывать мне, пристегнутому и неподвижному, о том, что за одну ночь заработала внезапный аномальный гигантизм правой груди, которую сама называла «титькой»; она говорила с почти пародийным квебекским акцентом, описывала свою «титьку», историю болезни и возможные диагнозы на протяжении двадцати минут, пока меня, наконец, не увезли оттуда. Движение самолета и его след разрезоподобны, белое мясо за синевой обнажено и расширялось в кильватере лезвия-самолета. Однажды я видел слово «Нож», написанное пальцем на запотевшем зеркале в необщественном туалете. Я стал инфантофилом. Я вынужден скосить закрытые глаза вверх или в сторону, чтобы красная пещера на внутренней стороне моих век не воспламенилась от солнечного света. Звук проезжающих мимо машин словно неустанно твердит «тише, тише, тише». Солнце же, если хотя бы малая часть его диска попадает в поле зрения, оставляет на сетчатке синие и красные разводы, как если смотреть на лампочку. «Почему бы и нет»? А тогда почему бы и не нет? И что, это единственная причина, которую вы можете озвучить: «почему бы и нет»?» - голос Ч.Т., удаляющийся от возмущения. Теперь видны только галантные удары антенны его телефона, справа на самом краю зрения. Меня направят в какое-нибудь отделение экстренной медицинской помощи, где продержат до тех пор, пока я не соглашусь отвечать на вопросы, и потом, когда соглашусь, мне введут седативные; это будет стандартное приключение, но в обратном порядке: сначала путешествие, потом отбытие. Я на мгновение вспоминаю покойного Косгроува Уотта. Я думаю о гипофалангиальном[5] психотерапевте, специалисте по утратам. Я думаю о маман, расставляющей по алфавиту консервы с супом в шкафчике над микроволновкой. О зонтике Самого, свисающем с края журнального столика в самом углу прихожей Дома директора. Я думаю о Джоне Н.Р. Уэйне, который бы обязательно выиграл в

этом году турнир «Что-за-Бургер», как он стоит на карауле в маске, пока мы с Дональдом Гейтли выкапываем голову моего отца. Никто и не сомневался, что Уэйн бы победил. И у Венус Уильямс[6] ранчо недалеко от Грин Вэлли; она вполне может заглянуть на финал турнира для 18-летних юношей и девушек. Завтра полуфинал, меня выпустят задолго до его начала: я верю дяде Чарльзу. Сегодня почти наверняка победит Димфна[7] - ему шестнадцать, но день рожденья у него за две недели до 15-апрельского порога; и завтра в 0830 Димфна будет все еще уставший, в то время как я, обколотый седативами, просплю как каменный идол. Я никогда раньше не встречался с Димфной на турнирах, как никогда не играл звуковыми мячами для слепых, но я видел, как он с большим трудом справился с Петрополисом Каном в 1/16 финала, и знаю, что сделаю его.

Это начнется в больнице, в приемной, если Ч.Т. не приедет сразу вместе со скорой, или в палате с зеленой плиткой после палаты с приборами-манипуляторами!!!; или, учитывая, что это необычная машина скорой помощи, укомплектованная врачом, может, даже по дороге: какой-нибудь доктор с небритым подбородком, вылизанный до антисептического лоска, с именем, вышитым курсивом на нагрудном кармане белого халата с качественным дорогим пером, заведет у носилок шарманку с Q&A, этиология и диагноз сократовским методом, предписанную правилами, шаг за шагом. Если верить Оксфордскому словарю (шестая редакция), существует девятнадцать неархаичных синонимов для слова «безответный», из них девять латинских и четыре саксонских. В воскресном финале я буду играть со Стайсом или Полипом. Возможно, на трибуне будет сидеть Венус Уильямс. Но обязательно какой-нибудь синий воротничок очевидно без лицензии врача – помощник медсестры с погрызенными ногтями, чувак из охраны больницы, уставший санитар-кубинец, который, обращаясь ко мне, будет говорить «ти» вместо «ты» - вдруг заметит меня во всей этой суматохе, поймает то, что покажется ему моим взглядом, и спросит: «Ну чо, парень, давай, расскажи свою историю».

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Где эта женщина, которая обещала прийти? Она обещала. Эрдеди думал, что к этому времени она уже придет. Он сидел и думал. Он сидел в зале. Когда он только начал ждать, окно было наполнено желтым светом и отбрасывало на пол пятно, но по мере того, как он ждал, пятно становилось бледнее и поверх него появилось другое пятно, от окна в другой стене. На одной из стальных полок, на той, где музыкальный центр, сидело насекомое. Оно выползало из щелки в балке, на которой крепилась полка, и залезало обратно. Темное насекомое с блестящим панцирем. Эрдеди наблюдал за ним. Пару раз он хотел встать, подойти, рассмотреть его, но боялся, что если подойдет, то убьет его, а он боялся его убивать. Он не хотел звонить женщине, которая обещала прийти, потому что если он займет линию и в этот самый момент позвонит женщина, он боялся, что она услышит короткие гудки и решит, что он не заинтересован в ее предложении, и разозлится и, может, отвезет куда-нибудь в другое место то, что она ему обещала.

Она обещала достать пятюшку марихуаны, 200 грамм необычайно хорошей марихуаны, за 1250 долларов США. До этого он пытался завязать с марихуаной где-то 70 или 80 раз. Еще до того, как познакомился с этой женщиной. Она не знала, что он пытался завязать. Он всегда держался неделю, или две недели, или, может, два дня, а потом все обдумывал и решал, что можно бы кайфануть дома еще, в последний раз. В самый-самый последний раз он находил нового человека, которому еще не успел сказать, что собирается бросить и что нельзя ни в коем случае, пожалуйста, ни при каких обстоятельствах подгонять ему травку. Это надо делать через третьих лиц, потому что он сказал всем знакомым дилерам, чтобы они не отвечали на его звонки. И третьим лицом должен быть кто-то совершенно новый, потому что каждый раз, как он закупался, он знал, что это самый последний раз, и говорил им об этом, и просил об услуге никогда не подгонять ему еще травы, никогда. И никогда больше не просил тех, кому уже сказал, что завязал, потому что он был гордый, и еще добрый, и не хотел ставить никого в такое противоречивое положение. Еще он считал, что становится стремным, когда дело доходит до дури, и боялся, что другие тоже увидят, какой он стремный. Он сидел, и думал, и ждал в неровном скрещении двух лучей света из двух разных окон. Раз

или два он бросал взгляд на телефон. Насекомое скрылось в щелке в стальной балке, на которой крепилась полка.

Она обещала прийти в определенное время, и сейчас это время уже прошло. Наконец он сдался и набрал ее номер, используя только аудио, выслушал несколько гудков и испугался, что слишком долго занимает линию, потом включился автоответчик, и в сообщении была ироническая поп-мелодия, ее голос и мужской голос, одновременно сказавшие «мы вам перезвоним», и это «мы» звучало так, словно они – пара, мужчина - чернокожий красавчик из юридической школы, она – художник-декоратор, и он не оставил сообщение, потому что не хотел, чтобы она знала, как сильно ему нужна дурь. Он старался вести себя непринужденно. Она сказала, что знает парня там, за рекой, в Оллстоне, и этот парень продает высококачественную дурь в умеренных количествах, и он зевнул и сказал, ну что ж, может быть, хотя, знаешь, почему бы и нет, конечно же, это особый случай, я уж не помню, когда в последний курил. Она сказала, что он живет в трейлере, у него заячья губа, он держит змей и у него нет телефона, и, в общем, он совсем не из тех, кого обычно называют приятными и привлекательными людьми, и все же этот парень из Оллстона часто продает дурь театралам в Кембридже, и у него есть свои постоянные клиенты. Он сказал, что пытался сейчас вспомнить, когда в последний раз покупал дурь, так давно это было. Он сказал, что, пожалуй, попросит ее подогнать побольше, его друзья, сказал он, недавно звонили и спрашивали, не сможет ли он подогнать чуток. У него был такой прием: он часто говорил, что ищет дурь в основном для друзей. И потом, если женщина не достанет дурь в срок, и он станет психовать, он мог бы сказать ей, что это все из-за друзей, которые психуют, и ему жаль беспокоить женщину из-за таких пустяков, но друзья психуют и беспокоят его, и он просто хотел узнать, что передать, чтобы они успокоились. Он ведь всего лишь посредник. Он мог бы сказать, что друзья дали деньги и теперь психовали, давили, звонили. Такая тактика бесполезна с этой женщиной, которая должна прийти, потому что он еще не отдал ей 1250 долларов. Она не взяла деньги заранее. Она хорошо обеспечена. Она из обеспеченной семьи, сказала она, объясняя, почему живет в таком славном кондоминиуме, хотя работает художником-декоратором в компании при кебриджском театре, в котором, кажется, ставили только немецкие пьесы в мрачных халтурных декорациях. Она не особо беспокоилась из-за денег, сказала, что сама отдаст всю сумму, когда доедет до Оллстона в трейлер к этому парню, потому что была уверена, что в этот конкретный день он будет дома, и потом добавила, что Эрдеди просто все возместит, когда

она привезет ему дурь. Из-за этого соглашения, довольно невинного, он запсиховал, поэтому старался выглядеть еще более невинно и непринужденно и сказал конечно, отлично, пофиг. Сейчас, вспоминая, он был уверен, что сказал «пофиг», и теперь, ретроспективно, это его беспокоило, потому что могло прозвучать так, словно ему нет дела, совсем, и что если она забудет о сделке или забудет позвонить, он не расстроится. Но раз уж он принял решение купить марихуаны еще раз, то это было очень важно. Очень важно. Он вел себя слишком непринужденно с этой женщиной, надо было заставить ее взять 1250 долларов, напирая на вежливость, напирая на то, что не хочет доставлять ей финансовые неудобства из-за чего-то такого банального и не особо важного. Деньги означали бы обязательство, и нужно было заставить почувствовать эту женщину обязанной, раз то, что она пообещала, так его завело. Стоит ему завестись, как это для него становится настолько важно, что он почему-то боится показать, насколько. Стоило попросить купить, как он был обречен на некоторые шаблоны поведения. Насекомое вернулось. Оно вроде бы ничего не делало. Просто выползло из щелки в балке на самом краю стальной полки и сидело. Через какое-то время оно снова исчезло в щелки, и Эрдеди был уверен, что и там, в щелки, оно просто сидело и ничего не делало. Он чувствовал, что очень похож на это насекомое внутри балки, к которой прикручена полка, хотя и не знал, чем именно. Стоило ему решить купить марихуаны в последний раз, как он был обречен на некоторые шаблоны поведения. Ему пришлось позвонить в агентство и сказать, что у него форс-мажор, и что он отправил и-мэйл на ТП своей коллеги и попросил прикрыть его до конца недели, потому что в течение следующих нескольких дней он будет вне зоны доступа из-за этого самого форс-мажора. Ему пришлось записать на автоответчик сообщение, в котором он говорил, что будет недоступен в течение нескольких дней. Ему пришлось прибраться в спальне, потому что когда он закинется дурью, он не будет выходить из комнаты, за исключением походов к холодильнику и в туалет, но даже эти путешествия будут очень быстрыми. Ему пришлось выбросить все пиво и спиртное, потому что если он выпьет и накурится одновременно, ему станет плохо, начнутся головокружения, а если у него будет алкоголь, он не может быть уверен, что не выпьет после того, как покурит. Ему пришлось пройтись по магазинам, запастись едой. Сейчас только один усик насекомого торчал из щелки в балке. Торчал, но не двигался. Ему пришлось купить газировки, печенья «Орео», хлеба, мяса для сэндвичей, майонеза, помидоров, M&M's, «Почти домашнее» печенье, мороженое, шоколадный торт «Пэпперидж фарм», четыре

банки шоколадной глазури, чтобы есть ложкой. Ему пришлось заказать картриджи с фильмами в аутлете Интерлейса. Ему пришлось купить антациды, чтобы бороться с дискомфортом, который возникнет поздно ночью после того, как он съест все, что купил. Ему пришлось купить новый бонг, потому что каждый раз, когда он докуривал свою последнюю дозу марихуаны, он думал, что момент настал, пора завязывать, ему ведь это даже уже не нравится, все, точка, хватит прятаться, хватит сваливать работу на коллег, и записывать всякие сообщения на автоответчик и отгонять машину подальше от дома, и закрывать окна и задергивать шторы и жалюзи, и жить внутри системы векторов между фильмами Интерлейса на телепьютере в спальне, холодильником и туалетом; и он хватал бонг, заворачивал в несколько пакетов и выбрасывал. Его холодильник производил лед – маленькие, мутные, дымчатые кубики, он их любил, и когда курил дома, всегда пил холодную газировку и ледяную воду. Его язык разбух от одной мысли об этом. Он посмотрел на телефон и на часы. Он посмотрел на окна, но не на кроны и не на шоссе за окнами. Он уже пропылесосил жалюзи и шторы, был готов их задернуть. Как придет та женщина, что обещала прийти, он тут же изолируется. Он вдруг подумал, что исчезнет в щелке в балке внутри себя, в той самой балке, которая поддерживает что-то внутри него. Он не знал точно, что именно находится внутри, и не был готов предпринимать усилия, которые требовались для шаблона поведения для поиска ответа на этот вопрос. Прошло уже почти три часа с того момента, когда должна была прийти женщина, которая обещала прийти. Консультант, Ранди, через «а», с усами, как у офицера канадской полиции, сказал ему два года назад во время амбулаторного лечения, что он (Эрдеди) не предпринимает достаточно усилий для того, чтобы принять шаблон поведения, необходимый, чтобы исключить вещества из жизни. Ему пришлось купить новый бонг в «Богартс» на площади Портера в Кембридже, потому что каждый раз, когда он докуривал все вещества, он выбрасывал все бонги и трубки, латунные фильтры и бумажки для косяков, зажимы и зажигалки, глазные капли и слабительное «Пепто-Бисмол», печенье и шоколадную глазурь, чтобы избавиться от всех будущих соблазнов. Он всегда чувствовал подъем и твердую решимость после того, как выбрасывал все барахло. Этим утром он купил новый бонг и свежие припасы, вернулся домой в полной готовности задолго до того, как придет женщина, которая обещала прийти. Он подумал о новом бонге и новой упаковочке латунных фильтров в пакете из «Богартса», на кухонном столе, в залитой солнцем кухне, и не смог вспомнить, какого цвета бонг. В

прошлый раз бонг был оранжевый, а до этого – темно-розовый; дно его, впрочем, стало грязным уже через четыре дня из-за смолы. Он не мог вспомнить цвет последнего бонга. Хотел подняться и посмотреть, но решил, что эти навязчивые и лишние телодвижения могут испортить атмосферу непринужденного покоя, в котором он нуждался, пока ждал, - торчал, но не двигался - женщину, с которой он познакомился на совещании по дизайну для небольшой кампании его агентства для новой ретроспективы Ведекинда в ее маленьком театре, пока он ждал, что эта женщина, с которой у него дважды был секс, исполнит свое обещание. Он раздумывал над тем, красива ли эта женщина. Среди прочих припасов для своего последнего марихуанового отпуска он купил вазелин. Обкурившись, он имел привычку долго мастурбировать, всегда вне зависимости от того, есть ли возможность заняться сексом или нет, он предпочитал мастурбацию сексу, и вазелин позволял ему пережить период накура без болезненных ссадин и натертостей. Он колебался, стоит ли сходить посмотреть цвет нового бонга, потому что знал, что путь на кухню будет пролегать мимо телефонной консоли, а он не хотел поддаться этому соблазну позвонить женщине, которая обещала прийти, еще раз, потому что не хотел чувствовать себя стремным из-за того, что беспокоит ее из-за того, что представил ей пустяком, и еще боялся, что несколько бессловесных записей на ее автоответчике будут выглядеть еще более стремными; и еще беспокоился из-за того, что, возможно, займет линию именно в тот момент, когда она звонит ему, а она точно позвонит. Он решил добавить услугу «Ожидание звонка» за номинальную плату к стандартному набору услуг оператора связи, но потом вспомнил, что раз уж это абсолютно точно последний раз, когда он потакает своей, как назвал ее Ранди, через «а», «зависимости», такой же хищной, как и чистый алкоголизм, в услуге «Ожидание звонка» уже не будет никакой необходимости, поскольку такая ситуация уже не повторится. Эти мысли его почти разозлили. Чтобы сохранить хладнокровие, в которое он ждал в кресле на свету, он сфокусировался на окружении. Насекомого видно не было. Каждый «тик» его настольных часов состоял из трех более мелких «тиков», обозначая, как ему казалось, подготовку, шаг и перегруппировку. Он чувствовал, как внутри растет отвращение к самому себе за то, что он сидит тут и психует, в ожидании, когда ему доставят то, что уже давно перестало его радовать. Сейчас он даже не мог объяснить себе, за что любит дурь. Из-за дури у него пересыхало во рту, и глаза высыхали и краснели, и лицо проседало, а он ненавидел, когда такое случалось с лицом; как если бы

марихуана разъедала его мимические мышцы, и он знал и стеснялся того, что происходит с лицом, когда он курит, поэтому уже давным-давно курил в одиночестве. Он даже не понимал, почему его тянет к марихуане. Он даже никуда не выходил в тот же день, когда курил марихуану, так стеснялся. А если он курил без остановки на протяжении двух дней перед теликом в спальне, у него начинался болезненный плеврит. Дурь взвинчивала его, мысли скакали в разные стороны, из-за нее он восхищенно, взглядом слабоумного ребенка смотрел развлекательные картриджи – когда он в рамках подготовки к марихуановому отпуску закупался картриджами, то старался выбирать те, где все взрывалось и врезалось, и он был уверен, что какой-нибудь специалист по неприятным фактам, типа Ранди, сказал бы, что любовь к такого рода развлечениям – это плохой знак. Он медленно оттянул галстук, пока собирал в кулак свои мысли, волю, самосознание и самоубеждение, и твердо решил, что когда придет женщина, - а она придет, - это будет его последний марихуановый угар. Он просто выкурит так много и так быстро, что ему станет плохо, и память об этом ощущении будет такой неприятной, что, выкурив всю дурь, он больше никогда не захочет повторить этот опыт. Он сделает все, чтобы создать у себя только неприятные ассоциации с этим последним угаром. Дурь пугала его. Из-за нее он боялся. Не то что бы он боялся дури - просто после дури он боялся всего вокруг. Он давным-давно перестал чувствовать освобождение, облегчение или кайф. В этот последний раз он скурит все 200 грамм – 120 грамм очищенной равно 200 неочищенной – за четыре дня, т.е. больше унции в день, экономными дозами в девственно чистом бонге, невероятное, безумное количество в день, он поставил себе цель и рассматривал такой подход одновременно как покаяние и как способ скорректировать свое поведение, он каждый день будет выдувать по тридцать грамм высококачественной дури, начиная с утра, едва проснувшись, попив ледяной воды, чтобы отклеить прилипший к небу язык и принять антацид, – в среднем 200-300 длинных затяжек в день, безумная цифра, к которой он стремился специально, чтобы сделать процесс неприятным, и он поставил себе цель – курить без остановки, даже если марихуана будет хороша настолько, насколько утверждает женщина, он все равно забьет пять раз, пока желание забивать бонг не пропадет минимум на час. Но он себя заставит. Он скурит все подчистую, даже если не захочется. Даже если затошнит и закружится голова. Он приложит все свои упорство, волю и дисциплину, чтобы сделать угар настолько неприятным, низким и отвратительным, что это позволит ему изменить свою привычку, бросить, и он

никогда не захочет повторить этот опыт, потому что память об этих безумных четырех днях намертво врежется в мозг. Он исцелит себя через крайность. Он подумал, что женщина, когда она придет, возможно, захочет дунуть щепотку из этих 200 грамм с ним, потусить, поваляться, послушать что-нибудь из его впечатляющей коллекции записей Тито Пуэнте и, вероятно, перепихнуться. Он никогда раньше не занимался сексом под марихуаной. Честно говоря, мысль об этом казалась отвратительной. Два пересохших рта тыкаются друг в друга, изображая поцелуй, в то время как его мысли заплетаются вокруг самих себя, как змеи на палке, пока он дергается и сухо кряхтит на ней, его глаза опухнут и покраснеют, его лицо перекосит так, что вялые складки безвольно свисают и касаются ее оплывших складок, ее лицо тоже перекосит и мотает туда-сюда на подушке, пока она целует его пересохшим ртом. Одна мысль об этом была отвратительна. Он решил, что будет лучше, если она с порядочного расстояния бросит ему то, что обещала, а он бросит ей 1250 долларов крупными купюрами и скажет, чтоб на фиг валила отсюда. Или лучше «на хер», а не «на фиг». Он будет так груб, что память о его хамстве и о ее оскорбленном выражении лица в будущем поможет ему избежать соблазна позвонить ей вновь и повторить шаблон поведения, которому следует сейчас.

Он никогда еще так не психовал в ожидании прихода женщины, которую не хотел видеть. Он отлично помнил последнюю женщину, которую вовлекал в свой очередной финальный отпуск с марихуаной и опущенными жалюзи. Она занималась чем-то, что называется «апроприация», на деле это означало, что она копирует и приукрашивает чужие картины и затем продает их в престижных галереях на Мальборо-стрит. У нее был свой «манифест художника», содержащий радикально-феминистские идеи. Он согласился взять одну из ее картин, из тех, что поменьше размером. Сейчас эта картина занимала полстены над кроватью и изображала знаменитую киноактрису, имя которой ему всегда было трудно вспомнить, и менее знаменитого киноактера, которые сплелись в объятиях в сцене из старого известного фильма, романтической сцене, скопированной из учебника кино, в несколько раз увеличенной и куда более высокопарной, и расписанной непристойностями ярко-красными буквами. Художница была сексуальна, но не красива, в то время как та женщина, которую он ждал сейчас (хоть и не хотел ее видеть), психуя, была красива, ее окружал сухой, увядающий кембриджский дух, благодаря которому она выглядела красиво, но не сексуально. Он убедил художницу, что раньше он сидел на спидах, сказал, торчал на внутривенном гидрохлориде

метамфетамина[8], и даже описал омерзительный вкус гидрохлорида, который появляется во рту сразу же после введения дозы. Он хорошо изучил этот вопрос. Он убедил художницу, что марихуана помогает ему не сорваться и не перейти на более жесткую наркоту, с которой у него действительно есть проблемы, поэтому если он чересчур психует из-за травки, которую она пообещала достать, то это только потому, что он героически сражается с гораздо более мрачными и глубокими потребностями и нуждается в ее помощи. Он точно не помнил, когда и в какой форме выдал ей все это. Не то что бы он прям вот так сел напротив нее и нагло врал в лицо, нет, он скорее создал легенду, которую холил и лелеял, и позволил ей обрести собственную жизнь. Он снова увидел целиком насекомое. Оно сидело на полке рядом с цифровым эквалайзером. На самом деле насекомое, возможно, и не уползало в щелку в балке. Возможно, он просто не замечал его, или освещение из двух окон изменилось, а может, дело в визуальном контексте. Балка выпирала из стены и представляла собой треугольник из неотшлифованной стали с пазами для полок. На металлических полках стоял музыкальный центр, они были покрашены в темный индустриальный зеленый цвет и вообще-то предназначались для хранения консервов. Дополнительные кухонные полки, вот их предназначение. Насекомое в темном, блестящем панцире сидело неподвижно, словно копило силы, оно было похоже на корпус автомобиля, из которого на время извлекли двигатель. У него был темный, блестящий панцирь и усики, которые торчали, но не двигались. Эрдеди захотел в туалет. Последняя весточка от художницы, с которой у него был секс и которая в процессе соития распыляла что-то вроде парфюма из пульверизатора, который сжимала в левой руке, пока лежала под Эрдеди, издавая широкий диапазон звуков и распыляя парфюм в воздухе так, что он (Эрдеди) чувствовал, как холодный туман оседает на спину и плечи, ощущал прохладу и отвращение, - так вот, последней весточкой от нее, после того как он начал прятаться от нее с марихуаной, которую она же ему и подогнала, была присланная по почте открытка со стилизованным фото с изображением коврика из грубой пластиковой травы с надписью «Добро пожаловать» и рядом вторым – хвастливым – фото художницы в ее галерее Бэк Бэй, и между двумя этими фотографиями стоял знак неравенства, ну, то есть знак равенства, перечеркнутый диагональной чертой, а так же непристойное слово, которое, как он предположил, адресовалось ему, написанное прописными буквами красным карандашом внизу открытки со множеством восклицательных знаков. Она чувствовала себя оскорбленной,

ведь он сперва встречался с ней ежедневно на протяжении десяти дней, а потом, когда она наконец добыла 50 грамм генетически модифицированной гидропонной марихуаны, сказал, что она спасла ему жизнь и что он благодарен, и что друзья, которым он обещал достать дури, тоже благодарны, и что теперь ей придется уйти, потому что у него назначена встреча, и ему надо отчаливать, но он обязательно, позвонит ей сегодня же, чуть позже, и они влажно поцеловались, и она сказала, что буквально чувствует, как его сердце бьется под пиджаком, и уехала в своей ржавой машине без глушителя, и он вышел на улицу и отогнал свою машину в подземный гараж в нескольких кварталах от дома, и прибежал назад, закрыл чистые жалюзи и задернул шторы, и сменил сообщение на автоответчике на то, в котором говорил о форс-мажоре и об отъезде из города, и после этого закрыл жалюзи в спальне и достал новенький розовый бонг из пакета из «Богартса», и исчез на три дня, и проигнорировал больше двадцати голосовых сообщений, протоколов и и-мейлов, в которых люди выражали озабоченность по поводу записи на его автоответчике, и так ей и не позвонил. Он надеялся, что она подумает, будто он снова перешел на гидрохлорид метамфетамина и просто не хочет, чтобы она видела, как он скатывается в ад химической зависимости. На самом деле он не позвонил ей потому, что опять решил, будто эти 50 грамм смолянистой дури, настолько забористой, что на второй день у него началась паническая атака, такая сильная и парализующая, что пришлось мочиться в памятную керамическую кружку с эмблемой Университета Тафтса, так сильно он боялся покинуть спальню, - так вот, он решил, что эти 50 грамм будут его последней дозой, и, покончив с ними, он полностью разорвет все связи со всеми возможными будущими источниками соблазна, естественно, включая художницу, которая принесла дурь ровно тогда, когда обещала, насколько он помнил. С улицы послышался грохот опустошаемого в сухопутную баржу EWD мусорного контейнера. Стыд из-за того, что она со своей стороны могла принять за типичное низкое фаллоцентрическое отношение к ней, только помогал ему ее избегать. Ну, не совсем стыд. Скорее ему было некомфортно думать об этом. Ему пришлось дважды стирать постельное белье, чтобы избавиться от запаха ее парфюма. Он направился в туалет, прикладывая все усилия, чтобы не смотреть ни на насекомое, сидящее на полке слева, ни на телефонную консоль на лакированном рабочем столе справа. Он старался не трогать ни то, ни другое. Где эта женщина, что обещала прийти? Новый бонг в богартсовском пакете был оранжевого цвета, а значит, что он что-то перепутал, когда думал

на предыдущий бонг. Он был насыщенного осеннего оранжевого цвета, который приобретал оттенки цитрусового, когда на бонг падал послеполуденный свет из окна над кухонной раковиной. Мундштук и чаша бонга были изготовлены из неотшлифованной нержавеющей стали, зернистой и некрасивой. Высота бонга – полметра, основание покрыто мягкой фальшивой замшей. Оранжевый пластик был толстый, на трубке, с противоположной стороны мундштука, было отверстие, неровное и очень грубое - по краям торчали острые куски пластика, как осколки, от которых большому пальцу Эрдеди в процессе курения будет больно, что, впрочем, он тоже решил считать частью самоистязания, которое он устроит себе, когда принесет дурь и уйдет та женщина. Он оставил дверь в ванную открытой, чтобы услышать, если вдруг зазвонит телефон или домофон его кондоминиума. В ванной к горлу у него внезапно подступил ком, и он громко заплакал, рыдания его, впрочем, резко прекратились через две-три секунды, и больше он не мог выдавить ни слезинки. Прошло уже больше четырех часов с того момента, когда обещала прийти женщина. Он был в ванной или в кресле, рядом с окном и с телефонной консолью, и с насекомым, и с окном, из которого на пол падал прямоугольник света, когда только начал ждать? Свет из окна падал под все более острым углом. Прямоугольник превратился в параллелограмм. Свет из юго-западного окна был прямой и начинал краснеть. Чуть ранее он думал, что ему нужно в туалет, но в туалете у него ничего не получилось. Он попытался вставить всю кучу картриджей с фильмами в дисковод, затем включил огромный телепьютер в спальне. В зеркале над телепьютером он видел фрагмент картины художницы. Он прицелился пультом в телепьютер так, словно это оружие, и убавил звук до конца. Он сел на край кровати и, уперев локти в колени, стал просматривать картриджи. Каждый картридж загружался в дисковод и там начинал по-насекомому скрипеть и жужжать, пока Эрдеди их просматривал. Но даже телепьютер не помогал ему отвлечься, потому что он был не способен задержать свое внимание на одном развлечении дольше чем на несколько секунд. Как только он понимал, что за фильм на картридже, его охватывало беспокойство, что на другом картридже есть что-то интересней. Он осознал, что у него будет еще уйма времени, чтобы насладиться всеми картриджами, и еще, подумав, понял, что эта его боязнь упустить нечто более развлекательное не имеет никакого смысла. Экран висел на стене, размером почти с половину большой картины художницы-феминистки. Какое-то время он щелкал пультом, просматривая картриджи. Во время беспокойного просмотра зазвонил телефон. Он вскочил на ноги и

был уже рядом с консолью раньше, чем успел замолчать первый звонок, его переполняло то ли волнение, то ли облегчение, в руке он все еще сжимал пульт от телепьютера; но оказалось, что звонит всего лишь друг и коллега, и когда он понял, что голос на том конце провода не принадлежит той женщине, которая обещала принести ему то, что он хотел скурить и тем самым изгнать из своей жизни навсегда, от разочарования его чуть не стошнило; теперь, когда в крови светился и звенел ошибочно впрыснутый адреналин, он повесил трубку (чтобы освободить линию для женщины) так быстро, что был уверен - коллега решил, что либо Эрдеди на него за что-то злится, либо просто грубый. Еще больше его расстроило, что он так поздно вечером ответил на звонок, несмотря на то, что до этого специально оставил запись на автоответчике, в которой сообщал, что у него форс-мажор и в ближайшее время он будет недоступен, как раз на случай если коллега позвонит после того, как придет и уйдет женщина, и он задернет все шторы и окунется в марихуановый угар, и он стоял у телефонной консоли и пытался решить, стоит ли из-за риска, что ему опять позвонит коллега или кто-нибудь еще из агентства, поменять запись на автоответчике на новую, по которой он уезжает из-за форс-мажора сегодня вечером, а не днем, но потом решил, что раз уж женщина точно обещала прийти, то лучше оставить запись как есть, ведь это будет означать, что он верит ей, и эта его вера каким-то образом ее обещание усилит. Сухопутная баржа EWD тем временем опустошала баки дальше по улице. Эрдеди вернулся в кресло рядом с окном. В спальне все еще работали дисковод и телепьютер, и он видел сквозь дверной проем, как свет и мерцание экрана высокой четкости, меняла цвета, и некоторое время Эрдеди убивал время, угадывая по изменению цветовой гаммы и интенсивности света, какие именно сцены сейчас на невидимом экране. Кресло стояло спиной к окну. О том, чтобы почитать, ожидая марихуану, не могло быть и речи. Он подумал насчет мастурбации, но не стал. Он не столько отверг идею, сколько просто не отреагировал, и наблюдал, как она уплывает. Он подумал в общем о желаниях и идеях, за которыми наблюдал, но которым не следовал, задумался, как импульсы истощаются без выражения, иссыхают и сухо уплывают прочь, и на каком-то уровне почувствовал, что это как-то связано с ним, его обстоятельствами и тем, что – если этот изматывающий финальный угар, на который он решился, никак не решит проблему – можно смело называть его проблемой; но он не успел даже начать обдумывать, как этот образ – обезвоженные мысли-импульсы, уплывающие прочь, - связаны то ли с ним, то ли с тем

насекомым, которое уползло обратно в щелку в наклонной балке, потому что в этот самый момент телефон и домофон зазвонили одновременно, и как же громко, мучительно и резко ворвались они сквозь мелкое отверстие в огромный шар цветастой тишины, в которой сидел и ждал он, и он бросился сперва к телефонной консоли, потом – к домофонному модулю, потом, подчиняясь импульсу, снова в сторону телефона, потом попробовал каким-то образом броситься одновременно и туда, и туда, и так и замер с раздвинутыми ногами, раскинутыми руками, словно ловил что-то большое, распятый, погребенный между двумя звуками, без единой мысли в голове.

1 апреля – Год Геморройных Салфеток Tucks

- Просто папа сказал мне прийти сюда.

- Заходи. Стул найдешь сразу слева.

- Вот я и пришел.

- Вот и замечательно. «Сэвен-Ап»? Может, лимонной газировки?

- Думаю, нет, спасибо. Ну, то есть, вот я и пришел, и я вроде как хотел бы узнать, зачем папа меня сюда прислал. На вашей двери нет никакой таблички, а у стоматолога я был на прошлой неделе, вот я и думаю, зачем я сюда пришел? Потому и не сажусь.

- Сколько тебе, Хэл, четырнадцать?

- Будет тринадцать в июне. Вы стоматолог? Это типа как стоматологическая консультация?

- Я пригласил тебя, чтобы побеседовать.

- Побеседовать?

- Да. Прости, сейчас исправлю возраст в анкете. По какой-то причине твой отец записал тебя в группу к четырнадцатилетним.

- Пообщаться типа с вами?

- Да, Хэл, со мной. Умоляю тебя, выпей лимонной газировки. Твое горло настолько пересохло, что при разговоре ты издаешь липкие звуки, характерные для людей с дефицитом слюны.

- Доктор Зегарелли говорит, что главная причина кариеса – что у меня нарушение слюноотделения.

- Сухие, липкие звуки, которые могут положить конец любому общению.

- Но я что, катил сюда против ветра, на велике, только для того, чтобы пообщаться с вами? А наше с вами общение может начаться с моего вопроса, зачем?

- Я начну с того, что спрошу у тебя, Хэл, знаешь ли ты значение слова «умоляю»?

- Ладно, раз уж вы умоляете, тогда я возьму налью «Сэвен-Апа».

- Я спрошу еще раз, знаете ли вы слово «умоляю», молодой человек?

- Молодой человек?

- В конце концов, на тебе галстук-бабочка. Разве это само по себе не приглашение называть тебя «молодой человек»?

- «Умолять» - это правильный глагол, несовершенного вида, переходный: склонять к чему-либо страстными просьбами, горячо

просить о милости, милосердии, снисхождении. Слабый синоним: просить. Сильный синоним: заклинать. Этимология: происходит от латинского implorare. Im в значении «в» и plorare в этом контексте «призывать». Оксфордский Словарь, сокращенное шестое издание, страница 1387, колонка двенадцать и чуть-чуть тринадцатой.

- Матерь божья, так она не преувеличивала?

- В академии меня иногда бьют за такие штуки. Это как-то связано с тем, почему я здесь? Это потому, что я игрок в теннис, выступаю в Континентальном турнире для юниоров, который еще умеет запоминать и воспроизводить слово в слово целые фрагменты из словарей, за что меня иногда бьют, и носит бабочку? Вы типа специалист по одаренным детям? Это значит, меня считают одаренный?

Сп-ф-ф-ф-т.

- Пожалуйста. Угощайся.

- Спасибо. Гулп-ш-гулп-ш-спа-а-х…. Фух-х. Ах.

- Тебя мучила жажда.

- Так что, если я сяду, вы мне все объясните?

- … что ж, профессиональный собеседник разбирается в слизистых оболочках.

- У меня может быть отрыжка из-за газировки. Это я заранее вас предупреждаю.

- Хэл, ты здесь потому, что я профессиональный собеседник, и твой отец назначил тебе встречу со мной, чтобы ты побеседовал.

- Ми-урп. Простите.

Кап-кап-кап-кап.

- Гулп-ш-спа-а-х.

Кап-кап-кап-кап.

- Так вы профессиональный собеседник?

- Я, да, как я только что сказал, профессиональный собеседник.

- Только не надо смотреть на часы, словно я трачу ваше драгоценное время. Если Сам назначил вам встречу и заплатил за нее, значит, это время мое, правильно? Не ваше. И потом, что это вообще значит - «профессиональный собеседник»? Собеседник – это просто человек, который ведет беседу. Вы берете деньги за то, чтобы вести беседу?

- Собеседник - это так же человек, который, как я уверен, ты помнишь, «интересный в общении человек».

- Это из словаря Вебстера, седьмое издание, а вовсе не из Оксфордского.

Кап-кап.

- Я фанат Оксфордского, доктор. Если вы, конечно, доктор. Вы же доктор? У вас есть докторская степень? Многие люди, я заметил, любят вешать на стены свои дипломы, если они у них есть. А седьмое издание Вебстера - это старый словарь, он уже неактуален. Восьмое издание Вебстера вносит поправки, что «собеседник – это человек, который ведет беседу с энтузиазмом».

- Еще «Сэвен-Апа»?

- У Самого продолжаются галлюцинации о том, что я не разговариваю? Вот почему он сказал маман, чтобы она послала меня на велике сюда? Сам – это папа. Мы его так называем. А маму мы зовем «маман». Это мой брат придумал прозвища. Это ведь не так уж и необычно. В большинстве более или менее нормальных семей люди называют друг друга ласкательными именами или придумывают милые прозвища. Лучше не спрашивайте о моем семейном прозвище.

Кап-кап-кап.

- Но вы должны знать, что Сам в последнее время иногда страдает от галлюцинаций. Я все не пойму, почему маман позволила ему отправить меня сюда, крутить педали, взобраться на холм, против ветра, чтобы побеседовать с энтузиастом, у которого нет ни таблички на двери, ни дипломов на стене, хотя у меня сегодня игра в 3:00.

- Мне, по моему скромному мнению, кажется. что это связано не только с тобой, но и со мной. Моя репутация опережает меня.

- По-моему, эту фигуру речи обычно используют в негативном контексте, не?

- Со мной очень интересно разговаривать. Я настоящий профессионал. Люди покидают мой кабинет, чувствуя себя обновленными. Ты здесь. Настало время общения. Может, обсудим византийскую эротику?

- Как вы узнали, что я интересуюсь византийской эротикой?

- Мне кажется, ты продолжаешь путать меня с человеком, который просто вывесил на дверь табличку со словами «Профессиональный собеседник», а это предприятие – с шарашкиной конторой, созданной тяп-ляп. Думаешь, у меня нет сотрудников? Исследователей в штате? Думаешь, мы не изучаем тщательно подноготную всех, кому назначаем встречи? Думаешь, аккредитованное общество с ограниченной ответственностью не собирает данные на своих клиентов, особенно на те области их интересов, которые помогут наладить общение?

- Я знаю только одного человека, который использовал слово «подноготная» в обычной беседе.

- В нашей с тобой беседе нет ничего обычного. Я профессионал. Мы погружаемся. Мы копаем глубоко, а потом еще

глубже. Молодой человек.

- Хорошо, александрийский период или константинопольский?

- Думаешь, мы недостаточно хорошо изучили твою связь с текущим внутрипровинциальным кризисом в южном Квебеке?

- Какой еще за кризис в Квебеке? Я думал, вы хотели поговорить о непристойных мозаиках.

- Наш офис расположен в престижном районе североамериканской метрополии, Хэл. У нас очень высокие стандарты. Специалист по общению всегда ищет подноготную, неужели ты думаешь, что мы бы не проверили самые скрытые и темные места биографии твоей семьи, ваши порочащие связи с членом панканадского сопротивления, печально известным мсье Дюплесси, и его коварной, но неотразимой личной секретаршей - оперативником, Лурией П----?

- Слушайте, с вами все в порядке?

- Так ты думаешь?

- Мне десять, ради всего святого. По-моему, у вас квадратик на календаре съехал. Я потенциально одаренный десятилетний теннисист и филолог, моя мама – очень большой человек в ученом мире нормативной грамматики, мой отец занимает выдающееся место в кругах авангардного кино и оптики, а также единоличный основатель Энфилдской теннисной академии, но при этом хлещет Wild Turkey чуть ли не с пяти утра и во время утренних тренировок запинается и падает, иногда, на кортах, а еще иногда у него бывают галлюцинации, ему кажется, что люди только шевелят губами, но не разговаривают. Я еще даже сокращенный Оксфордский словарь до буквы «J» не дочитал, а уж обо всех этих Квебеках и злобных Луриях знаю того меньше.

- … на тот факт, что фотографии вышеупомянутых… связей утекли в газету Der Spiegel, и все закончилось странной смертью двух человек: папарацци из Оттавы и редактора международного отдела из Баварии: первому вспороли брюхо альпенштоком, второй подавился жемчужным луком из коктейля?

- Я только что закончил читать статью о галлюциногенах. Начал читать о гармонике и об общей теории язычковых музыкальных инструментов. Я даже на лыжах никогда не катался.

- Что ты смеешь представить, будто мы не отразим в беседе некоторые еженедельные, назовем их… встречи… твоей матери с неким пока остающимся неназванным фаготистом-бисексуалом из оркестра Албертанской секретной гвардии?

- Ох, блин, а можно я пойду?

- … и что твое беспечное невнимание к тому, что твоя дорогая «грамматическая» мать прыгает из койки в койку не с

одним или с двумя, а с более чем тридцатью ближневосточными атташе по медицине?..

- А если я скажу вам, что у вас усы кривые, это будет грубо?

- … и что она подливает эзотерические мнемонические стероиды, которые стереохимически не отличаются от ежедневных гиподермических «мега-витаминов» твоего отца, - и то и другое производится на основе органического восстанавливающего тестостерон соединения, дистиллированного шаманами дживаро из Южно-Центрального бассейна ЛА, - в твою тарелку с утренними кукурузными хлопьями…

- Нет, более того, я просто должен сказать, что у вас все лицо как-то странно перекосило, как бы, сами посмотрите. Нос обвис.

- Что твои, цитирую, «спонсорские» широкопрофильные теннисные ракетки фирмы Dunlop сделаны из суперсекретного сплава высокомодульной, усиленной графитом, поликарбонатной полибутиленовой смолы, органохимически идентичной - я подчеркиваю: идентичной - тем материалам, из которых сделаны гироскопический балансовый сенсор, карта апроприации мизансцены и развлекательно-приапический картридж, имплантированные в анапластический мозг твоего выдающегося отца после того, как он пережил жестокую серию детоксикаций, сглаживаний извилин, гастректомий, простатектомий, панкреатектомий, фаллоктомий…

Кап-кап.

- Гулп-ш-спа-а-х.

- … ускользнет от пристального внимания моих?..

- И я понял, что уже видел этот свитер с узором ромбиками. Это особый свитер с ромбиками дня Взаимозависимости, который Сам всегда надевает на ужин и из принципа никогда не стирает. Узнаю эти пятна. Я был рядом, когда подавали эту итальянскую телятину. А наша встреча как-то связана с датой? Это какая-то первоапрельская шутка, да, пап? Или мне позвонить маман и Ч.Т.?

- … всего лишь просит ежедневного доказательства того, что ты разговариваешь? Что ты вообще умеешь видеть дальше мясистого кончика своего мондрагоновского носа?

- Ты снял целый офис и нацепил это лицо, и тем не менее надел свой старый свитер, который невозможно ни с чем перепутать? И как тебе удалось добраться сюда раньше меня, если твой «Меркури» стоит без колес на кирпичах с тех пор, как ты… или ты как-то выманил у Ч.Т. ключи от рабочей машины?

- Который раньше ежедневно молился о том дне, когда его собственный дорогой покойный отец сядет, покашляет, откроет

свежий «Туксон Ситизен» и не превратит газету в пятую стену комнаты? И который после стольких света и шума сам, похоже, породил такую же тишину?

- …

- Который прожил всю чертову проклятую жизнь-жестянку в комнатах с пятью стенами?

- Слушай, пап, у меня по расписанию игра с Шахтом минут через двенадцать, несмотря на ветер по дороге с холма. И еще встреча с лирологом, который будет ждать у «Брайтон Бест Сейвингс» в заранее оговоренном галстуке ровно в пять. Ради этой встречи мне придется стричь газон возле его дома целый месяц. Мне некогда сидеть тут с тобой с обвисшим носом, потому что тебе кажется, будто я немой. Ты слышишь, как я говорю, пап? Оно говорит. Оно пьет газировку, дает определение слову «умолять» и беседует с тобой.

- Моля о том, чтобы хоть одна беседа, любительская или профессиональная, закончилась нормально? Нормально, а не как все остальные: ты пялишься, я глотаю?

- …

- Сынок?

- …

- Сынок?

9 мая - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Еще отцы влияют на своих сыновей в том, что когда у сына ломается голос, он начинает отвечать на телефонные звонки с теми же речевыми оборотами и интонациями, что и его отец. Это верно вне зависимости от того, жив отец или нет.

Поскольку он уходил из общежития на утренние тренировки еще до 0600 и часто не возвращался до самого ужина, сбор портфеля, рюкзака и спортивной сумки, да еще отбор самых упругих ракеток, - все это занимало прилично времени. Плюс обычно Хэл собирал, паковал и отбирал нужные вещи в темноте, стараясь двигаться очень тихо, потому что на соседней кровати спал его брат, Марио. Марио не тренировался и не мог играть, и нуждался в здоровом сне.

Хэл стоял со спонсорской сумкой для снаряжения и перебирал треники, прикладывая их поочередно к лицу, пытаясь определить самую чистую пару по запаху, когда зазвонила телефонная консоль. Марио встрепенулся и сел на кровати, маленький сгорбившийся силуэт с большой головой в сером предутреннем свете окна. Хэл был у консоли ко второму звонку и прозрачную антенну телефона вытащил к третьему.

Отвечая на звонки, вместо обычного приветствия он всегда говорил что-то вроде: «М-м-м-алло».

- Я столько хочу сказать, - сообщил голос в трубке, - Голова переполнена мыслями.

В свободной руке Хэл держал три пары треников с эмблемой ЭТА. Он видел, как его старший брат поддался гравитации и откинулся назад, на подушки. Марио часто садился на кровати и падал назад, не просыпаясь.

- Я не против, - мягко ответил Хэл, - я могу ждать вечно.[9]

- Это ты так думаешь, - сказал голос. Связь оборвалась. Это был Орин.

- Эй, Хэл?

Свет в комнате был какого-то мерзко-серого цвета, словно антисвет. Хэл слышал, как в коридоре Брандт смеется над чем-то, что сказал Кенкль, и лязг ведер уборщиков. Голос в телефоне принадлежал О.

- Эй, Хэл? - Марио проснулся. У него огромная голова, ему нужно четыре подушки, чтобы нормально спать. Его голос доносился из-под спутанных одеял. - На улице еще темно или это мне так кажется?

- Спи. Еще даже шести нет. - Хэл надевал спортивные штаны, первой вдевая в штанину здоровую ногу.

- Кто это был?

Хэл сунул три широкопрофильные ракетки «Данлоп» без чехлов в сумку для снаряжения и застегнул ее так, что ручки ракеток торчали наружу. Подтащил все три сумки к консоли и отключил звук у телефона.

- Ты его вряд ли знаешь, - сказал он.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Хотя атташе по медицине лишь наполовину этнический араб (канадец по рождению и местожительству), тем не менее он снова получил дипломатический иммунитет как гражданин Саудовской Аравии, в этот раз – как особый лор-консультант личного врача Принца К-------, министра по домашним развлечениям, прибывшего сюда, на северо-восток США, с дипломатической миссией, чтобы заключить очередную огромную сделку с компанией «ИнтерЛейс ТелИнтертейнмент». Завтра, в четверг, 2-го апреля, в ГВВВД по лунному североамериканскому календарю атташе исполнится тридцать семь. Идея нового американского календаря, где каждый год назван в честь компании-спонсора, кажется ему и его коллегам до смешного вульгарной. Не говоря уже о сногсшибательном новом образе самого знаменитого и бахвального кумира идолопоклоннического Запада – колоссальной статуе Свободности, на которую в этом году нацепили что-то вроде гигантского подгузника для взрослых; этот до смешного уместный образ теперь активно тиражируется в новостях и в международных журналах.

Обычно медицинская практика атташе разделена между Монреалем и Руб-эль-Хали, США он посещает впервые за восемь лет с завершения ординатуры. Его работа здесь – ездить вместе с принцем и его свитой между двумя интерлейсовскими хабами по производству и рассеиванию в Фениксе, Аризона, США, и в Бостоне, Массачусетс, США, соответственно, оказывая услуги отоларинголога, консультируя личного врача Принца К--------. Если конкретно, то он специализируется на челюстно-лицевых последствиях дисбаланса желудочно-кишечного тракта. Принц К-------- страдает от хронической кандиды белой (как страдал бы любой, если бы питался только шоколадками «Тоблерон»), с проистекающим ослабленным иммунитетом к монилиальному синуситу и острому кандидозному стоматиту, в условиях же холодного и сырого климата Бостона при этом неизбежно возникают дрожжеподобные язвы и синусовая непроходимость, которые требуют почти ежедневного дренажа. Несравненный проворный маэстро ватного тампона и подкожной инъекции, он был известен в узком (и все сильнее сужающемся) кругу представителей высшего класса нефтеарабских стран как Дебейки[10] челюстно-лицевого дрожжеподобного грибка, а его поражающий воображение гонорар вполне соответствовал его ad

valorem.

Конкретно за эту работу гонорар блуждал где-то у границ приличия, в то время как его обязанности именно заключались лишь в процедуре дренажа и были довольно тошнотворными, и когда он возвращается в снятые женой роскошные апартаменты, расположенные довольно далеко в Бэк Бэй и Скоттсдэйла, где обычно расквартировывались члены дипломатической миссии, в конце рабочего дня, ему нужно было расслабиться, любой ценой. Но будучи не просто умеренным адептом североамериканского суфизма, который в его детские годы проповедовал и распространял Вилайят Инайят Хан, для расслабления он никогда не вкушал коноплю или алкоголь и обязан был расслабляться без вспоможения химии. Возвращаясь домой после вечерней молитвы, он хочет увидеть острый и 100%-халяльный ужин, поджидающий на тарелке, с пылу с жару на пристяжном подносе, и чтобы его слюнявчик был выглажен и уложен рядом с подносом, и чтобы телепьютер в зале был уже включен и в состоянии готовности, и чтобы вечерние развлекательные картриджи были подобраны и вставлены в очередь дисковода, готовый принять любой картридж при одном лишь нажатии кнопки на пульте. Он откидывается перед экраном в своем особом электронном кресле с опускающейся спинкой, расстегивает пуговицы и ремень, и его спрятавшаяся под хиджабом жена - этническая арабка молча заходит к нему, меняет освещение в комнате и встает за спиной со специальным подносом со сложной гравировкой и опускает поднос так, чтобы еда находилась прямо перед его подбородком, чтобы он мог наслаждаться горячим ужином, не отрывая глаз от экрана. У него узкая имперская бородка, и жена специально держит поднос поближе к рту, чтобы кусочки еды и крошки не попали в бороду. Он сидит и смотрит, ест и смотрит, понемногу заметно расслабляясь, пока голова не откинется назад, пока он не уснет, и в этот момент электронное кресло автоматически принимает горизонтальное положение и из длинных слотов по бокам появляется, словно вытекает, пышное шелковое постельное белье; и, если его жена достаточно проворно управляется с пультом от кресла, то атташе по медицине переходит из состояния расслабленной дремы в состояние блаженного ночного сна прямо там, в откинутом кресле, в то время как на экране телепьютера играет рекурсивная петля с тихим серфом и каплями дождя, падающего на широкие зеленые листья.

И это повторялось каждый вечер, но не по средам, ведь по средам в Бостоне его жене было позволено провести вечер за теннисом с другими женами дипломатов из Продвинутой лиги арабских женщин в роскошном клубе «Маунт Оберн» в Западном

Уотертауне, а не молча ухаживать за ним, поскольку именно по средам полки американских импортеров шоколада на Ньюбери-стрит наполняются свежими упаковками «Тоблерона» и неспособность министра по домашним развлечениям Саудовской Аравии держать в узде свою любовь к «Тоблерону» часто требует от атташе по медицине проводить весь вечер на целиком снятом для дипмиссии четырнадцатом этаже отеля «Бэк Бэй Хилтон», жонглируя шпателями для языка и ватными тампонами, нистатином, ибупрофеном, стиптиками и антибиотическими мазями против стоматита, восстанавливая слизистые оболочки диспепсичного, огорченного и часто (но не всегда) раскаивающегося и благодарного саудовского принца К------. Так что 1 апреля, в ГВББВД, когда атташе по медицине (как было решено) оказался недостаточно проворен с палочкой, - ткнул ею в язвенный синальный некроз, - у министра по домашним развлечениям с флоральным дисбалансом началась истерика, и уже к 1800 часам по визгливому решению вышестоящего руководства атташе заменили другим врачом. Личный врач принца находился в сауне «Хилтона», когда его вызвали по пейджеру, и он, еще весь мокрый, хлопает атташе по плечу и советует не обращать внимания на истерику, это, мол, просто дрожжевой грибок говорит, езжай, мол, домой и расслабься в вечер среды, ты это заслужил; и но, в общем, когда атташе приезжает домой, где-то в 1840, в его просторных бостонских апартаментах никого нет, свет в зале не приглушен, ужин не разогрет, пристяжной поднос валяется в посудомоечной машине и – самое ужасное – естественно, никто не взял комплект развлекательных картриджей в магазине «ИнтерЛейс» на Бойлстон-стрит, где у жены атташе, как и у всех остальных охиджабленных жен членов дипломатической миссии принца, есть дисконт. И даже не будь он слишком измотан и нерасслаблен для того, чтобы вновь выйти в сырую городскую ночь и отправиться за картриджами, атташе по медицине понимает, что жена, как всегда по средам, уехала на машине с дипломатическими номерами; без этих номеров любой здравомыслящий иностранец может даже не надеяться припарковаться хоть где-нибудь ночью в Бостоне, штат Массачусетс, США.

Таким образом, диапазон вариантов, как расслабиться, сильно сузился. Огромный телепьютер в зале кроме всего прочего принимает спонтанные распространения от Пульс-матрицы подписки Интерлейс, но сама процедура заказа конкретного пульса настолько сложная технологически и криптографически, что атташе всегда доверял эту работу жене. В эту среду, вечером,

наудачу тыкая пальцем по кнопкам, он может найти лишь американские спортивные трансляции (американский спорт, впрочем, всегда казался ему жестоким и отталкивающим), оперу за спонсорством техасской нефтяной компании «Тексако» (нет, спасибо, хватит с него на сегодня небных язычков), повтор серии популярной дневной детской программы «Мистер Прыгун-попрыгун» (которую атташе на миг принял за документалку о биполярном расстройстве, пока до него не дошло и он в панике метнулся назад к меню выбора) и выпуск утренней программы «Всегда в форме», где полуобнаженные женщины занимались домашней аэробикой во главе с гуру аэробики мисс Тауни Кондо, чья одежда, совсем немного оставляющая воображению, и вызывающе расставленные ноги грозили натолкнуть набожного атташе на нечистые мысли.

В бессильном яростном поиске, раскидывая вещи по квартире, атташе находит на серванте в зале рядом с личными и профессиональными факсами и письмами, которые атташе соглашался читать только после того, как их просмотрит (и рассортирует по степени важности) жена, несколько картриджей, доставленных по американской почте в среду. Сервант стоит у стены напротив электронного кресла, под высококачественной репродукцией триптиха с византийской эротикой. Пухлые конверты с картриджами лежат вперемешку с другими, менее интересными конвертами, и отличаются от них характерной прямоугольной выпуклостью. В поисках чего-нибудь расслабляющего атташе один за другим хватает конверты и рвет ровно по месту перфорации. Там фильм об антибиотиках актиномицетового класса и о синдроме раздраженной толстой кишки, снятый по заказу ОНАНМА[11]. Там картридж с сорокаминутным выпуском свежих первоапрельских новостей с каналов CBC и PATHÉ, которые он ежедневно получает по подписке с помощью либо защищенного от записи пульса Интерлейса прямо на ТП, либо по экспресс-почте на одноразовом самоочищающемся компакт-диске. Там видеоиздание апрельского номера женского журнала Self на арабском языке для его жены (модель на обложке Nass была целомудренно замотана в паранджу). А еще там обычная коричневая и раздражающе неподписанная коробка с картриджем в безликой белой стандартной упаковке с защитой от ударов для трехдневной доставки картриджей первым классом почтой США. На конверте была марка города Феникс, штат Аризона, США, а в блоке «От кого» вместо обратного адреса или штампа корпорации было шариковой ручкой написано лишь «Поздравляю с годовщиной!» и корявая рожица, с улыбкой, в конце. И хотя атташе родился и

вырос в Квебеке, где английский язык не был основным, он все же знает, что английское слово «годовщина» значит не то же самое, что и «день рожденья». Атташе и его упакованная в паранджу жена были связаны узами брака с благословения Господа и Пророка вовсе не в апреле, а в октябре, четыре года назад, в Руб-эль-Хали. Еще больше путаницы во всю эту историю с конвертом вносит то, что на любой посылке от дипмиссии принца К ----- из Феникса, Аризона, США, стояла дипломатическая печать, а вовсе не обычная почтовая марка ОНАН. Короче говоря, атташе чувствует себя нерасслабленным и недооцененным и уже заранее готовится к тому, что содержимое конверта его рассердит. В конверте лежит стандартный черный картридж, лишенный всяких опознавательных знаков, упакованный в совершенно неинтересном и непривлекательном футляре, и в месте, где обычно находится гравировка с кодами регистрации и хронометражем, красуется очередная пресная американская круговая улыбающаяся рожица. Таинственный отправитель, рожицы, футляр и никак не подписанный картридж – все это сбивает атташе с толку, а также он дополнительно рассержен тем, что ему пришлось потратить столько времени, разгребая конверты на серванте, хотя это не входит в его обязанности. Но он не выкидывает неопознанный картридж в урну и не откладывает до тех пор, пока жена не проверит его содержимое, только потому, что выбор развлечений, когда его жена далеко от дома в своей раздражающей американизированной лиге, у него был обидно невелик. Атташе решает, что только вставит картридж и глянет одним глазком, чтобы убедиться, что это его рассердит, или неинтересно, или не завлекательно и развлекательно ни в коей мере. Он разогреет халяльную телятину с острым халяльным гарниром в микроволновой печи, пока пар не пойдет, потом красиво расставит на подносе, посмотрит несколько секунд этого дурацкого и/или раздражающего неопознанного картриджа, на котором, вполне вероятно, нет ничего, кроме загадочной пустоты, потом попробует расслабиться с помощью выпуска свежих новостей, а после, возможно, откроет журнал Nass (исключительно из целомудренных побуждений), чтобы взглянуть на весеннюю линию асексуальной черной благочестивой женской одежды, после чего вставит картридж с записью серфа и дождя и окунется в заслуженный сон в среду вечером, надеясь, что жена, вернувшись из теннисной лиги в пропитанном потом черном спортивном ансамбле, не разбудит его случайно, неуклюже или непроворно снимая поднос с шеи.

Когда он устраивается в кресле с подносом и картриджем, цифровой дисплей телепьютера показывает 1927.

Год Шоколадного Батончика Dove

Уордин говорит, мамка ее обижает. Реджинальд пришел к нам на район, на двор перед моим домом, где мы с Долорес Эппс прыгали через двойные скакалки, и говорит, Кленетт, Уордин у меня на хате плакает говорит мамка ее обижает, и я иду с Реджинальдом до его дома, где он живет, и Уордин сидит в шкафу на хате у Реджинальда и плакает. Реджинальд вытащил Уордин из шкафа и мы с ним плакаем и я стираю слезы с ее лица и Реджинальд такой заботливый, снимает с нее рубашку и говорит Уордин, чтоб дала мне поглядеть. У Уордин спина вся побита и порезана. Длинные рубцы сверху-донизу спины, розовые рубцы, у которых рядом такая вот кожа, как на губах наших. Меня даж затошнило. Уордин плакает. Реджинальд говорит Уордин говорит ее мамка обижает. Говорит мамка бьет Уордин вешалкой. Говорит мамкин хахаль Рой Тони типа хочет спать с Уордин. Типа дает ей конфеты и пятерки. Типа всегда встает на дороге и шагу не дает ступить, чтобы не полапать. Реджинальд говорит Уордин говорит Рой Тони однажды ночью, когда мамка Уордин была на работе, он пришел в комнату где спят на матрасах Уордин и Уильям и Шантель и малыш Рой, и стоял там в темноте, высокий, и шептал ей всякие вещи и дышал. Мамка Уордин говорит что Уордин искушает у Роя Тони на грех. Уордин говорит мамка говорит что Уордин хочет склонить Роя Тони к Греху молодой упругой собой. Она бьет Уордин по спине вешалками из шкафа. Моя мамка говорит, что мамка Уордин не дружит с головой. Моя мамка боится Роя Тони. Уордин плакает. Реджинальд садится и просит Уордин рассказать его мамке как мамка Уордин ее обижает. Реджинальд говорит что Любит Уордин. Говорит что Любит но раньше не понимал почему Уордин не спит с ним, как девушки спят с мужчинами. Говорит Уордин никогда раньше не позволяла ему снять с нее рубашку до сегодняшнего дня когда пришла на хату к Реджинальду в его дом и заплакала, она позволила Реджинальду снять с себя рубашку чтобы показать как мамка побила ее из-за Роя Тони. Реджинальд Любит свою Уордин. Уордин умирает от страха. Она говорит Реджинальд не надо. Она говорит, если она пойдет к мамке Реджинальда, тогда мамка Реджинальда пойдет к мамке Уордин, и тогда мамка Уордин подумает, что Уордин спала с Реджинальдом. Уордин говорит ее мамка говорит если она ляжет в постель с мужчиной пока ей не шестнадцать то мамка забьет ее досмерти. Реджинальд говорит что не допустит этому случиться с Уордин.

Рой Тони убил брата Долорес Эппс Коламбуса Эппса в

Брайтон Проджектс четыре года уже как. Рой Тони на УДО. Уордин говорит он показывал ей какую-то штуку на ноге, эта штука шлет радиосигналы в полицию что он все еще в Брайтоне. Рой Тони не может уехать из Брайтона. Брат Роя Тони это отец Уордин. Уже покойник. Реджинальд пытается утихомирить Уордин но не может заставить ее не плакать. Уордин выглядит как будто спятила так ей страшно. Она говорит она убьет себя если я или Реджинальд скажем нашим мамкам. Она говорит, Кленетт, ты моя сводная сестра, я прошу чтоб ты не говорила своей мамке о моей мамке и Рое Тони. Реджинальд говорит, Уордин, успокойся и ляг спокойно. Мажет маргарином порезы на спине. Он сует палец в банку и осторожно водит по розовым рубцам от вешалки. Уордин говорит она ничего не чувствует спиной еще с весны. Она лежит животом на полу Реджинальда и говорит ничего не чувствует кожей со спины. Когда Реджинальд уходит за водой она просит сказать правду какое лицо у Реджинальда когда он глядит на ее спину. Она все еще хоть чуточку красивая, плакает она.

Я не скажу моей мамке про Уордин и Реджинальда и мамку Уордин и Роя Тони. Моя мамка боится Роя Тони. Из-за моей мамки Рой Тони убил Коламбуса Эппса, четыре года как уже, в Брайтон Проджектс, из-за Любви.

Но я знаю, Реджинальд скажет. Реджинальд говорит что мамка Уордин побьет Уордин только через его труп. Он говорит встанет перед Роем Тони и скажет ему чтоб он не трогал Уордин и не дышал ночью около ее матраса. Он говорит пойдет на игровую площадку в Брайтон Проджектс, где Рой Тони делает свои дела, и поговорит с Роем Тони как мужчина с мужчиной и заставит Роя Тони поступить правильно.

Но помоему Рой Тони убьет Реджинальда если Реджинальд пойдет к нему. Помоему Рой Тони убьет Реджинальда, и потом мамка Уордин побьет Уордин вешалкой досмерти. И потом только я буду знать. А у меня будет ребенок.

В восьмом классе американской школы Брюс Грин до чертиков влюбился в одноклассницу, у которой был только один недостаток – имя: Милдред Трах. Она была красивой, и ей бы подошло что-нибудь более благозвучное/благородное, типа «Дафна Кристиансон» или «Кимберли Сен-Симон», но уж точно не «Милдред Трах». Она была тем смертельно прекрасным и цветущим призрачным персонажем, что скользит по потным школьным коридорам снов любого ночного поллюционера. Волосы, о которых Грин слышал, как один перевозбужденный учитель сказал, что они «подобны льну»; тело, которое выглядело

так, словно переменчивый ангел полового созревания – тот самый ангел, который, кажется, не знал даже почтового индекса Брюса Грина – посетил и поцеловал его еще в шестом классе; ноги, эффект которых не могли снизить даже оранжевые кеды с сиреневыми шнурками в блестках. Застенчивая, похожая на радугу, игривая, со гибким станом, точеной талией, пышным бюстом; когда Брюс видел, как она застенчиво поправляет льняные волосы на кремовом лбу, его как пронзала личная молния. Видение в летнем платье и дурацких кедах. Милдред Л. Трах.

А потом, но потом, ближе к десятому классу, в результате одной из этих странных как-такое-вообще-возможно метаморфоз Милдред Трах стала импозантным членом устрашающей тусовки из Винчестерской средней школы, тусовки, члены которой курили «Мальборо» в переулке между корпусами и вместе уходили из школы во время обеда, уезжая на шумных машинах с низкой посадкой пить пиво и курить шмаль, гоняя по округе со включенными звуковыми системами запредельной мощности, прятали последствия Визином и «Клоретсом»[12], и тд. Она была одной из них. Жевала жвачку (или чего похуже) в буфете, на ее застенчивом лице теперь застыла скучающая маска Наглости, ее льняные пряди были намазаны гелем и выглядели так, словно она сунула пальцы в розетку. Брюс Грин копил на старую машину с низкой посадкой и упражнялся в Наглости на тете, которая его приютила. Он развивал силу воли.

И к выпускному классу выглядел гораздо более скучающим, импозантным и устрашающим, чем сама Милдред Трах; они – он, Милдред и их маленькая страдающая от недержания Харриет Трах-Грин - поселились на границе Оллстонского Выступа в блестящем доме на колесах с другой устрашающей парочкой, а также Томми Дуси - человеком с заячьей губой и дурной славой, торгующим дурью и сопутствующими товарами, который держал несколько больших змей в нечищеных незакрытых аквариумах, из которых воняло, но Томми Дуси не замечал, потому что заячья губа полностью закрывала ноздри и чувствовал он только это запах собственной губы. Обычно к полудню Милдред Трах уже была под кайфом и смотрела картриджи с сериалами, а Брюс Грин еще работал в компании Leisure Time Ice, и какое-то время жизнь казалась им более или менее сплошной вечеринкой.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

- Хэл?

- …

- Эй, Хэл?

- Да, Марио.

- Ты спишь?

- Бубу, мы ведь это уже проходили. Нельзя одновременно спать и разговаривать.

- Да, я так и думал.

- Рад, что помог.

- Ой, ты сегодня был прямо в ударе. Ой, его еще чуть-чуть и стошнило бы. Когда он запустил мяч по линии, а ты достал его в падении и послал укороченный, Пемулис сказал, что парень выглядел так, словно он обтошнит всю сетку, так и сказал.

- Слушай, Бу, я просто надрал ему задницу, вот и все. Мне кажется, неправильно кайфовать от того, что надрал кому-то задницу на корте. Это вопрос достоинства. Мне кажется, надо просто оставить эту тему в покое. Кстати о покое.

- Эй, Хэл?

- …

- Хэл?

- Уже поздно, Марио. Спи. Закрой глаза и думай смутные мысли.

- Так маман всегда говорит.

- Мне всегда помогало, Бу.

- Тебе кажется, что я всегда думаю смутные мысли. Ты разрешил мне жить с тобой в одной комнате, потому что тебе меня жалко.

- Бубу, я даже отвечать на это не буду. Я рассматриваю это как тревожный сигнал. Ты всегда становишься обидчивым, когда мало спишь. И вот мы как раз видим обиду на западном горизонте, прямо сейчас.

- …

- …

- Когда я спрашивал, спишь ли ты, я хотел спросить вот что: ты верил в Бога, сегодня, когда того мальчика чуть не стошнило?

- Что, опять?

- …

- Мне правда кажется, что сейчас не самые лучшие время и место, чтобы обсуждать такие вещи, Марио, сейчас ночь, мы в

темной комнате, и я устал настолько, что у меня даже волосы болят, и еще через шесть недолгих часов у меня тренировка.

- …

- Ты у меня каждую неделю об этом спрашиваешь.

- Ты никогда не отвечаешь, поэтому и спрашиваю.

- Окей, если это заставит тебя замолчать, я скажу так: у меня есть кое-какие претензии к Богу. Мне кажется, у него довольно вальяжный стиль управления, и мне это не нравится. Мне не нравится идея смерти. А вот Богу она, похоже, нравится. И я не вижу способа договориться с ним по этому вопросу, Бу.

- Ты так говоришь с тех пор, как умер Сам.

- …

- Видишь? Ты никогда не отвечаешь.

- Еще как отвечаю. Только что ответил.

- …

- Просто я ответил не то, что ты хотел услышать, Бубу, вот и все.

- …

- Есть разница.

- Я не понимаю, как такое возможно, чтобы ты не чувствовал, что веришь в Бога, сегодня, там, на корте. Все было как надо. Ты двигался так, словно веришь.

- …

- Разве ты не чувствуешь?

- Марио, ты для меня – загадка, как и я – для тебя. Мы смотрим друг на друга с разных сторон непреодолимой пропасти по этому вопросу. Давай полежим в тишине и подумаем над этим.

- Хэл?

- …

- Эй, Хэл?

- Так, Бу, давай договоримся: я расскажу тебе анекдот, а ты дашь мне поспать.

- Хороший анекдот?

- Марио, что мы получим, если скрестим человека с нарушением сна, дислексика и агностика.

- Сдаюсь.

- Мы получим человека, который всю ночь изводит себя размышлениями о том, существует ли высшая лиса.

- Смешно!

- Спать.

- …

- …

- Эй, Хэл? Что такое «нарушения сна»?

- То, что заработает любой, кто спит с тобой в одной комнате.

- Эй, Хэл?

- …

- Почему маман не плакала, когда Сам скончался? Я плакал, и ты, даже Ч.Т. плакал. Я видел, как он один плачет.

- …

- Ты слушал «Тоску» снова и снова и плакал и говорил, что тебе было грустно. Нам всем было грустно.

- …

- Эй, Хэл, как тебе кажется, маман стала счастливее после того, как Сам скончался, а?

- …

- Кажется, она стала счастливее. И даже выше ростом. Она перестала ездить туда-сюда по делам. То что-то с корпоративной грамматикой. То что-то с бунтом библиотекарей.

- А теперь она никуда не ездит, Бу. Теперь у нее есть Дом директора и собственный кабинет, и тоннель между ними, и теперь она не покидает территорию универа. Она и так была трудоголиком, но теперь стала еще хуже. У нее развился обсессивно-компульсивный синдром. Когда ты в последний раз видел хоть одну пылинку в этом доме?

- Эй, Хэл?

- Теперь она трудоголик с обсессивно-компульсивным расстройством, страдающий от агорафобии. И ты думаешь, это добавляет ей счастливости?

- Ее глаза выглядят лучше. Они теперь не впалые. Лучше. Она смеется над шутками Ч.Т. гораздо чаще, чем над шутками Самого. И это другой смех, изнутрее. Она чаще смеется. Ее шутки чаще лучше твоих, даже сейчас.

- …

- Почему ей не было грустно?

- Ей было грустно, Бубу. Просто у нее другая грусть, не такая, как у нас с тобой. Я уверен, что ей было грустно.

- Хэл?

- Помнишь, как учителя приспустили флаг напротив ворот, когда это произошло? Помнишь? И они каждый год опускают флаг во время собрания. Ты помнишь флаг, Бу?

- Эй, Хэл?

- Не плачь, Бубу. Ты помнишь приспущенный флаг? Есть два способа опустить флаг до середины флагштока. Ты слушаешь? Потому что мне уже без шуток пора спать. Так что слушай: первый способ опустить флаг до середины флагштока – это просто опустить его. Но есть еще один способ. Можно поднять флагшток. Флагшток можно нарастить, сделать его в два раза длиннее нормы. Ты понял? Понял, что я имею в виду, Марио?

- Хэл?

- Уверен, ей очень грустно.

В 2010, 1 апреля ГВББВД, атташе по медицине все еще смотрит ненадписанный развлекательный картридж.

Октябрь – Год Впитывающего Нижнего Белья Depend

Орин Инканденца, №71, считает, что утро – это ночь души. Самое худшее время дня, с точки зрения психики. Он вырубает кондиционер до минимума и все равно почти каждое утро просыпается весь мокрый, в позе эмбриона, словно погребенный в психической темноте, в которой любая мысль вызывает священный ужас.

Брат Хэла Инканденцы Орин встает в 0730, во влажном аромате духов Ambush, на другой стороне мятой подушки лежит записка с номером телефона и важной информацией завитушным почерком школьницы. От записки тоже пахнет Ambush. Его сторона кровати промокла насквозь

Орин делает себе тост с медом, стоя босиком за кухонной стойкой, в трусах и старом свитере академии с отрезанными рукавами, выдавливая мед из головы пластикового медведя. Пол такой холодный, что ломит ступни, но окно над раковиной такое горячее, что не прикоснуться: снаружи зверски жарит октябрьский полдень.

Дома с командой - неважно, как сильно дует кондиционер или насколько тонкие простыни - Орин просыпается на своем отпечатке, протравленном потом на кровати, который весь день медленно высыхает до белого соленого очертания, чуть сдвинутого относительно других высохших очертаний за неделю, так что кристаллизовавшийся образ Орина в позе эмбриона разложен на его стороне кровати, как колода карт, наслаиваясь друг на друга, будто кислотный след или фотография с сильной задержкой.

Жара, сочащаяся сквозь стеклянные двери, стягивает кожу на голове. Он выносит завтрак к центральному бассейну комплекса кондоминиумов, садится за белый железный стол и пытается есть, там, на жаре, где кофе не дымится и не стынет. Он сидит и чувствует тупую животную боль. У него усы из пота. В бассейне плавает разноцветный пляжный мяч, бьется о борт бассейна. Солнце как замочная скважина в двери, ведущей в ад. Вокруг больше никого. Весь комплекс – это кольцо из зданий с бассейном и джакузи в центре. Воздух струится, как пары топлива, из-за жары кажется, что пол мокрый, будто и полит топливом. Орин слышит звуки картриджей из-за закрытых окон, шоу с утренней аэробикой, и еще где-то играет орган, и та женщина из соседней квартиры, которая никогда не улыбается в ответ, репетирует

оперные распевки, приглушенные шторами, жалюзи и двойными стеклопакетами. Джакузи пыхтит и пенится.

Записка от вчерашнего Субъекта на фиолетовой бумаге сложена вдвое, в центре записки – темный кружок, где девушка пшикнула парфюмом. Самое интересное в ее почерке, и в то же время самое печальное, - то, что она закрасила замкнутые области у букв «о», «е», «в» и «р», а также у цифр «6» и «8» в номере телефона, а вместо точек над буквами «ё» и «й» нарисовала сердечки, которые не стала закрашивать. Орин читает записку, пока ест тост; для него тост – лишь оправдание, чтобы съесть побольше меда. Его правая рука меньше, чем левая, ест или пьет он ей. Его гипертрофированные левая рука и левая нога по утрам всегда находятся в покое.

Легкий ветерок толкает разноцветный мяч по голубой поверхности воды в бассейне в другую сторону, и Орин наблюдает за его беззвучным скольжением. Над белыми железными столами нет зонтиков, и положение солнца легко определить не глядя; ты чувствуешь, как оно греет твое тело, и по жару можешь спроецировать, в какой точке неба оно находится. Мяч осторожно двигается назад, к середине бассейна, и замирает там, даже не качаясь. Тот же ветерок теребит листья сгнивших пальм вдоль стены кондоминиума, листья шуршат и щелкают, и пара отрывается от пальм, по спиральным траекториям летит и шлепается на настил. Все растения здесь злые, тяжелые и острые. У пальм есть хохолки, торчащие над листвой, фактурой напоминающие что-то отвратительное, похожее на паклю. В деревьях обитают тараканы и другие существа. Возможно, даже крысы. Мерзкие, привыкшие к высоте твари всех цветов и форм. Все растения тут либо покрыты шипами, либо напоминают вставший член. Кактусы в таких странных позах, словно их пытают. Верхушки пальм напоминают прическу Рода Стюарта, еще с тех давних времен.

Два дня назад Орин вместе с командой ночным рейсом вернулся из Чикаго. Он знает, что из всей команды лишь он и еще плейскикер не мучаются от боли после избиения во время игры.

За день до того, как они покинули Чикаго – то есть где-то пять дней назад, – Орин один сидел в джакузи у бассейна, ухаживая за ногой, в жарком кроваво-красном свете уходящего дня, опустив ногу в пенную воду, и по старой привычке рассеяно сжимал теннисный мяч как эспандер. Наблюдая, как вода бурлит, пузырится и пенится вокруг ноги. И вдруг – в джакузи шлепнулась птица. С прозаичным всплеском. Из ниоткуда. Из широкого пустого неба. Ничто не нависало над джакузи, кроме неба. У птицы, кажется, случился инфаркт прямо в полете, и она

умерла и упала с пустого неба и приводнилась в джакузи, рядом с ногой. Орин пальцем опустил солнечные очки на нос и посмотрел на птицу. Какой-то неопределенный вид. Не хищник. Может, крапивник. Вряд ли это можно считать хорошим знаком. Тело мертвой птицы подпрыгивало и вращалось в пене, утопая и снова появляясь на поверхности, создавая иллюзию продолжения полета. Орин не унаследовал ни одну из фобий маман, касающихся беспорядка и гигиены (хотя он и был не в восторге от жуков – конкретно от тараканов). Он просто сидел там, сжимая-разжимая мяч в ладони, и глядел на птицу без единой сознательной мысли в голове. На следующее утро, когда он проснулся, чувствуя себя скрученным и погребенным, мертвая птица точно казалась плохим знаком.

Орин теперь всегда принимает душ настолько горячий, что едва может стоять под струей. Стены в ванной выложены мятно-желтой плиткой, которую выбрал не он, а, может, фри-сэйфти, который жил здесь до того, как «Кардиналы» отправили его «Новоорлеанцам» вместе с двумя запасными гардами и кругленькой суммой в обмен на Орина Инканденцу, пантера.

И хотя его дом уже сотни раз обрабатывали люди из службы дезинсекции, из сливных отверстий в ванной все равно лезут огромные тараканы. Канализационные тараканы, как называли их дезинсекторы. Blattaria implacablus или что-то типа того. Реально огромные. Похожие на бронированные автомобили. Абсолютно черные, с панцирями словно из кевлара и с прочими наворотами. Бесстрашные, выросшие в гоббсовой канализационной ловушке, там, внизу. Маленькие, коричневые тараканы в Бостоне и Новом Орлеане тоже были довольно неприятны, но с ними хотя бы легко справиться: заходишь в комнату, включаешь свет и они разбегаются. А эти юго-западные гады - включаешь свет, а они только смотрят на тебя такие: «Чо, какие-то проблемы?» Орин раздавил одного из них, только раз, когда эта тварь, как из ада, выползла прямо из сливного отверстия в тот момент, пока он принимал душ; он голый вылез из душа, надел ботинки, вернулся и традиционным способом раздавил его, и таракан буквально взорвался у него под подошвой. В том месте на затирке между плитками до сих пор остался след. Его, кажется, невозможно отчистить. Нутро таракана. Мерзость. Он предпочел просто выбросить ботинки – это лучше, чем счищать останки таракана с подошвы. Теперь он держит в ванной стеклянные стаканы, и если, включив свет, видит таракана, накрывает его стаканом. Через пару дней стенки изнутри запотевают и таракан дохнет от асфиксии, и Орин помещает их – стакан и таракана – в отдельные пакеты с застежками и выбрасывает в мусорные урны рядом с

гольф-клубом дальше по улице.

Желтый плиточный пол в ванной иногда выглядит как минное поле, всюду перевернутые стаканы с огромными тараканами внутри, которые стоически дожидаются смерти, просто сидят, наполняя стакан своим тараканьим углекислым газом. Орину тошно это видеть. И теперь он догадался, что чем горячее вода в душевой, тем меньше вероятность, что из слива вылезет одно из этих маленьких бронированных чудовищ.

Иногда первым делом с утра он находит их в унитазе, они барахтаются там по-собачьи, пытаются зацепиться за край. Кроме того, Орин не в восторге от пауков, хотя это скорее подсознательное; он не дошел до уровня от Самого, который испытывал вполне сознательный ужас при виде юго-западных черных вдов и их хаотичных паутин, – черные вдовы здесь везде, как и в Туксоне, всегда на охоте, кроме самых холодных ночей, их пыльные, лишенные рисунка паутины растянуты везде, где позволяет угол, – в любом мрачном, тихом месте. С черными вдовами сотрудники службы дезинсекции справляются гораздо лучше. Орин вызывает их раз в месяц; у него что-то вроде подписки на их услуги.

И все же тараканы – вот что, помимо высоты и раннего утра, вызывает в нем ужас. Когда он был ребенком, он отказывался спускаться в метро Бостона на станции, расположенные близко к бухте. При виде таракана его охватывала нервная дрожь. В некоторых районах вокруг Нового Орлеана появился какой-то особенный зловещий тропический вид летающего таракана, - целое нашествие, - они были маленькие и тщедушные, но зато, блядь, умели летать, и по ночам их находили в колыбелях младенцев, они роились там вокруг маленьких детей, особенно в нищих, многоквартирных домах; и, как сообщалось, питались экСбиттом коньюктивы из глаз младенцев, какой-то особой оптической слизью – это ж, мать твою, готовый образ из кошмарного сна: маленькие летающие тараканы, которые хотят добраться до глаз младенца, – и, как опять же сообщалось, ослепляли их; родители возвращались в свои ужасные квартиры, включали свет и находили своих детей ослепленными, где-то около дюжины детей ослепли прошлым летом; как раз во время того кошмарного нашествия, плюс июльских половодий, принесших больше дюжины кошмарных мертвых тел с размытого кладбища на вершине холма к таунхаусу у подножия, где жили Орин с двумя друзьями, в пригороде Чалметт, - конечности и внутренности валялись в грязи на улицах, а один из трупов прилег отдохнуть прямо рядом с их почтовым ящиком напротив дома, когда Орин вышел утром за газетой, - он и заставил своего

агента найти новое пристанище. И вот встречайте его, стеклянные каньоны и безжалостный свет метрополии Феникса, и иссушенный пятачок недалеко от Туксона, где прошла иссушенная юность его отца.

Когда всю ночь снились кошмары о пауках-и-высоте, вставать утром особенно мучительно: нужно выпить три чашки кофе, два раза принять душ и иногда устроить пробежку, чтобы ослабить хватку, сжимающую горло души; и эти пост-кошмарные утра бывают даже хуже, если он просыпается не-один, если вчерашний Субъект хочет почирикать за жизнь или пообниматься, полежать в позе ложечек, и просит объяснить назначение перевернутых затуманенных изнутри стаканов на полу в ванной, комментирует его повышенную потливость, гремит посудой на кухне, готовит копченую рыбу или бекон, или что-то еще более ужасное, что нельзя намазать медом и что он должен слопать с пост-коитальным мужским удовольствием - у некоторых женщин есть такой пунктик «Накормить Моего Мужчину», они хотят, чтобы мужчина, который по утрам едва ли может съесть что-то серьезней тоста с медом, ел со смаком, расставив локти, загребая, издавая звуки. Даже проснувшись в одиночестве и потянувшись, медленно сев на кровати, отжав простыню и проследовав в ванную, Орин часами не может даже заставить себя думать о том, как он переживет этот день. Эти ужасные утра с холодными полами, горячими окнами и безжалостным светом – в душЕ рождается уверенность, что сквозь этот день ты будешь не идти, нет, ты будешь карабкаться, вертикально, а потом, в конце, снова засыпая, почувствуешь, что падаешь, опять, словно сорвался с чего-то высокого, отвесного.

Что ж, здесь, в юго-западной пустыне, его глазам ничего не угрожает; но ночные кошмары только усилились с тех пор, как он переехал в новую команду сюда, в этот выжженный край, откуда когда-то давно бежал сам Сам, будучи несчастным подростком.

Словно напоминая ему о собственном несчастном детстве, каждый сон Орина начинался с отрывка игры в теннис. Его последний сон начался со сцены, которую словно снимали с помощью широкоугольного объектива: Орин на зеленом грунтовом корте, ждет подачи от кого-то смутно видимого, кого-то из академии – может, Росса Рита, или старого доброго М. Бэйна, или серозубого Уолта Флетчета, который сейчас работает тренером профессионалов в Каролинах, – и вдруг сновидческий объектив фокусируется на нем самом и потом резко растворяется до пустого темно-розового цвета, который видишь, глядя с закрытыми глазами на яркий свет, и следом появляется мерзкое чувство, словно ты под водой, тонешь и не знаешь, куда плыть,

где поверхность, где воздух, и какое-то время Орин сражается с этой странной формой визуального удушья и после видит голову своей матери, миссис Аврил М.Т. Инканденцы, отделенная от тела голова маман лицом к лицу прицеплена к его собственной, плотно примотана к его лицу высококлассными струнами его собственной профессиональной ракетки из телячьих кишок. И как бы неистово Орин не мотал и не тряс головой и не пытался отвести взгляд, он все так же смотрел на, - в, и даже сквозь – лицо матери. Как если бы голова маман была чем-то вроде слишком тесного шлема, который Орин пытается и все никак не может снять.[13] В реальности сна Орин знал, что это жизненно важно – разорвать струны, отсоединить свою голову от филактерических уз головы матери, – но не мог. Из записки Субъекта было ясно, что в какой-то момент среди ночи Орин сжал ее голову обеими руками и попытался оттолкнуть, хотя и без грубости и жалоб (в записке, не в жесте). Во сне голова маман была очень аккуратно и хирургически чисто отрезана от остального тела маман: на ней (на голове) не было никаких следов шеи или порезов, как если бы нижняя часть головы была запечатана и словно бы сглажена до состояния живого шара, глобуса с лицом, присоединенного к его, Орина, голове.

Субъект, с которой он переспал после сестры Бэйна, но за Субъект до нынешнего Субъекта, с духами Ambush и сердечками над «ё» и «й», - так вот, предыдущий Субъект была болезненно-красивой аспиранткой с факультета психологии Аризонского университета с двумя детьми, неприлично маленькими алиментами от прошлого мужа, слабостью к острым ювелирным украшениям, замороженному шоколаду, обучающим картриджам ИнтерЛейс!!! и профессиональным спортсменам, которые толкаются во сне. Она не блистала умом – чтобы вы представляли, она думала, что фигура, которую он в задумчивости рисует пальцем у нее на боку после секса, – это восьмерка. В их последнее утро, как раз перед тем, как он отправил ее ребенку дорогую игрушку и сразу же сменил номер телефона, он пробудился после ночи кошмаров – проснулся и судорожно съежился в позе эмбриона, неотдохнувшим и словно бы погруженным в некий душевный мрак, с пульсирующими глазами и мокрым силуэтом на простыне, как будто словно кто-то обвел труп мелом на месте преступления, – он проснулся и обнаружил, что Субъект уже встала и сидит на кровати в его академическом джемпере без рукавов, откинувшись на подушку для чтения, пила эспрессо с ореховым сиропом и смотрела на экран, занимавший половину южной стены в спальне, где шло что-то чудовищное под названием «Образовательные картриджи

Интерлейс» в сотрудничестве с образовательной программной матрицей CBC представляют: «Шизофрения: Разум или тело?», и ему пришлось лежать, мокрому и парализованному, свернувшись в позе эмбриона, на своей потной тени и смотреть, как на экране молодой бледный паренек возраста Хэла, с рыжим ежиком, красным вихром и пустыми, безразличными черными кукольными глазами, пялится в пространство куда-то влево, в то время как бодрый закадровый голос с канадским акцентом объясняет, что Фентон страдает от параноидной шизофрении и верит, что в его череп проникают радиоактивные жидкости и что его преследуют некие высокотехнологичные машины, специально сконструированные и запрограммированные, чтобы найти, поймать и порвать на части, а потом похоронить его заживо. Это была старая канадская документальная передача канала CBC конца прошлого века с улучшенной четкостью и переизданная под патронажем компании «ИнтерЛейс» - в ранние утренние часы спонтанное распространение Интерлейса часто выдавало дешевую и непопулярную дичь.

И но вот пока прояснялось, что тезисом этой программы CBC было «Шизофрения: тело», закадровый голос лучился хорошо смонтированным воодушевлением, объясняя, что, ну, да, бедняга Фентон, конечно, безнадежен, если оценивать его как внеинституциональную функциональную единицу, но зато, с другой стороны, наука может придать его существованию хоть какой-то смысл, изучая его и помогая понять, как именно шизофрения проявляется в человеческом мозге… что, иными словами, используя передовые технологии, например позитронно-эмиссионную томографию, сокращенно ПЭТ (у них же спонсор Invasive Digitals, слышит Орин, как бормочет себе под нос аспирантка с факультета возрастной психологии, не отводя взгляда над чашкой от экрана и не замечая, что Орин парализованно проснулся), можно увидеть, что сканы поврежденного мозга бедного Фентона показывают рисунок позитронного излучения, чем при сканировании среднестатистического, не склонного к галлюцинациям, богобоязненного альбертанского мозга, двигать вперед науку, если ввести подопытному Фентону в кровь специальную радиоактивную краску, способную преодолеть гемоэнцефалический барьер, и затем затолкнуть его во вращающийся приемник ПЭТ-сканера – на экране видно, что это огромный аппарат серо-металлического цвета, словно выдуманный Джеймсом Кэмероном и Фрицем Лангом в соавторстве; а теперь взгляните в глаза бедняги Фентона в момент, когда он начинает понимать, что говорит голос за

кадром, – далее происходит резкий монтажный скачок в стиле старых общественных телепередач, мы видим субъекта Фентона в пятиточечных брезентовых ремнях безопасности, мотающего рыжей головой из стороны в сторону, пока парни в мятно-зеленых хирургических масках и шапочках вводят ему в кровь радиоактивную жидкость из шприца размером с кухонную спринцовку, затем мы видим, как глаза Фентона предсказуемо вылезают из орбит, когда его катят к огромному серому ПЭТ-сканеру, и, как неподнявшийся хлеб на противне, заталкивают в открытую пасть аппарата, пока на виду не остаются лишь выцветшие кроссовки, после чего он начинает вращаться против часовой стрелки, с брутальной скоростью, так, что сперва носки кроссовок Фентона смотрят вверх, потом налево, потом вниз и направо и снова вверх, быстрее и быстрее, и увеличивают скорость, машина булькает и чирикает, но эти звуки даже близко не могут заглушить загробные вопли Фентона, доносящиеся изнутри, когда самые его самые ужасные галлюцинаторные страхи воплощаются в реальность, и можно буквально услышать, как его окрашенные специальным радиоактивным красителем остатки разума вырываются из него вместе с этим стереовоплем, в то время как на экран накладывается изображение мозга Фентона с янтарно-красными и нейтронно-синими участками в нижнем-правом углу, где обычно появляются интерлейсовские функции времени и температуры, и бодрый закадровый голос кратко излагает историю открытия и изучения первых случаев параноидной шизофрении и ПЭТ-сканера. Все это время Орин лежит - едва разомкнув веки, мокрый от пота, его бьет утренняя дрожь - и хочет одного: чтобы Субъект оделась, нацепила свои острые украшения, забрала остатки своего «Тоблерона» из холодильника и ушла, ведь только тогда он сможет подняться с кровати, пойти в ванную, собрать всех задохнувшихся под стаканами тараканов в пакеты с застежками и выбросить в мусорный бак EWD, пока баки еще не забили доверху, и после этого решить, какой именно дорогой подарок отправить ребенку Субъекта.

А потом эта птица, просто из ниоткуда.

А потом – эти новости о давлении со стороны администрации «Аризонских Кардиналов», которая требует, чтобы он участвовал в серии безвкусных интервью-профилей с каким-то репортером из журнала «Момент», с вопросами из личной жизни, отвечать на которые следовало вежливо, искренне и с пользой для команды, и весь этот выводил его из себя и вынуждал снова звонить Хэлли, открыть эту шкатулку Пандоры с червями.

Также в душе Орин бреется, с раскрасневшимся лицом,

объятым паром, на ощупь снизу-вверх, лезвие бритвы движется с-юга-на-север, как его учили.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Вот Хэл Инканденца, семнадцать лет, с латунной однозатяжкой, тайком курит дурь в подземной насосной Энфилдской теннисной академии, выдыхает бледный дым в промышленный вытяжной вентилятор. Сейчас короткий печальный перерыв между полуденными играми с разминками и ужином в столовой академии. Хэл здесь один, никто не знает, где он и что делает.

Хэл любит курить втайне, но еще большая тайна в том, что от самой тайны он получает не меньшее удовольствие, чем от курения.

Однозатяжки, похожие на длинный мундштук, как у Рузвельта, на конце которой забита щепотка отличной дури, быстро нагреваются и их неприятно держать во рту – латунные особенно, – зато у них бОльшая эффективность: в легкие попадает весь дым до последней молекулы; нет случайного бэушного дыма, как от общего бонга на вечеринке, и потому Хэл может втягивать каждую йоту и задерживать дыхание целую вечность, так что выдыхает он даже только слегка бледный и сладковатый дымок.

Абсолютное потребление доступных ресурсов = отсутствие заметных отходов.

Насосная Легкого для теннисных кортов академии находится под землей и попасть в нее можно только через тоннель. ЭТА изобильно, разветвленно туннелирована. Так было задумано.

Плюс однозатяжки маленькие, и это хорошо, потому что - признаем - с чем бы ни курить качественную дурь, оно провоняет. Бонг – большой, и вонь от него будет соразмерно большой, плюс стоит вопрос использованной воды. Трубки гораздо компактнее и хотя бы мобильные, но табачная камера у них слишком крупная и неупотребленный дым распространяется на немалую площадь. Однозатяжка же в процессе абсолютно безотходна, а после ее можно остудить, завернуть в два пакета, потом в зиплок и упаковать в два спортивных носка в сумку для снаряжения вместе с зажигалкой, глазными каплями, ментоловыми пастилками и собственно небольшим футляром от пленки с дурью, и все это очень удобно, не воняет и вообще незаметно.

Насколько известно Хэлу, его коллеги Майкл Пемулис, Джим Сбит, Бриджет С. Бун, Джим Трельч, Тед Шахт, Тревор Аксфорд и, вероятно, Кайл Д. Дойл, Дылда Пол Шоу и - с меньшей вероятностью - Фрэнни Анвин - все они знают, что Хэл регулярно

бегает тайком курить. Вообще-то также отнюдь не невероятно, что знает и Бернадет Лонгли; и, разумеется, вечно что-то подозревает неприятный тип К. Фрир. И брат Хэла, Марио, тоже не зевает. Но это и все, в плане общеизвестности. И даже хотя вообще-то Пемулис, Сбит, Бун, Трельч, Аксфорд и иногда (в медицинских или туристических целях) Стайс и Шахт – все тоже известны как любители травки, в тех редких случаях, когда Хэл накуривался с кем-то еще, - чего он в целом избегал, - он курил только с Пемулисом. А, он забыл: Орто («Тьма») Стайс, из Партриджа, Канзас, точно знает; и старший брат Хэла, Орин, даже на расстоянии, кажется, таинственным образом догадывается о большем, чем говорит прямо, если только Хэл не придумывает у его телефонных ремарок подтекст, которого на самом деле нет.

Мать Хэла, миссис Аврил Инканденца, и ее приемный брат доктор Чарльз Тэвис, в настоящий момент директор ЭТА, оба знают, что Хэл иногда пьет спиртное, например по выходным с Трельчем или, может, с Аксфордом, в клубах на авеню Содружества у подножия холма; в «Неисследованной жизни»[14] каждую пятницу проходит пресловутая ночь «слепого вышибалы», когда наливают на условиях всеобщего доверия. Миссис Аврил Инканденца не в восторге, что Хэл пьет, во многом потому, что его отец при жизни был алкоголиком, и, говорят, отец его отца тоже, в Аризоне и Калифорнии; но нехарактерная для возраста Хэла академическая развитость и особенно успех в последнее время в среде юниоров доказывают, что ему не вредят те скромные количества алкоголя, которые, как она уверена, он потребляет, –невозможно одновременно злоупотреблять алкоголем и показывать такие высокие результаты в школе и на корте, успокаивает ее психолог-консультант ЭТА доктор Раск, и особенно на корте, - и Аврил кажется, что заботливая, но не придирчивая мать-одиночка должна знать, когда можно закрыть глаза и позволить двум полноценно функционирующим сыновьям совершить все возможные ошибки и учиться на своем горьком опыте, вне зависимости от того, как сильно ее, мать, будут терзать тайные волнения. И Чарльз поддерживал ее во всем, что касалось детей. И видит бог, пусть лучше Хэл время от времени выпивает пару кружек пива, а не потребляет бог знает какие эзотерические вещества со скользким Майклом Пемулисом и мерзким Джеймсом Сбитом, при виде которых Аврил колотил материнский нервный озноб. В конце концов, заявила она доктору Раск и Тэвису, пусть лучше Хэл живет с осознанием того, что мать ему доверяет, что она верит, поддержит и не осудит, не будет терзаться волнениями или заламывать деликатные руки, если он, Хэл, время от времени пропускает, к примеру, по

кружечке канадского эля с друзьями, и потому изо всех сил скрывает от Хэла материнский ужас, что ее сын запьет, как Джеймс или как отец Джеймса, лишь бы Хэл жил с успокаивающим знанием, что может быть прямым с ней в вопросах вроде алкоголя и не бояться, что вне зависимости от обстоятельств от нее нужно что-то скрывать.

Доктор Тэвис и Долорес Раск обсуждали тет-а-тет, что среди фобий Аврил, от которых она так безропотно страдает, немаловажное место занимает черный ужас перед тайной или секретностью относительно сыновей во всевозможных формах.

Аврил и Ч.Т. ничего не знали о пристрастии Хэла к качественному Бобу Хоупу и подпольных уединениях, что, очевидно, в каком-то смысле доставляло Хэлу удовольствие, хотя он ни разу и не задумывался, почему. Почему это доставляет удовольствие.

Территория ЭТА на холме пронизана туннелями. Аврил И., например, которая в последнее время больше не покидает пределы ЭТА, редко появляется на улице, а взамен, скрючившись, перемещается по туннелям между Домом директора и своим кабинетом, что рядом с кабинетом Чарльза Тэвиса в административном блоке - здании из розового кирпича с белыми колоннами в неогеоргианском стиле, которое, по словам Марио, похоже на куб, который проглотил слишком большой мяч[15]. Между фойе, приемной и кабинетами администрации на втором этаже Ад-блока и качалкой, сауной, раздевалкой и душевой этажом ниже идут два лифта и одна лестница. От душевой мальчиков к гигантской прачечной под Западными кортами ведет широкий туннель из цемента слоновьего цвета, и два туннеля поуже расходятся лучами от сауны на юг и на восток по направлению к полуподвалам сферокубулярных протогеоргианских зданий поменьше (с классными комнатами и общежитиями B и D); эти два подвала и туннельчики часто служат кладовой студентам и переходами между личными комнатами проректоров[16]. Два туннеля еще меньше, вмещающие только того взрослого, который не против передвигаться скрюченной обезьяноподобной походкой, в свою очередь, соединяют каждый полуподвал с бывшими помещениями для занятий оптикой и кинопроизводства Лита, Огилви и усопшего доктора Джеймса О. Инканденцы (ныне покойного), которые находятся под землей чуть западней Дома директора (из каковых помещений также идет туннель нормального диаметра прямиком до нижнего уровня административного здания, но его назначение с годами постепенно менялось, и теперь в нем слишком много голой проводки, горячих труб и вентиляционных отверстий для

нормального передвижения), и с кабинетами завхоза почти под центральным рядом уличных теннисных кортов ЭТА, каковые кабинеты и помещения для персонала, в свою очередь, связаны со складом для Легкого и насосной ЭТА оштукатуренным туннелем, наспех выкопанным силами «Всепогодными надувными постройками TesTar Corp.», которые вместе с ребятами из «Промышленных устройств по перемещению воздуха ATHSCME» возводят и обслуживают дендриуретановый надувной купол, он же Легкое, которым на зимний сезон накрывают средний ряд кортов. Грубый шершавый туннель между завхозом и насосной проходим только посредством карачек и представляет собой для тренерского состава и администрации практически белое пятно, будучи популярным только у Туннельного клуба младших учеников академии, а также некоторых подростков с тайной непреодолимой жаждой ползать на карачках.

Склад Легкого, по сути, с марта по ноябрь непроходим, потому что забит сложно уложенным дендриуретановым полотном Легкого и разобранными секциями гибких воздуховодов, лопастей вентиляторов и проч. Рядом насосная, хотя, чтобы до нее добраться, придется выползать назад в туннель. На инженерных планах насосная где-то примерно в двадцати метрах под самым центром центральных кортов среднего ряда и похожа на зависшего вверх лапками паука - безоконный овальный зал с шестью изогнутыми воздуховодами в человеческий рост, выходящими на поверхность. И в насосной шесть отверстий по кругу, для изогнутых воздухопровоов: три двухметровых в диаметре вытяжные отдушины с привинченными у решеток огромными турбинными лопастями и еще три - с вентиляторами впуска ATHSCME, которые всасывают воздух с поверхности, прогоняют через зал и в три вентилятора на выхлоп. Насосная, по сути, - легочный орган, или эпицентр огромной шестивекторной аэродинамической трубы, и в рабочем состоянии ревет как баньши, что бьется в дверь, хотя на полную мощность ее запускают, только когда стоит Легкое, обычно в ноябрь-март. Зимний наземный воздух втягивается вниз в зал вентиляторами впуска, пропускается через три вытяжных вентилятора и уносится снова вверх, в лабиринт пневматического трубопровода в стенках и куполе Легкого: давление воздуха и поддерживает хрупкое Легкое в надутом состоянии.

Когда Легкое спускают и убирают, Хэл спускается, идет, а потом бредет пригнувшись до кабинетов завхоза, чтобы убедиться, что там никого нет, затем ползет в насосную с сумкой в зубах и активирует один из больших вытяжных вентиляторов, и втайне накуривается, и бледно выдыхает через лопасти в

отдушину, чтобы любой запах засосало в воздухопровод и выдуло через решетку на западной стороне Западных кортов - отверстие с резьбой и фланцем, куда бодрые ребята в белом из ATHSCME скоро прикрутят артериальный воздухопровод Легкого, когда Штитт и Ко из тренерского состава решат, что для уличного тенниса погода уже неподходящая.

В зимние месяцы, когда любой запах перекачивается в Легкое и так и висит там, вызывая подозрения, Хэл в основном ходит в самую далекую уборную общежития, влезает на унитаз в кабинке и выдыхает в решетку вытяжки в потолке; но в этом решении не хватает некоего сложного элемента тайной подземной драмы. Это еще одна причина, по которой Хэл страшится дня Независимости, наступления Классического турнира «Что-за-Бургера», Рождества и неподходящей погоды, а также возведения Легкого.

Рекреационные наркотики более-менее традиционны для любой американской средней школы - возможно, из-за беспрецедентного давления: пост-латентность - пубертатный период - ангст - грядущее взросление и т.д. Помогают сладить с интрапсихическими бурями и т.д. С самого основания ЭТА существовал определенный процент игроков-подростков высокого калибра, которые улаживали внутреннюю погоду посредством химии. В основном это безобидное и безопасное временное развлечение, а не что-нибудь; но традиционно меньшее и хардкорное подмножество полагается на личную химию, чтобы сладить и с особыми требованиями ЭТА - декседрин или низковольтный метедрин[17] до матчей и бензодиазепины[18], чтобы прийти в себя после, с «Оползнями» или «Синим пламенем» вдогон в каком-нибудь понимающем ночном клубе[19] на Содружке или с пивом и бонгами в отдаленном уголке академии по ночам, чтобы замкнуть цикл драйва и расслабона, с грибами или Х, или чем-нибудь из класса «легких дизайнерских»[20] - а может, иногда с чутком «Черной звезды»[21], если выдается свободный от матчей и особых требований выходной, чтобы, по сути, перезагрузить целиком материнскую плату, продуть все схемы, медленно восстановиться и практически неврологически переродиться и начать поэтапный цикл заново... этот циклический алгоритм, если ваша проводка изначально в норме, на удивление хорошо помогает в подростковый период и иногда даже хорошо лет за двадцать, пока не начнет накрывать.

Но, короче говоря, некоторые эташники - ни в коем случае не один Хэл Инканденца - употребляют рекреационные вещества, речь об этом. Как бы - а кто нет, ну, в определенный период жизни, в США и Взаимозависимых регионах, в наши-то времена, по большей-то части. Хотя достойный процент студентов ЭТА

вообще ни разу. Т.е. не употребляют. Некоторые умеют целиком посвятить себя амбициозной цели и отдавать всего себя настолько, насколько надо. Хотя иногда и это меняется, когда игроки взрослеют и становятся менее стрессостойкими. Американская философия, кажется, предполагает, что люди буквально ничем не ограничены при потребности отдать всего себя, на различных уровнях. А некоторые просто предпочитают втайне.

Согласно уставу наказаний ЭТА употребление студентом-атлетом алкоголя или запрещенных веществ карается немедленным исключением. Но у администрации ЭТА, как правило, на повестке куда более важные дела, чем надзирать за детишками, которые и так целиком отдают всех себя ради амбициозной цели. Административное отношение к этому под сперва Джеймсом Инканденцой, а потом под Чарльзом Тэвисом - как бы, зачем вообще тому, кто подвергает химической угрозе свои способности, поступать сюда, в ЭТА, где весь смысл учебы - доводить свои способности до предела по множеству векторов[22]. А т.к. в основном самый прямой руководящий контакт с детьми поддерживают выпускники-проректоры и т.к. большинство проректоров сами в депрессии или с психологической травмой из-за того, что не попали в Шоу, вернулись ни с чем в ЭТА и живут в достойных, но подземных комнатах в туннелях, работают помощниками тренеров и ведут смехотворные факультативные занятия, - чем и занимаются восемь проректоров ЭТА, когда не играют на турнирах-сателлитах или не пытаются прорваться в квалификационные раунды соревнований с серьезными деньгами, - а также угрюмые сверх меры и павшие духом, и часто, как правило, неважного о себе мнения, и потому так же, что неудивительно, время от времени склонны накуриться, хотя и с заметно меньшей степенью секретности и буйства, чем хардкорное химическое ядро студентов, - в общем, учитывая все это, нетрудно понять, почему соблюдение внутренних запретов на наркотики обычно халатное.

Еще один плюс насосной - она соединена туннелем с рядами жилединиц проректоров, что означает наличие туалетов, что означает, что Хэл может проползти, пробраться и прокрасться в незанятый туалет и почистить зубы с Oral-B, умыться, воспользоваться глазными каплями, «Олд Спайсом» и щепоткой винтергренового табака «Кадьяк», а затем прогулочным шагом вернуться в сауну и подняться на наземный уровень, и выглядеть и пахнуть при этом как надо, потому что под кайфом у него вырабатывается сильная навязчивая идея, что никто - даже нейрохимическое ядро - не должен знать, что он под кайфом. Эта

навязчивая идея попросту непреодолима. Другие бы содрогнулись, узнав о затраченных трудах на организацию и подготовку туалетных принадлежностей, на которые ему приходилось идти, чтобы втайне покурить у подземного вытяжного вентилятора в перерыве перед ужином. Хэл понятия не имеет, почему или каким образом у него возникла навязчивая идея о секретности. Иногда, под кайфом, он абстрактно размышляет на этот счет - об этом «Никто-не-должен-знать». Это не столько страх, страх разоблачения. Но дальше все становится слишком абстрактно, туманно и никуда не приводит, размышляет Хэл. Как и большинство североамериканцев его поколения, Хэл имеет тенденцию знать куда меньше о том, почему к некоторым объектам или целям, которым он себя посвятил, он относится так, а не иначе, нежели о самих объектах и целях. Но даже трудно сказать, так ли уж это исключительно плохо, эта тенденция.

В 0015, 2 апреля, жена атташе по медицине только выходит из фитнес-центра «Маунт Оберн Тотал», сыграв пять про-сетов по шесть геймов в еженедельном моционе теннисного кружка жен ближневосточных дипломатов, затем поболталась в особом зале для обладателей серебряной карты с другими дамами, где они обнажали лицо и волосы, играли в нарджи[23], покуривали коноплю и чрезвычайно деликатно и тонко подшучивали над сексуальными идиосинкразиями супругов, мягко хихикая в ладошки. Атташе по медицине в их квартире все еще смотрит ненадписанный картридж, который он несколько раз перематывал на начало, а затем установил на рекурсивный повтор. Он сидит рядом с остывшим ужином, смотрит, в 0020, обмочив теперь уже и штаны, и кресло.

Задача Марио Инканденцы, которому в мае исполнится восемнадцать, в Энфилдской теннисной академии сугубо кинематографическая: иногда во время дневных или вечерних матчей тренер Штитт и Ко отправляют его поставить старый камкордер или вообще то, что дадут, на штатив и снимать определенную зону корта, запечатлевая удары, маневрирование, определенные тики и заминки в подаче или ударах с лета разных юниоров, чтобы преподаватели показывали записи во время инструктажей, наглядно демонстрируя ребятам на экране, о чем конкретно говорит тренер или проректор. Дело в том, что исправить что-то намного легче, если видишь, что.

Осень - Год Молочных Продуктов Из Сердца Америки

Наркоманы, если зависимость толкает их на преступления, обычно не склонны к насилию. Насилие требует энергии, а большинство наркоманов предпочитают тратить энергию не на профессиональные преступления, а на то, ради чего совершаются профессиональные преступления. Потому наркоманы чаще всего промышляют воровством. Одна из причин, почему хозяева после ограбления дома чувствуют себя грязными и осквернеными, в том, что почти наверняка у них побывали наркоманы. Дон Гейтли был двадцатисемилетним оральным наркоманом (приверженцем Демерола и Талвина[24]) и более-менее профессиональным вором; и сам он был грязным и скверным. Однако вором оказался даровитым, и воровал - а несмотря на комплекцию молодого динозавра, с массивной и почти идеально квадратной головой, которой развлекал по пьяни друзей, позволяя закрывать о нее двери лифта, он был - на профессиональном зените - умным, быстрым, тихим, ловким, обладал хорошим вкусом и надежным транспортом, - с каким-то свирепым весельем.

Как активный наркоман Дон Гейтли тоже отличался свирепым и веселымпылом. Большую квадратную голову он держал высоко, широкую улыбку не гасил и ни перед кем не кланялся, ни от кого не уклонялся. Не был мальчиком для битья, а был добродушным, но непримиримым приверженцем школы «Не-будь-злопамятным-записывай». Как вот, например, раз, после реально неприятного трехмесячного заключения в исправительном учреждении города Ревир из-за не более чем косвенных подозрений заместителя генерального прокурора Северного побережья, наконец откинувшись через 92 дня, когда госзащитник добился снятия обвинений на основании нарушения конституционного права подсудимого на быстрое разбирательство, Гейтли и его доверенный сообщник нанесли полупрофессиональный визит в частный дом заместителя генпрокурора, чье рвение и ордер обернулись для Гейтли веселенькой детоксикацией на полу крошечной камеры-палаты. Будучи также апологетом максимы «Месть-подается-холодной», сперва Гейтли терпеливо дожидался, пока светская рубрика «Глоуб» не упомянула об участии замгенпрокурора и его супруги в какой-то благотворительной регате со знаменитостями где-то у берегов Марблхеда. Той же ночью Гейтли и его сообщник[25] отправились в частный дом замгенпрокурора в Вандерлэнд

Вэлли, элитном районе Ревира, закоротили счетчик, чтобы вырубить свет в доме, потом срезали одно только заземление дорогой НВТ-сигнализации[26] так, чтобы она включилась минут через десять и создала впечатление, будто преступники не разобрались в сигнализации и, испугавшись, ретировались, не докончив дела. Позже той ночью, когда блюстители Ревира и Марблхеда вызвали замгенпрокурора и его жену домой, те обнаружили, что у них минус коллекция монет и два старинных ружья, но это и все. Немало других ценностей были сложены на полу гостиной у прихожей, словно преступники не успели их вынести. В остальном ограбленный дом казался непотревоженным. Замгенпрокурора был закаленным профи: он обошел дом, касаясь пальцем края шляпы[27], и реконструировал вероятную картину преступления: преступники не разобрались в сигнализации и, испугавшись, ретировались, когда запасное заземление дорогой НВТ-сигнализации вдарило на 300 В. Замгенпрокурора, как мог, избавил жену от ощущения грязи и осквернения. Он уверенно настаивал на том, чтобы ночевать дома; никаких отелей: в подобных случаях критически важно немедленно вернуться в эмоциональную колею, настаивал он. А потом, на следующий день, замгенпрокурора разобрался со страховкой и сообщил о пропаже ружей приятелю в АТФ[28], его супруга успокоилась и жизнь пошла своим чередом.

Где-то месяц спустя в изысканный кованный почтовый ящик замгенпрокурора прибыл конверт. В конверте находилась стандартная глянцевая брошюра Американской стоматологической ассоциации о важности ежедневной оральной гигиены – в наличии в любом кабинете стоматолога как бы везде - и два полароидных снимка высокой четкости, один с Доном Гейтли и один с его сообщником, в хэллоуинских масках, на которых было изображено профессиональное клоунское веселье, со спущенными штанами, скрючившимися и с ручками зубных щеток четы в центре кадра, торчащими из задниц.

После этого Дону Гейтли хватило ума никогда больше не работать на Северном побережье. Но все равно он попал в крупные неприятности, отн. замгенпрокурора. Сказалось либо невезение, либо карма, либо что-то еще. А все из-за простуды, обычного человеческого риновируса. И причем даже простуды не самого Дона Гейтли, вот почему он наконец взялся за ум и задумался о карме.

Начиналось все безоблачно. Чудесный неогеоргианский дом в дико дорогой части Бруклина как на блюдечке с голубой каемочкой с точки зрения ограбления, в уютном отдалении от неосвещенного псевдо-деревенского проселка, с безвкусной

системой сигнализации SentryCo, которая запитывалась, как бы глупо это ни звучало, от целого отдельного кабеля переменного тока на 330 В и 90 Гц с отдельным счетчиком, не включенный ни в один вечерний маршрут патрульных машин и с изящными французскими дверями сзади, окруженными кустистой лиственной живой изгородью без всяких шипов и закрытыми от галогеновых ламп гаража частным мусорным контейнером EWD. Вкратце - просто подарок, а не дом, с точки зрения ограбления, для наркомана. И Дон Гейтли закоротил счетчик сигнализации и с сообщником[29] вломился и принялся, словно на больших кошачьих лапах, рыскать по коридорам.

Вот только, к несчастью, оказалось, что хозяин дома, хотя обе машины и остальные члены семьи отсутствовали. Бедолага, больной, спал на втором этаже в пижаме из ацетатного шелка с грелкой на груди, полстакана апельсинового сока, пузырьком Найквила[30], иностранной книжкой, номерами «Международных отношений» и «Взаимозависимых отношений», толстыми очками, коробкой салфеток «Клинекс» промышленного размера и пустым паровым ингалятором, еле слышно гудящим у изножного бульца кровати, и он был по меньшей мере в замешательстве, когда проснулся и увидел, как на неосвещенных стенах спальни, бюро и тиковом шифоньере скрещиваются тонкие лучи фонарей, пока Гейтли с сообщником выискивали стенной сейф, который, как ни удивительно, где-то типа 90% людей, имеющих стенные сейфы, прячут в главной спальне за какой-нибудь картиной с морским или сухопутным пейзажем. Люди в некоторых коренных домашних привычках оказывались столь идентичными, что Гейтли иногда чувствовал себя странно, словно обладал какими-то непомерными знаниями о личной жизни, не предназначенными для простых смертных. Совесть мучила Гейтли куда больше из-за этих непомерных знаний, нежели из-за своевольного обращения с чужим имуществом. Но вот внезапно посреди бесшумного поиска сейфа дома оказывается богатый домовладелец с насморком, пока его семья находится на двухмашинном экотуре по остаткам природы Беркшира, бессонно ворочается, Найквилизируется, издает гнусавые аденоидные звуки и вопрошает, какого черта это все значит - только произносит он это на квебекском французском, что для туповатых американских наркоманов в хэллоуинских масках клоунов значит ровным счетом ничего, - садится в кровати, этот крошечный пожилой домовладелец с головой круглой, как футбольный мяч, серым ван дайком и глазами, явно привыкшими к корректирующим линзам, и включает яркую прикроватную лампу. Гейтли легко мог бы смыться и забыть дорогу назад; но

только, разумеется, в свете лампы рядом с шифоньером вырисовывается морской пейзаж, и сообщник заглядывает и кратко рапортует, что сейф за ним смехотворный, открывается едва ли не крепким словом; а оральные наркоманы обычно работают в крайне жестком физическом графике потребности и удовлетворения, и Гейтли сейчас определенно на стадии потребности; и так что Д. У. Гейтли принимает губительное решение превратить кражу со взломом в полноценное ограбление – по уголовному кодексу разница между ними заключается в насилии или принуждающей угрозе оным – и распрямляется во весь устрашающий рост, и светит фонариком в слезящиеся глаза крошечного домовладельца, и обращается к нему на манер страшных преступников в популярной культуре – «че» вместо «что», различные апокопы и т.д., – и берет за ухо, и сопровождает на кухню, и сажает на стул, и связывает по рукам и ногам электрическими проводами, умело срезанными с холодильника, электрооткрывалки и автоматической кофеварки Café-au-Lait-Maker от M. Café, привязывает едва ли не гангренозно туго, надеясь, что беркширская природа в цвету и хозяин проскучает в одиночестве на протяжении достаточно долгого отрезка времени, и начинает шарить по кухонным шкафчикам в поисках столового серебра – не столового серебра «для дорогих гостей», то покоилось в футляре из телячьей кожи в старой аккуратно сложенной рождественской оберточной бумаге в великолепном комоде из красного дерева с инкрустацией слоновой костью в гостиной, где 90% богатых людей всегда и прячут хорошее серебро, и уже было найдено и сложено[31] прямо у прихожей, – но обычного старого доброго каждодневного столового серебра, потому что основной массив домовладельцев держит кухонные полотенца двумя ящиками ниже ящика с каждодневными столовыми приборами, а бог не придумал лучшего кляпа от крика о помощи, чем старое доброе пропахшее маслом кухонное полотенце из искусственного льна; и привязанный проводами к стулу хозяин вдруг соображает, что именно разыскивает Гейтли, и дергается и говорит: «Не затыкайте мой рот, я обладаю ужасной простудой, мой нос – он есть кирпич соплей, я не обладаю силами дышать в нос, ради господина бога не затыкайте мой рот»; и в знак доброй воли домовладелец называет копающемуся Гейтли комбинацию сейфа за мариной в спальне, вот только французскими цифрами, что вкупе с гнусавым аденоидным гриппозным прононсом для Гейтли даже не похоже на человеческую речь, и но еще хозяин сообщает Гейтли про старинные добританские квебекские золотые монеты в кошельке из телячьей кожи, приклеенном на обороте неизвестного

импрессионистского пейзажа в гостиной. Но все, что говорит канадский домовладелец, значит для бедняги Дона Гейтли, что насвистывает веселую мелодию и старается излучать угрозу в клоунской маске, не больше, чем, скажем, крики чаек Северного побережья или американских граклов; и, естественно, в двух ящиках под ложками находятся полотенца, и вот Гейтли надвигается, словно какой-то Бим-Бом из ада, и рот квебекца становится овальным от ужаса, и в этот-то рот вставляется скомканное, слегка отдающее жиром кухонное полотенце, а поверх торчащего кома льна и щек накладывается качественная обвязочная лента из первого ящика столика с древним телефоном – ну почему все держат серьезные почтовые принадлежности в ближайшем к кухонному телефону ящике? – и Дон Гейтли с сообщником заканчивают ловкое и полное благих намерений ненасильственное обдирание бруклинского дома наголо, словно пост-хомячиный лужок, и вновь запирают переднюю дверь и растворяются в бруклинской мгле в надежном 4x4 Гейтли с двойным глушителем. А связанный, хрипящий, облаченный в ацетатный шелк канадец – правая рука, возможно, самого одиозного антионановского активиста к северу от Великой Впадины, его адъютант и доверенный специалист по улаживанию конфликтов, самоотверженно согласившийся переехать с семьей в варварскую американскую метрополию Бостона, чтобы служить связным и укротителем полудюжины или около того столь злопыхательных и взаимно ненавидящих друг друга группировок квебекских сепаратистов и альбертских ультра-правых, единых лишь в фанатичном убеждении, что экспериалистский «дар», или «возвращение», США так называемой «Реконфигурированной» Великой Выпуклости своему северному соседу и союзнику по ОНАН нанес тяжелейший удар по канадскому суверенитету, чести и гигиене, – этот домовладелец, безусловно VIP, хотя и, конечно, на редкость засекреченный VIP, или, наверное, точнее, PIT[32] на французском, этот робкий на вид координатор канадских террористов – привязанный к стулу, тщательно закляпанный, одинокий, пораженный риновирусом человек под холодным флуоресцентным кухонным светом[33], с кляпом умелым и из качественных материалов, – этот домохозяин, так тяжело боровшийся, чтобы частично прочистить один забитый назальный проход, что порвал межреберные связки, скоро обнаружил, что даже эта щелка уже снова блокирована неумолимым лавиноподобным потоком вещества, и потому ему снова приходится рвать связки, чтобы пробить вторую ноздрю, и так далее; и через час борьбы, жжения в груди и крови на губах и белом кухонном полотенце от отчаянных попыток вытолкать его

языком сквозь ленту, которая все же неспроста высшего качества, и после того, как надежды взлетели до небес после звонка в дверь и их же черного падения, когда гость у двери, юная девушка с планшетом и жвачкой, разносящая промо-купоны на акцию «Счастливые выходные» со скидками на полугодовое и больше членство в сети бостонских безвредных для кожи соляриев, пожимает плечами в парке, делает пометку в планшете и беззаботно удаляется по длинному выезду к псевдопроселку, через час подобных мучений или больше, наконец, квебекский PIT после невыразимой агонии – медленное удушение, даже соплями, это вам не прогулка в погожий денек на монреальском фестивале тюльпанов, - на пике этой агонии, слушая в голове затихающий гром пульса и наблюдая, как уменьшается видимое пространство, пока неуклонно сужается красная апертура зрения, на пике всего этого мог думать, несмотря на боль и панику, только о том, какая это поистине дурацкая и глупая, после всего-то пережитого, смерть, - мысль, которой полотенце и лента препятствовали в мимическом выражении в виде горестной ухмылки, с которой лучшим из нас подобает встречать свой наиглупейший конец, – и на этом Гийом Дюплесси ушел из жизни, и просидел там, на кухонном стуле, в 250 км к востоку от действительно впечатляющей осенней природы, почти два дня и две ночи, с выправкой все более и более армейской, пока его охватывало трупное окоченение, с голыми ногами, из-за синюшности похожими на лиловые ломти хлеба; и когда блюстители закона Бруклина наконец прибыли и отвязали его от залитого холодным светом стула, его пришлось переносить в сидячем положении, настолько конечности и хребет отвердели в военном комильфо. А бедняга Дон Гейтли, чья профессиональная привычка отрубать энергию коротким замыканием счетчика стала более-менее визитным модусом операнди и для которого, конечно же, было зарезервировано особое место в сердце и мыслях безжалостного замгенпрокурора Ревира со связями в юридических кругах в трех округах Бостона и далее, того самого замгенпрокурора Ревира, особенно безжалостного после того, как его жена даже на зубную нить без Валиума взглянуть не могла, и который терпеливо выжидал своего шанса, считая дни, так же будучи последовательным приверженцем принципов «Записывать» и «Подавать-холодным», как и Дон Гейтли, оказавшийся, хотя и энергозатратного насилия со своей стороны, в дерьме на такой адской глубине, на которой меняются жизни.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend: «ИнтерЛейс ТелЭнтертейнмент», энергосберегающий пауэр-ТП RISC 932/1864

с или без консоли, Pink2, пост-Праймстар[34] DSS-распространение, менюшки и иконки, интернет-факс без ограничений на пиксели, tri- и quad-модемы с настраиваемым бодом, Сетки распространения, экраны настолько хай-дефинишн, что как будто сам там находишься, видеофоническая конференц-связь по разумным тарифам, встроенный Froxx CD-ROM, электроника от кутюр, консоли все-в-одной, нанопроцессоры Yushityu, лазерная хроматография, виртуально-совместимые медиакарты, оптоволоконный пульс, цифровое шифрование, убийственные приложения; кистевая невралгия, фосфенная мигрень, ягодичное гиперожирение, поясничные стрессы.

3 Ноября - Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Ком. 204, общежитие Б: Джим Трельч, семнадцать лет, м. р. Нарберт, Пенсильвания, текущая позиция в Энфилдской теннисной академии в юношеском разряде в возрастной категории до 18 №8 - а значит, №2 в одиночном разряде в команде Б 18-летних, заболел. Опять. Накатило, когда он одевался потеплее для тренировок команды Б в 0745. Как обычно, на экране ТП комнатки шел с выключенным звуком картридж раунда из 16 матчей с сентябрьского открытого чемпионата, и Трельч поправлял резинку на трусах-джок, лениво комментируя действия игроков в кулак, когда накатило. Болезнь. Как гром среди ясного неба. От дыхания вдруг стало больно в горле. Затем переполняющий жар в различных черепных проходах. Затем он чихнул, и то, что вычихнулось, было плотным и мясистым. Болезнь накатила ультрабыстро, как гром среди предтренировочного ясного неба. Теперь он снова в постели, в лежачем положении, смотрит четвертый сет матча, но не комментирует. Экран прямо под пемулисовским постером с королем паранойи[35], на который нельзя не бросить взгляд, когда смотришь ТП. По полу у мусорки у кровати разбросаны мятые «Клинексы». На прикроватном столике разбросаны безрецептурные и выписанные врачом отхаркивающие и противокашлевые, анальгетики и мегаспансулы с витамином С, флакон Бенадрила и флакон Селдана[36], хотя на самом деле во флаконе Селдана лежат несколько 75-мг капсул Тенуата, которые Трельч постепенно стрелял в пемулисовской половине комнаты и, по его мнению, на редкость гениально прятал на самом виду в прикроватном флаконе с таблетками, где Пемстер в жизни не догадается искать. Трельч из тех, кто умеет пощупать свой лоб и определить температуру. Определенно риновирус, внезапный и свирепый. Он поразмышлял, что, если вчера, когда Грэм Рейдер притворился, что чихнул на поднос с обедом Д. Трельча у диспенсера с молоком, Рейдер чихнул на самом деле и только притворился, что притворился, передав заразный риновирус на нежную слизистую Трельча. В жаре он мысленно призывает на голову Рейдера различные кары небесные. Никого из соседей Трельча нет. Тед Шахт с коленом сидит в первой на сегодня ванне. Пемулис вооружился и ушел на тренировку в 0745. Трельч предложил Пемулису свой завтрак в обмен на залить для него напольный увлажнитель и позвать медсестру первой смены,

чтобы попросить «еще» ядерного антигистамина Селдан, ингалятор с декстрометорфаном и записку с освобождением от утренних тренировок. Он лежит и обильно потеет, смотрит цифровую запись профессионального тенниса, слишком опасаясь за горло, чтобы комментировать. От Селдана не должно клонить в сон, но он чувствует слабость и неприятную сонливость. Он едва ли может сжать кулак. Он вспотел. Ни в коем случае не невозможны тошнота/рвота. Он поверить не может, как быстро она накатила, болезнь. Увлажнитель кипит и булькает, все четыре окна комнаты плачут из-за холода снаружи. С Восточных кортов доносятся тихие, грустные, далекие, как пробки из шампанского, десятки ударов по мячам. Трельч дрейфует на волоске от сна. Гигантские вентиляторы ATHSCME у стены далеко на севере, отдаленный приграничный вой, голоса с улицы и стук холодных мячей сплетаются в какую-то звуковую подстилку под утробным урчанием испарителя и скрипом пружин кровати Трельча, который ворочается и мечется во влажной полудреме. У него тяжелые немецкие брови и кулаки с большими костяшками. Он в неприятном опиоидном лихорадочном состоянии полудремы, скорее фуги, чем сна, не плывет, а скорее брошен на произвол судьбы в суровых морях, где его то могуче швыряет в полудрему, то из нее; когда разум еще бодрствует и можно спросить себя, спишь ты или нет, даже во сне. И любые сны рваные по краям, пожеванные, неполные.

Это буквально грезы наяву, хворая, неполная фуга, из которой пробуждаешься с каким-то даже психическим лязгом, пытаешься сесть прямо, точно зная, что в комнате общежития рядом с тобой есть кто-то непрошенный. Изможденно откидываешься на мокрое пятно подушки, таращишься на тягучие складки турецкого ковра, присуперклеенного Пемулисом и Шахтом к углам потолка, который волнуется, свисая, и его складки напоминают ландшафт, какие-то долины с тенями.

Я прихожу к выводу, что ощущение самых худших кошмаров - ощущение, которое можно почувствовать как во сне, так и наяву - идентично самой форме этих худших кошмаров: внезапное внутресонное осознание, что сами суть и центр кошмара всегда были с тобой, даже наяву: просто ты их... не замечал; и потом - тот ужасающий промежуток между осознанием, что ты их не замечал, и тем, как оборачиваешься посмотреть, что же такое было рядом с тобой, все это время. ...Твой первый кошмар вдали от дома и родителей, твоя первая ночь в академии - и уже тогда оно было с тобой: сон такой: ты просыпаешься от глубокого сна, вдруг вскакиваешь в поту и панике и ошеломленный внезапным чувством, что рядом с тобой, в этой самой темной незнакомой

комнате общежития, находится квинтэссенция абсолютного зла, суть и центр зла прямо здесь, в этой комнате, прямо сейчас. И оно пришло только за тобой. Больше никто из мальчиков не проснулся; койка над тобой провисает тупо, неподвижно; никто не пошевелится; никто в комнате не чувствует присутствие чего-то максимально злого; никто не ворочается и не вскакивает весь в поту; больше никто не вскрикивает, - что бы это ни было, оно не за ними. Фонарик, на который мама приклеила кусочек изоленты с твоим именем и уложила в чемодан специально для тебя, скользит по комнате общежития: подвесной потолок, серый полосатый матрас и продавленная сетка пружин над тобой, две других двухъярусных кровати такого матово-серого цвета, что не отражает свет, кучи книг, компакт-дисков, кассет и теннисной экипировки; твой диск белого света колеблется, как луна на воде, играя по неотличимым друг от друга бюро, нишам чулана и двери в комнату, выпуклым обломам косяка; конус света плывет по мебели, кучам-малам теней спящих мальчиков на табачно-белых стенах, двум овалам половичков на паркете, черным очертаниям пояска плинтуса, щелям жалюзи, сквозь которые просачивается фиолетовый не-свет снежной ночи с тонким серпиком луны; фонарик с твоим именем материнским косым почерком играет по каждому сантиметру этих стен, реостатов, CD, ИнтерЛейс-постеру Тауни Кондо, телефонной консоли, настольным ТП, лицу в полу, плакатам с теннисистами, луково-желтым абажурам настольных ламп, потолочным узорам дырочек, сетке пружин верхней кровати, нише туалета и двери, мальчикам в одеялах, уже различимой черной трещине на востоке потолка, кленовому пояску на шве между потолком, южной и северной стене нет какое еще лицо в полу фонарик ничего не высветил но ведь нет нет ни за что ты не видел узкие как у кошки и раскосые зрачки брови в виде V и жуткую зубастую улыбку что щерилась все время пока ты светил по углам ой мамочка лицо в полу мамочка ох и луч фонарика рвано втыкается назад промазывает исправляется центрируется на том что ты чувствовал и видел, но не увидел, вот только что, когда осторожно водил фонарем и искал, а лицо в полу было все это время, и его не ощущали другие и не видел ты, пока вдруг не осознал, как до этого чувствовал, что ему здесь не место и что это зло: Зло.

Ты светишь и вдруг оно открывает пасть.

А потом ты вмиг просыпаешься, дрожишь как цимбала, сна ни в одном глазу, и дрожишь, набираешься смелости, переверачиваешься направо, прямо как в своем сне, за именным фонариком на полу у кровати, просто на всякий случай, лежишь на локте и боку, освещая комнату, как во сне. Лежишь, поводя

фонарем, глядя, весь обратился в ребра, локти и широко раскрытые глаза. На полу наяву разбросаны экипировка и грязная одежда, там светлый паркет с заделанными швами, два половичка, голый лак блестит под снежным светом из окна, пол нейтральный, безлицый, ты не видишь на полу никаких лиц, сна ни в одном глазу, лежишь, безлицый, пустой, с широко раскрытыми, все играя и играя лучом по полу, не уверенный до конца, всю ночь напролет, и впредь навсегда сомневающийся, что ничего не пропустил: лежишь, без сна и почти двенадцатилетний, веришь изо всех сил.

По состоянию на Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Энфилдская теннисная академия имеет аккредитацию уже три года до эры спонсирования и восемь лет с начала эры спонсирования, сперва под руководством доктора Джеймса Инканденцы, затем под управлением его сводного шурина Чарльза Тэвиса, д-ра пед. наук. Джеймс Орин Инканденца - единственный отпрыск когда-то лучшего американского теннисиста среди юниоров и потом юного актера по до-страсберговскому методу, который в течение ранних формирующих лет Д. О. Инканденцы лишился актерской репутации и работы и бежал назад в родной Туксон, штат Аризона, и посвятил оставшуюся жизнь работе профессиональным теннисистом на ранчо-курортах и позже недолго протянувшим постановкам в некоем Битническом Театральном проекте Пустыни, - отец, склонный к возлияниям артист, покалеченный идеями-фикс о смерти от паучьего укуса, страхе сцены и ненависти неизвестного происхождения, но пожирающей интенсивности к школе метода профессиональной игры Страсберга и ее многообещающим приверженцам, отец, который где-то у надира своего профессионального успеха решил удалиться в опрысканную «Рейдом» подвальную мастерскую и взрастить там многообещающего спортсмена-юниора, примерно как другие отцы ремонтируют винтажные автомобили или собирают корабли в бутылках, или реставрируют мебель и т.п., - Джеймс Инканденца оказался замкнутым, но усердным и впоследствии одаренным теннисистом-юниором, высоким, очкастым, доминирующим у сетки, который по своему почину потратил теннисную стипендию на среднее и дальнейшие образования так далеко от Юго-запада США, насколько возможно зайти, не утонув. Американское правительственное престижное УМИ[37] финансировало его докторат по оптической физике, в чем-то тем самым исполнив детскую мечту. Его стратегическая ценность во время федерального периода Д. Форд - ранний Д. Буш как более-менее лучшего спеца по геометрической оптике в УМИ и СВК[38] сперва на производстве рассеивающих нейтроны отражателей для термостратегических оружейных систем, а затем в Комиссии по атомной энергетике, - где, по общепринятому мнению, выведенные им показатели преломления гамма-лучей для литиевого анодирования линз и панелей среди полудюжины других крупных научных прорывов сделали возможным холодный

кольцевой синтез и, следовательно, относительную энергонезависимость США и их различных союзников и протекторатов, - так вот, его оптические достижения вылились, после недолгой работы в частном секторе и выхода на пенсию, в целое состояние в патентах на компоненты зеркал заднего вида, светочувствительных очков, поздравительных голографических картриджей на дни рождения и Рождество, видеофонических табло, гомолосинусоидально-картографического ПО, нефлуоресцентных систем освещения в общественных местах и кинооборудования; а затем, во время добровольной отставки от строгой науки, которую для него, видимо, представляли возведение и открытие аккредитованной USTA[39] педагогической экспериментальной теннисной академии, в апрегардное[40] экспериментальное и концептуальное кино, видимо, слишком опередившее свое время либо отставшее от него, чтобы принести признание до кончины Инканденцы в Год Шоколадного Батончика Dove, - хотя многое из него (экспериментального и концептуального кино) по общему признанию было просто претенциозным, неувлекательным и так себе и вряд ли помогло отсрочить его довольно плавную спираль в дипсоманию его покойного отца.

Натянутый, нескладный, социально неравный и осложненный алкоголизмом брак доктора Инканденцы с мая по декабрь[41] с одной из истинных секс-бомб североамериканских научных кругов, чрезвычайно высокой и нервозной, но также чрезвычайно красивой, складной, трезвеннической и солидной доктором Аврил Мондрагон, единственной женщиной-академиком, когда-либо заведовавшей кафедрой им. Макдональда нормативного словоупотребления и узуса в Королевском колледже Виктории Университета Макгилл, с которой Инканденца повстречался на конференции в Университете Торонто «Рефлективные и рефлексивные системы», приобрел еще больший романтический флер во время бюрократических злоключений, связанных с получением визы на въезд и выезд, не говоря уже о грин-карте, так как брак профессора Мондрагон с американцем не оттенил ее предыдущее участие, хотя и, безусловно, уголовно непреследуемое, в определенной деятельности левых квебекских сепаратистов еще во времена аспирантуры, из-за которого ее имя и оказалось в пресловутом списке «Personnes à Qui On Doit Surveiller Attentivement»[42] КККП[43]. Рождение первого ребенка четы Инканденца, Орина, было как минимум отчасти юридическим маневром.

Известно, что в течение последних пяти лет жизни доктор Джеймс О. Инканденца ликвидировал все свои активы и патенты,

переуступил руководство Энфилдской теннисной академией единокровному брату жены - бывшему инженеру, до недавнего времени занимавшему должность в Администрации любительского спорта в Провинциальном колледже Троппингешира, провинция Нью-Брунсвик, Канада, - и посвятил все свободные от пагубных привычек часы исключительно производству документалок, арт-лент с техническими выкрутасами и смутно язвительных драматических картриджей с вкраплениями своих обсессий, оставив после себя значительное (учитывая поздний творческий расцвет) количество законченных лент и картриджей, часть из которых заслужила культовый статус в академической среде за свои техническую затейливость и пафос, одновременно и сюрреалистически абстрактный, и душе- и ЦНС- раздирающе мелодраматический.

Безвременная кончина в результате самоубийства профессора Джеймса О. Инканденцы-мл. в пятьдесят четыре года стала тяжелой утратой по меньшей мере для трех миров. Президент Дж. Джентл (К. К.) от имени ОНР МО США и пост-кольцевой КАЭ ОНАН посвятил ему панегирик и передал соболезнования семье по засекреченной электронной почте ARPANET. Похороны Инканденцы в квебекском округе Л'Иле дважды откладывались из-за кольцевых циклов гиперфлорации. «Корнелл Юниверсити Пресс» объявило о планах издания юбилейного сборника статей. Некоторые ведущие так называемые «апрегардные» и «антиконфлюэнциальные» молодые режиссеры в Год Шоколадного Батончика Dove применяли в корпусе своих работ некоторые косвенные визуальные отсылки, - в основном освещение чиароскуро и особый фильтр для линз, которыми был известен фирменный глубокий фокус Инканденцы, - своего рода внутрицеховая элегическая дань, которую бы не считал ни один зритель. Интервью с Инканденцой посмертно включили в труд о зарождении кольцевания. А те из игроков-юниоров ЭТА, на чьи гипертрофированные руки налезали черные напульсники, не снимали их на корте почти весь год.

Денвер, Колорадо, 1 Ноября Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

- Ненавижу! - вопит Орин любому, кто пролетает рядом. Он не крутится и не вращается по спирали, как полагается; он скорее лавирует - парящий эквивалент снегоочистителя, незрелищный и нацеленный только на то, чтобы закончить срочно, целым и невредимым. Нейлон красных крыльев трепещет в восходящем потоке; плохо приклеенные перья линяют и воспаряют. Восходящий поток – оксиды от тысяч вопящих глоток «Майл-Хай». Самый громкий стадион, факт. Он чувствует себя придурком. В клюве трудно дышать и смотреть. Два запасных энда делают что-то вроде совместной бочки. Самое худшее было прямо перед тем, как они прыгали с края стадиона. Руки в верхних рядах хватают за ноги. Все хохочут. Камеры «ИнтерЛейс» панорамируют и наезжают; Орин отлично знает, что огонек сбоку означает «Зум». Как только они взмыли над полем, голоса растаяли и превратились в оксиды и восходящий поток. Левый гард воспаряет вместо того, чтобы опускаться. У кого-то отваливаются пара клювов и лапа и кружат вниз к полю. Орин угрюмо лавирует вперед-назад. Он из тех, кто отказался свистеть или чирикать. Плевать на премию. Громкоговоритель стадиона – словно горло полощут. Ничего не понятно, даже на земле.

Унылый старый экс-квотербек, который в эти дни только придерживает мяч для первого удара, парит недалеко от зигзага Орина, в добрых ста метрах над 40-й отметкой поля. Он один из маскотов-самочек - его клюв тупее, а крылья - неброского красного.

- Ненавидь и презирай это всем гребаным сердцем, Клейт!

Квотербек пытается изобразить усталый жест крылом и чуть не влетает в пенек Орина.

- Почти приехали! Наслаждайся полетом! Йо – зацени декольте в обтягивающем на месте 22G, прямо за... – и теряется в реве, когда приземляется первый игрок, рассыпая красные перья с механизма для полета. Надо кричать, чтобы тебя хотя бы услышали. В какой-то момент начинает казаться, что толпа ревет из-за собственного рева, такой рев в квадрате, словно что-то сейчас взорвется. Один из «Бронко» в задней части костюма их символа спотыкается и шлепается на поле, так что кажется, будто у быка оторвался зад. Орин не рассказывал ни одному из

«Кардиналов», ни даже психологу команды или психотерапевту - специалисту по визуализации о своей смертельной боязни высоты и спусков.

- Я бью по мячу! Мне платят, чтобы я бил далеко, высоко, хорошо и всегда! Интервью о себе – это еще ладно! Но вот это переходит все границы! Хватит это терпеть! Я спортсмен! Я не актер фрик-шоу! Никто не предупреждал про полеты. В Новом Орлеане раз в сезон были только рясы, нимбы и цитра. Но только раз в сезон. А это вообще кошмар!

- Могло быть и хуже!

Кружит к линии крестиков на земле и парням в кепках с ножницами, которые помогают срезать крылья, низкорослым пузатым добровольцам из головной администрации, которые умеют хмыкать над тобой так, что даже не подкопаешься.

- Мне платят за то, чтобы я бил!

- В Фили еще хуже!.. в Сиэтле три сезона водой полива...

- Господи Боже, только пощади Ногу, - шепчет Орин каждый раз перед приземлением.

- ...а ведь мог быть «Нефтяником»! А то и «Коричневым»[44].

Органопсиходелический мусцимол, изоксазол-алкалоид, получаемый из Amanita muscaria, он же мухомор, – ни в коем случае, подчеркивает Майкл Пемулис, пока детишки сидят по-турецки с застывшими глазами, подавляя зевки, на полу просмотровой, не путать с phalloid, verna или некоторыми другими смертельными представителями североамериканского рода Amanita, – известен под структурной кличкой 5-аминометил-3-изоксазол, при оральном приеме употребляется в количестве где-то от десяти до двадцати мг, действует в два-три раза эффективнее псилоцибина и зачастую приводит к следующим изменениям сознания (вообще не читая и не подсматривая в заметки): некий транс-полусон с видениями, экзальтацией, ощущениями физической легкости и умноженной силы, повышенным чувственным восприятием, синестезией и комплиментарными для человека искажениями в образе тела. Это должна быть полдничная свечка со Старшим товарищем, где детишки получают от умудренных старшеклассников братскую поддержку и совет. Пемулис же иногда относился к свечке как к какому-то коллоквиуму и делился там собственными находками и интересами. Проектор стоит на «Чтении» с кабинетного лаптопа и на экране большими угловатыми буквами написано «Метоксилированные основания для фенилалкиламиновых манипуляций», а под этим - текст, который для Младших товарищей с таким же успехом мог быть и на греческом. Двое

детей сжимают теннисные мячи; двое по-хасидски раскачиваются, чтобы не уснуть; у одного – кепка с двумя антенками из сжатых пружин. Более-менее почитаемый аборигенскими племенами нынешних южного Квебека и Великой Впадины, рассказывает им Пемулис, этот пластинчатый гриб любим и ненавидим за могучий, но не всегда при неаккуратном титровании приятный психодуховный эффект. Мальчик с величайшим интересом ковыряется в пупке. Другой делает вид, что упал.

Некоторые игроки помаргинальнее начинают – простите за такие новости - не раньше где-то двенадцати, особенно с -дринами перед матчем и с энкефалином[45] после, что может привести к целому порочному кругу в нейрохимии человека; однако лично я, опрометчиво дав слово озабоченным отцам и прочим, впервые расслабился с Бобом Хоупом[46] только в пятнадцать, даже скорее шестнадцать, когда Бриджет Бун, в комнату которой перед отбоем всегда набивалась целая куча до-16 и младше, предложила мне подумать насчет парочки бонгов на ночь в качестве некоего психодислептического Соминекса[47], чтобы помочь, возможно, проспать, наконец-то, до самого конца один реально неприятный сон, который еженощно повторялся и будил меня в посредисеместровые недели и начал уже давить и даже слегка влиять на игру и показатели. И хоть Боб был второсортный и синтетический, бонги сработали как по волшебству.

В том сне, который порой вижу и посейчас, я стою у задней линии колоссального теннисного корта с заполненными трибунами. Очевидно, я на профессиональном матче; есть зрители, должностные лица. Но корт размером где-то с футбольное поле, наверное, ну так кажется. Трудно сказать. Но главное – корт сложный. Линии, которые нанесены на корт, сложные и скрученные, как скульптура из струн. Линии во всех направлениях, и они бегут бесцельно, или встречаются и образуют взаимоотношения и фигуры, реки и их притоки, и системы внутри систем: линии, углы, коридоры и отрезки расплываются у горизонта далекой сетки. Я стою в ожидании. Все это почти слишком трудно осмыслить сразу. Какое-то величие. И на людях. Вдоль, видимо, периферии корта располагается безмолвная толпа, одетая в летние цитрусовые цвета, недвижная и вся внимание. Вежливо стоит начеку батальон линейных судей в блейзерах и шляпах для сафари, руки сложены на ширинках слаксов. Высоко над головой, рядом со стойкой сетки - арбитр, в синем блейзере, с аппаратурой для усиления громкости, шепчет: «Играйте». Толпа – живая картина, недвижная и вся внимание. Я

кручу палку, стучу новеньким желтым мячиком и пытаюсь понять, куда же здесь подавать. На трибунах слева я различаю белый солнечный зонтик маман; из-за ее роста зонтик возвышается над соседними; она сидит в своем маленьком кругу тени, волосы белые, ноги скрещены, хрупкий кулачок поднят и сжат в знак полной и безоговорочной поддержки.

Арбитр шепчет: «Прошу, начинайте».

Мы как бы играем. Но это все как-то гипотетически. Даже «мы» - только теория: я так и не вижу далекого оппонента из-за сложного устройства игры.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Врачи, как правило, входят на арену своего профессионального поприща с бодрой улыбкой, которую приходится стирать или немного приглушать, когда в роли этой арены выступает пятый этаж больницы - психиатрическое отделение, где бодрая улыбка приравнивается к какому-то злорадству. Вот почему врачи в психиатрическом отделении, если и когда встретишь их в коридорах пятого этажа, так часто носят смутно фальшивую нахмуренность озадаченной сосредоточенности. И вот почему доктор медицины больницы - обычно лоснящийся, розовощекий и бездумный, и почти всегда необычно чисто и приятно пахнущий - обращается к психиатрическому пациенту под своим наблюдением в профессиональной манере где-то между вежливой и глубокой, отстраненной, но искренней озабоченностью, которая равно относится и к субъективному дискомфорту пациента, и к тяжелым особенностям его случая.

Ухоженный врач, который только что заглянул в открытую дверь душной палаты и, пожалуй, даже слишком мягко постучал по металлическому косяку, обнаружил Кейт Гомперт на боку в узкой койке в синих джинсах и блузке-безрукавке, с поджатыми к животу коленями и обвитыми вокруг коленей пальцами. В позе было что-то почти неприкрыто пафосное: точная копия меланхоличной иллюстрации эры Ватто с фронтисписа «Руководства по клиническим состояниям» Евтушенко. На Кейт Гомперт были темно-синие водонепроницаемые кроссы без носков и шнурков. Пол ее лица утоплено в то ли зеленой, то ли желтой наволочке синтетической подушки, голову она так давно не мыла, что волосы распались на отдельные блестящие пряди, а черная челка лежала на видимой половине лба как глянцевые прутья решетки. В психиатрическом отделении был разлит слабый запах дезинфицирующего средства и сигарет из комнаты отдыха, горький привкус медицинских отходов, ожидающих уборки, а также постоянная легкая аммиаковая нотка мочи, а еще двойной бип лифта и вечный далекий голос интеркома, перечисляющий каких-то врачей, и громкая ругань маниакального пациента из розовой палаты для буйных в противоположном от комнаты отдыха конце отделения. Еще в палате Кейт Гомперт пахло паленой пылью из вентиляции с подогревом, а также слащавым парфюмом юного медбрата,

который сидел в кресле у изножья койки девушки, жевал голубую жвачку и смотрел беззвучный ROM-картридж на больничном лэптопе. Кейт Гомперт была в Особом списке, что означало присмотр на случай суицида, что означало, что в какой-то момент девушка выдала и Мышление, и Намерение, что означало, что девушку двадцать четыре часа в сутки должен стеречь медбрат, пока ее не отзовет из Особого списка наблюдающий врач. Медбратья на таком дежурстве сменялись каждый час, якобы чтобы каждый дежурный всегда был бодр и начеку, но на самом деле потому, что просто сидеть у постели, глядя на того, кто пережил столько психических мучений, что решил покончить с собой, невероятно удручающе, скучно и неприятно, так что они сокращали ненавистную обязанность как могли, эти медбратья. Формально им было запрещено читать, писать, смотреть CD-ROMы, выполнять процедуры личной гигиены или в любой форме отвлекать внимание от пациента из Особого списка. Пациентка мисс Гомперт, казалось, одновременно и не могла вздохнуть, и дышала так часто, что могла спровоцировать гипокапнию; врач не мог также не отметить, что у нее довольно большая грудь, быстро вздымавшаяся и опадающая в круге рук, которыми она обхватила колени. Глаза девушки, тусклые, зафиксировали его появление в дверях, но не следили, как он подходил к койке. Медбрат также точил ногти пилочкой. Врач сказал медбрату, что ему нужно побыть пару минут наедине с миссис Гомперт. Такое требование врачи, обращаясь к подчиненному, читают, когда это возможно, или по крайней мере говорят, опустив глаза на карту, - так и сейчас врач внимательно ознакамливался с назначенными лекарствами, медкартами и записями о пациентке, собранными по медицинской Сети из травматологических и психиатрических отделений других городских больниц. Гомперт, Кэтрин Э., 21, Ньютон, Массачусетс. Оператор ввода данных в риелторской конторе в Уэллсли Хиллс. Четвертая госпитализация за три года, каждый раз - клиническая депрессия, униполярная. Курс электросудорожной терапии в госпитале Ньютон-Уэллсли два года назад. Некоторое время Прозак, затем Золофт, последнее - Парнат в комбинации с литием. Две предыдущих попытки суицида, последняя - буквально прошлым летом. Прием Би-Валиума прерван через два года применения, Ксанакс - через год: обнаружены случаи злоупотребления назначенными лекарствами. Униполярная депрессия, вполне классическая, характеризуется крайней дисфорией, тревогой с приступами паники, паттернами дневных вялости/возбуждения, суицидным «Мышлением» «с Намерением и без». Первая попытка - случай с угарным газом, но автомобиль в гараже заглох раньше, чем был достигнут

летальный уровень гемотоксичности. Затем прошлогодняя попытка - сейчас шрамов не видно, сосудистые узлы на запястьях скрыты коленями, которые она обняла. Она продолжает таращиться в дверь, которую он только что закрыл. Нынешняя попытка - обычная передозировка лекарств. Поступила в больницу после вызова бригады скорой помощи три дня назад. Два дня на искусственной вентиляции после промывки. Гипертонический криз на второй день от повторного отравления продуктами метаболизма - видимо, закинулась чертовой прорвой таблеток, - дежурная медсестра интенсивной терапии вызвала капеллана - видимо, повторное отравление оказалось совсем паршивым. Уже два раза подряд побывала на грани жизни и смерти, эта Кэтрин Энн Гомперт. Третий день - во Втором западном корпусе для наблюдения, от совершенно безумного кровяного давления с неохотой выписали Либриум. Теперь она на пятом, его нынешней арене. Давление по последним четырем показаниям стабильно. Следующее снятие показаний в 1300.

Попытка была серьезной, полновесной попыткой. Девчонка не шутит. Хрестоматийный клинический случай прямиком из Евтушенко или Дрецке. Больше половины суицидников в психиатрических отделениях - обычно всякие чирлидерши после двух флаконов Мидола из-за разрыва школьного романа или серые асексуальные депрессивные одиночки, безутешные после смерти домашнего любимца. Катарсическая травма от того, что они действительно попали в официальное место для психов, пара понимающих кивков, пара слабых признаков, что кому-то на них не совсем наплевать, - и они снова в норме и готовы к возвращению в мир. Но три попытки и курс шоковой - совсем другой разговор. Внутреннее состояние врача колебалось между трепетом и возбуждением, что внешне проявлялось в виде некой вежливо глубокой озадаченной заботы.

Врач сказал «Привет» и добавил, что хочет удостовериться наверняка, что она Кэтрин Гомперт, так как раньше они не встречались.

- Это я, - горьким почти напевом. Ее голос оказался странным образом светлым для человека, лежащего в позе зародыша с мертвым взглядом и без выражения на лице.

Врач спросил, не могла бы она вкратце рассказать, как очутилась здесь, с ними? Помнит ли, что произошло?

Она ровно и глубоко вздохнула. Этим она хотела передать скуку или раздражение.

- Я приняла сто десять таблеток Парната, где-то тридцать капсул Литоната, еще просроченный Золофт. Приняла все, что у меня было на свете.

- Похоже, ты действительно хотела сделать себе плохо.

- Внизу сказали, что от Парната я отключилась. Из-за него пляски с давлением. Мама услышала шум наверху и нашла меня, как она сказала, на боку, я жевала ковер в комнате. У меня в комнате пушистый ковер. Сказала, я лежала на полу, багровая и вся мокрая, будто новорожденная; сказала, сперва подумала, что у нее галлюцинация меня новорожденной. На боку, красная и мокрая.

- Так и бывает при гипертоническом кризе. Это значит, кровяное давление поднялось настолько, что ты могла умереть. Сертралин в комбинации с ИМАО[48] убивает, в достаточном количестве. Да еще с отравлением от такого количества лития - я бы сказал, тебе повезло, что ты еще с нами.

- Маме иногда кажется, что у нее галлюцинации.

- Сертралин, кстати говоря, - это Золофт, который ты хранила вместо того, чтобы выкинуть, как предписывается при смене курса лекарств.

- Говорит, я большую дыру прожевала. Но кто знает.

Доктор выбрал вторую любимую ручку из ряда в нагрудном кармане белого халата и сделал какую-то пометку на новой карте Кейт Гомперт этого конкретного психиатрического отделения. Среди ручек в кармане торчала резиновая головка диагностического молоточка. Он спросил Кейт, может ли она ему объяснить, почему хотела покончить с собой. Злилась ли на себя. На кого-то другого. Или ей стало казаться, что в ее жизни больше нет смысла. Не слышала ли голосов, которые велели сделать себе плохо.

Внятного ответа не последовало. Дыхание девушки замедлилось до просто частого. Доктор решил пораньше сделать высокую медицинскую ставку и спросил Кейт, не было бы проще, если бы она перевернулась и села, чтобы они говорили друг с другом более нормально, лицом к лицу.

- Я сижу.

Врач держал ручку наизготовку. Его медленный кивок был тщательным, вежливо озадаченным.

- Хочешь сказать, тебе сейчас кажется, будто ты уже находишься в сидячем положении?

Она надолго закатила глаза, многозначительно вздохнула, затем перевернулась и села. Кэтрин Энн Гомперт, вероятно, решила, что перед ней очередной психиатр с нулевым чувством юмора. Видимо, потому, что не понимала строгих методологических пределов, которые диктовали, насколько ему, врачу, нужно быть буквальным с поступившими в психиатрическое отделение. Не просто потому, что шутки и

сарказм здесь обычно чересчур содержательны и обладали клиническим значением, чтобы не принимать их всерьез: сарказм и шутки обычно являлись бутылкой, в которой пациенты с клинической депрессией отправляли самые безысходные крики о помощи. Врач - который, кстати, был не доктор наук, а ординатор, на двенадцатинедельноq практике в психиатрическом - предался размышлениям об этом медицинском правиле, пока пациентка деланно сложно доставала из-под себя тонкую подушку, прислоняла к быльцу у голой стены и опала на нее, скрестив руки на груди. Врач решил, что ее открытая демонстрация раздражения могла либо нести позитивный посыл, либо вообще ничего не значить.

Кейт Гомперт уставилась в точку за левым плечом врача.

- Я не хотела сделать себе плохо. Я хотела себя убить. Большая разница.

Врач спросил, не могла бы она объяснить, в чем, по ее мнению, здесь разница.

Задержка, предшествующая ответу, была всего на миг дольше, чем пауза в обычном мирском разговоре. Врач не имел представления, на что указывает это наблюдение.

- А у вас тут много разных видов суицидников?

Ординатор не стал уточнять, что Кейт Гомперт имеет в виду. Она удалила одним пальцем какое-то вещество из уголка рта.

- По-моему, должны быть разные виды суицидников. Я не из тех, у которых ненависть к себе. Тип, который типа «Я дерьмо и миру будет лучше без несчастного меня», который думает так, а сам все представляет, что все скажут на его похоронах. Встречала таких типов в отделениях. Несчастный-я-ненавижу-себя-накажите-меня-приходите-ко-мне-на-похороны. А потом показывают фотки 20х25 своей дохлой кошки. Это все хрень, сплошная жалость к себе. Это хрень. У меня нет особых проблем. Меня не завалили на экзамене, не бросили. Эти типы. Вот они делают себе плохо. - и все при этой интригующей, тревожной комбинации пустой маски лица и обыденно оживленного разговорного тона. Кивочки врача были задуманы не как ответы, но как поощрения продолжать: Дрецке называл их Моментумизерами.

- Я не особенно хочу делать себе больно. Или, типа, наказать. Я себя не ненавижу. Просто хочу, чтобы меня выпустили. Больше не хочу играть.

- Играть, - ободрительно кивая, черкая короткие пометки.

- Я хочу просто потерять самосознание. Я совсем другой тип. Хотела перестать себя так чувствовать. Если бы я могла просто впасть в реально длинную кому, так бы и сделала. Или пройти шоковую терапию и стряхнуть с себя все, тоже так бы и сделала.

Вместо таблеток.

Врач записывал с великим усердием.

- Последнее, чего я хочу, - это боль. Я просто больше не хотела так себя чувствовать. Я не верю... не верила, что это ощущение уйдет. Не верю. До сих пор. Лучше ничего не чувствовать, чем это.

Врач смотрел с живым, но и отрешенным интересом. Его глаза казались чрезвычайно увеличенными за привлекательными, но толстыми очками, оправа которых была стальной. Пациенты на других этажах во время обходов иногда жаловались, что им иногда кажется, будто они в банке, а он пристально изучает их из-за толстого стекла. Он говорил: «А ощущение желания прекратить твое ощущение смертью, таким образом?..»

Она вдруг затрясла головой - неистово, сердито.

- Ощущение - это почему я хочу смерти. Ощущение - причина, по которой мне хочется умереть. Я здесь потому, что хочу умереть. Вот почему я в палате без окон с решетками на лампочках и без замка на туалете. Вот почему у меня забрали шнурки и ремень. Но вот я заметила, что ощущение-то они не забрали, да.

- Ощущение, о котором ты говоришь, то же самое, что ты чувствовала и при других припадках депрессии, Кэтрин?

Пациент ответила не сразу. Она вытянула одну ногу из кроссовка и коснулась голой ноги носком другого кроссовка. Ее глаза следили за ее действиями. Беседа, кажется, помогала ей сосредоточиться. Как и большинство депрессивных пациентов, она лучше функционировала во время сосредоточенной деятельности, чем в стазисе. При обычном парализованном стазисе пациентов разжевывал на части их собственный разум. Но помогать им отыскать занятия, чтобы сосредоточиться, всегда требовало титанических усилий. Большинство ординаторов находили пятый этаж депрессивным местом для практики.

- Я, наверное, пытаюсь понять: то ощущение, о котором ты говоришь, ассоциируется у тебя с депрессией?

Ее взгляд переместился.

- Вы его так называете, да.

Врач несколько раз медленно щелкнул ручкой и объяснил, что ему сейчас интересней узнать, как она сама называет это ощущение, ведь это все же ее ощущение.

Продолжилось изучение движений ноги.

- Меня бесит, когда люди так его называют, потому что я всегда думала, что депрессия - это когда очень грустно, становишься тихий и меланхоличный, и просто сидишь у окна и вздыхаешь, или лежишь и в потолок смотришь. Состояние, в

котором на все наплевать. Такой унылый вариант состояния покоя, - теперь она казалась врачу решительно оживленней, хотя все еще как будто не могла ответить на его взгляд. Дыхание снова участилось. Врач вызвал в памяти классические случаи гипервентиляции, характеризующиеся карпопедальными спазмами, и напомнил себе внимательно наблюдать за руками и ногами пациентки во время беседы на предмет признаков тонического сокращения, в случае которого следует назначить кальций внутривенно с процентным содержанием соли, которое нужно будет быстро уточнить по конспектам.

- Ну, это, - она указала на себя, - не состояние. Это ощущение. Я чувствую его повсюду. В руках и ногах.

- Значит, оно включает карпопе... твои руки и ноги?

- Все. Голова, горло, задница. В животе. Оно везде. Не знаю, как его назвать. Я как будто не могу из него выглянуть, чтобы понять, что это такое. Это скорее ужас, а не печаль. Как будто вот-вот случится что-то ужасное, самое ужасное, что можно представить - нет, даже хуже, чем можно представить, потому что еще есть ощущение, что надо что-то немедленно сделать, чтобы остановить ужасное, но я не знаю, что, и вдруг оно случается, все время, вот-вот случится и уже случается, и все одновременно.

- То есть, по твоим словам, важной чертой твоей депрессии является тревога.

Теперь было неясно, врачу она отвечает или нет.

- Все становится ужасным. Все, что видишь - уродливое. Есть слово «аляповатое». Доктор Гартон как-то раз сказал «аляповатое». Подходит. И звуки все резкие, колючие и резкие, как будто у каждого звука вдруг выросли зубы. И пахнет гадко, даже если только из душа. Даже какой смысл мыться, если все равно несет так, будто опять надо в душ.

Врач, пока все это записывал, какой-то момент казался скорее заинтригованным, чем озабоченным. Он предпочитал рукописные записи лаптопу, потому что ему казалось, будто врачи, которые печатают во время беседы на клавиатуре, производят бесстрастное впечатление.

Пока врач писал, лицо Кейт Гомперт на миг исказилось.

- Блин, я больше всего на свете боюсь этого ощущения. Больше боли, или больше смерти мамы, или загрязнения окружающей среды. Чего угодно.

- Важная черта тревоги - страх, - подтвердил врач.

Кэтрин Гомперт на миг как будто спустилась со своих мрачных небес на землю. Она на несколько секунд откровенно уставилась на врача, и врач, из которого выдрессировали весь дискомфорт из-за прямого взгляда пациентов еще во время

дежурства в отделении парализованных/-плегии этажом выше, сумел прямо ответить на ее взгляд с неким вежливым сочувствием, выражением человека, который сочувствует, но, конечно же, не переживает того же, что переживает она, и который уважает ее субъективные чувства, даже не пытаясь притвориться, что переживает. То же, что она. Выражение молодой женщины, в свою очередь, показало, что она решила сделать ставку, на такой ранней стадии терапевтических отношений, и принять все, что ей уготовано. Отрешенная решимость на ее лице теперь дублировала то, что отразилось на лице врача, когда он раньше сделал ставку и попросил ее сесть прямо.

- Слушай, - сказала она, - тебя когда-нибудь тошнило? Я имею в виду - когда мутит, как когда знаешь, что вот-вот вырвет?

Врач сделал жест «ну естественно».

- Но это только в животе, - сказала Кейт Гомперт. - Это ужасное ощущение, но оно только в животе. В таких случаях и говорят - «живот болит», - она снова пристально всматривалась в нижние карпопедалы. - Как я говорила доктору Гартону, ладно, а теперь представь, что ты это чувствуешь по всему телу, внутри. Повсюду. Как будто каждую клетку,и каждый атом, или серую клеточку, и вообще все мутит так, что им хочется стошнить, но они не могут, и так себя чувствуешь все время, и ты уверен, ты точно знаешь, что это ощущение никогда не пройдет, всю оставшуюся естественную жизнь ты проведешь с этим ощущением.

Врач сделал слишком короткую запись, чтобы прямо отразить все, что она говорила. Он кивал и когда писал, и когда поднял взгляд.

- И все же в прошлом это чувство тошноты приходило и уходило, и в конце концов исчезало после предыдущих депрессий, Кэтрин, разве нет?

- Но когда это ощущение приходит - все забываешь. Ощущение ощущается, будто было всегда и будет всегда, и ты забываешь. Как будто на то, как ты в целом обо всем думаешь, опускается какой-то целый фильтр, через пару недель после...

Они сидели и глядели друг на друга. Врач чувствовал некую комбинацию интенсивного клинического возбуждения и тревоги из-за того, что может сказать в этот критический момент что-то не то и все испортить. Его фамилия была вышита желтой нитью слева на груди белого халата, который требовалось носить по больничным правилам.

- Прости? Пару недель после?..

Он выждал семь вдохов.

- Давайте шоковую, - сказала она наконец. - Разве ты, весь такой добрый и озабоченный, не должен спросить, чем можешь мне помочь? Потому что я это все уже проходила. Ты не спросил, чего я хочу. Да? Ну так как насчет снова прописать мне ЭСТ[49], или хотя бы верните ремень. Потому что я больше не могу терпеть это ощущение ни секунды, а секунды все идут и идут.

- Что ж, - медленно ответил врач, кивая, чтобы обозначить, что он услышал, какие желания выражает девушка, - что ж, я с радостью обсужу с тобой варианты лечения, Кэтрин. Но должен сказать, меня заинтересовало, как то, что ты начала говорить, как мне показалось, начало обозначать, что же могло случиться две недели назад, из-за чего теперь у тебя эти ощущения. Тебе не сложно рассказать подробнее?

- Или ЭСТ, или пропиши успокоительных на месяц. Ты же можешь. Все, что мне, по-моему, нужно, - месяц вне ощущения. Типа контролируемая кома. Ты бы мог это устроить, если б правда хотел помочь.

Врач смотрел на нее с терпением, которое она должна была заметить.

И она ответила испуганной улыбкой, улыбкой без всякого смысла, как будто кто-то коснулся ее околоротовых мышц тигмотактическим электродом. Зубы улыбки свидетельствовали о классическом невнимании человека в депрессии к оральной гигиене.

Она сказала:

- Кажется, я чуть не сказала, что ты решишь, что я чокнутая, если я все расскажу. А потом вспомнила, где я. - она издала звук, который предполагался как смешок; прозвучал он рвано, зазубрено. - Я собиралась сказать, что иногда мне кажется, будто это ощущение, может, связано с Хоупом.

- Хоуп.

Все это время ее руки были скрещены на груди, и, несмотря на то, что в комнате было слишком жарко, пациентка постоянно потирала ладонями предплечья - поведение, которое ассоциируется с холодом. Позиция и движения закрывали внутренние стороны запястий от взгляда. Брови врача без его ведома стали синклинальными от озадаченности.

- Боб.

- Боб. - врачу было страшно, что он выдаст непонимание слов девушки и углубит чувства одиночества и психической боли. Классических униполяриков обычно терзало убеждение, что, когда они пытаются общаться, их не слышат или не понимают. Отсюда шутки, сарказм, психопатология бессознательного потирания рук.

Голова Кейт Гомперт закатилась, как у слепого.

- Боже, что я здесь делаю. Боб Хоуп. Дурь. Шмаль. План. Дуст. Стафф, - она быстро обозначила жестом дюбуа[50], поднеся большой и указательный пальцы к губам. - Дилеры там, где я закупаюсь, говорят звать это Бобом Хоупом, когда звонишь, на случай, если линию прослушивают. Надо спрашивать, не приехал ли Боб. И если у них есть что, они отвечают: «Надежда умирает последней»[51], - как правило. Это как код. А один пацан заставляет просить его совершить преступление. Дилеры, которые долго работают, становятся параноиками. Как будто код обманет тех, кто знает, как поставить прослушку, - она определенно становилась оживленней. - А один парень со змеями в аквариуме из Оллстона, он вообще...

- То есть наркотики, по твоим словам, могут быть фактором, - перебил врач.

Лицо юной девушки в депрессии снова опустело. Она ненадолго предалась тому, что медбратья с дежурства по Особому списку звали «Взглядом на тысячу метров».

- Не «наркотики», - произнесла она медленно. Врач почувствовал в палате стыд, горький и уремический. Теперь ее лицо стало отрешенно страдальческим. Девушка сказала: - Когда бросаешь.

Врач нашел уместным еще раз повторить, что он не уверен, что правильно понимает, чем конкретно она хочет с ним поделиться.

Теперь ее лицо исказила серия выражений, из-за которых врачу стало клинически невозможно определить, целиком она искренна с ним или нет. То ли она испытывала боль, то ли пыталась подавить хохот. Она сказала:

- Не знаю, поверишь ты мне или нет. Боюсь, подумаешь, что я чокнутая. Есть у меня такая тема со шмалью.

- То есть с марихуаной.

Врач был странным образом уверен, что Кейт Гомперт притворилась, что шмыгнула, вместо того, чтобы произвести настоящее шмыгание.

- Марихуана. Большинство думает, что марихуана - просто незначительный наркотик, знаю, просто обычное растение: от марихуаны кайфуешь, от крапивы – чешешься… и если скажешь, что у тебя проблемы с Хоупом - все только посмеются. Потому что ведь есть столько наркотиков куда хуже. Поверь, я знаю.

- Я не буду смеяться, Кэтрин, - сказал врач, и сказал серьезно.

- Но я так его обожаю. Иногда он как центр моей жизни. Он делает со мной, знаю, что-то нехорошее, и мне уже запрещали в лоб курить, на Парнате, потому что, говорил доктор Гартон,

никто не знает, что будет от этой конкретной комбинации, это как рулетка. Но через какое-то время я всегда про себя думаю, что уже прошло какое-то время, и теперь, если дуну, все будет по-другому, даже на Парнате, и я дую, начинаю по новой. Начинаю всего с пары затяжек дюбуа после работы, чтобы пережить ужин, потому что ужин с мамой у меня... в общем, но да, очень скоро через какое-то время я уже у себя в комнате с вентилятором, направленным в окно, всю ночь выбиваю косяки и курю на вентилятор, чтобы убить вонь, и прошу ее говорить, что меня нет, если позвонят, и вру про то, что делаю всю ночь, даже если она не спрашивает - когда спрашивает, когда нет. А потом через какое-то время я дую косяки на работе, в перерывах, иду в туалет и курю в окно, там есть такое маленькое окошко, высоко, с матовым стеклом, все в пыли и паутине, и лицом к нему придвигаться противно, но если его помыть, боюсь, миссис Диггс или еще кто наверняка догадается, что кто-то что-то делает у окошка, стоит на каблуках на краю унитаза, чистит зубы, и заливается Коллириумом[52] флаконами, и ставит на рабочем телефоне аудиозапись, и всегда хочет пить перед тем, как ответить, потому что во рту сухо, особенно на Парнате, от Парната во рту и так сухо. И очень скоро я абсолютно параною, что все знают, что я накуренная, на работе, прямо в офисе, под кайфом, от меня несет и я единственная, кто не чувствует, что от меня несет, я как бы так одержима этим «Они знают, они видят?», что через какое-то время прошу маму позвонить и сказать, что я заболела, чтобы сидеть дома, когда она уходит на работу, и быть совсем одной и не волноваться про «Они знают», и курить на вентилятор, и обрызгивать дом Лизолом, и рассыпать везде из лотка Рыжика, чтобы весь дом пропах Рыжиком, и курить, и затягиваться, и смотреть ужасную дневную фигню по ТП, потому что не хочу, чтобы мама видела заказы на картриджи в дни, когда я типа как болею, и вот я уже становлюсь одержима «А она знает?» Становлюсь все никчемней и никчемней, и вот уже саму задолбало, сколько можно курить, - это всего через пару недель, - и вот я накуриваюсь, а сама не могу думать ни о чем, кроме как что надо бросить Боба, чтобы вернуться на работу и начать отвечать, когда звонят люди, чтобы начать жить хоть какой-то жизнью, а не валяться в пижаме, прикидываться, что болею, как третьеклассница, и курить, и без конца смотреть ТП, и, в общем, после того, как я докуриваю все, что было, я всегда говорю - «Все, хватит», и выкидываю всю бумагу и трубку - я, наверное, уже пятьдесят трубок выкинула, это включая некоторые отличные деревянные и медные, и включая парочку из Бразилии, мусорщики, небось, каждый день копаются в нашей районной

мусорке, чтобы найти еще годную трубку. Короче, бросаю. Прекращаю. Он меня задолбал, мне не нравится, что он со мной делает. И возвращаюсь на работу, и пашу как проклятая, чтобы возместить за пару последних недель и накопить энергию для нового начала, понимаешь?

Лицо и глаза девушки примеряли различные эмоциональные конфигурации, но все они на уровне чутья необъяснимо казались какими-то пустыми и, может, не до конца искренними.

- И в общем, - сказала она, - но, короче, бросаю. А через пару недель после того, как я много курила и, наконец, бросила, и вернулась к настоящей жизни, через пару недель после начинает вползать это самое ощущение, сперва немножко краешком, типа, первая мысль поутру, когда встаешь, или пока ждешь в подземке по дороге домой, после работы, на ужин. И я пытаюсь отрицать, ощущение, игнорировать, потому что боюсь его больше всего на свете.

- Ощущение, которые ты описываешь, начинает вползать.

Кейт Гомперт наконец вздохнула по-настоящему.

- А потом - и неважно, что я делаю, - становится хуже и хуже, ощущение растет больше и больше, и опускается фильтр, и страх перед ощущением из-за этого ощущения становится куда хуже, и через пару недель оно постоянное, ощущение, и я целиком внутри него, я в нем, и все вокруг искажается им, и я уже не хочу курить Боба, и не хочу работать, или гулять, или читать, или смотреть ТП, или гулять, или сидеть дома, или вообще хоть что-нибудь делать или что-нибудь не делать, я не хочу ничего, только чтоб ощущение ушло. А оно не уходит. А еще с ощущением приходит готовность пойти на все, чтобы оно ушло. Пойми. На все. Ты понимаешь? Я не хочу сделать себе плохо, я хочу, чтобы мне не было плохо.

Врач даже не притворялся, что делает заметки. Он не мог не стараться определить, действительно ли та отстраненная пустая неискренность, которую пациентка будто проецировала во время - с клинической точки зрения - значительной ставки и движения к доверию и самораскрытию, проецировалась самой пациенткой или же как-то контр-транслировалась или -проецировалась на пациентку собственной психикой врача из-за какой-то тревоги по поводу множества критических терапевтических возможностей, которые представляло ее откровение о тревоге из-за злоупотребления наркотиками. Пауза, которую требовали эти размышления, выглядела со стороны как трезвое и продуманное взвешивание слов Кейт Гомперт. Она снова уставилась на взаимодействия своих ног с пустыми водонепроницаемыми кроссами, ее лицо колебалось между выражениями, которые

ассоциировались со скорбью и страданием. В медицинской литературе, которую читал врач для подготовки к практике в психиатрическом, не было никаких указаний на связь между униполярными эпизодами и отказом от каннабиноидов.

- Значит, это все случалось и в прошлом, до других госпитализаций, Кэтрин.

Ее лицо, перспективно сокращенное из-за наклона, переполняли распространяющиеся, корчащиеся конфигурации плача, но слез не было.

- Просто давай шоковую. Вытащи меня. Я сделаю все, что попросишь.

- Ты обсуждала возможную связь между употреблением каннабиса и депрессиями со своим терапевтом, Кэтрин?

Она не ответила прямо по существу. По мнению врача, пока на ее лице продолжались сухие корчи, раппорт между собеседниками ослабевал.

- Мне уже делали шоковую, мне помогло. Ремни. Медсестры в туфлях в зеленых бахилах. Инъекции от слюны. Резиновая штука на язык. Общая. Только голова болит. Я совсем не против. Знаю, все думают, что это ужасно. Тот старый картридж, про Николса и большого индейца. Врут. У вас же тут есть общая, да? Когда кладут. Не так уж плохо. Я готова на все.

Врач учел ее выбор лечения в карте, так как это было ее право. Для врача у него был чрезвычайно разборчивый почерк. Он записал ее «вытащи меня» в кавычках. Когда он добавлял свой пост-оценочный вопрос, «А дальше что?», Кейт Гомперт заплакала по-настоящему.

И ровно перед 0145 2 апреля ГВНБД его жена вернулась домой, обнажила волосы, вошла и увидела ближневосточного атташе по медицине и его лицо, и поднос, и глаза, и удручающее состояние особого кресла, и бросилась к нему, громко крича его имя, трогая его голову, пытаясь добиться ответа, - тщетно, он все таращился перед собой; и, наконец и естественно, она - заметив, что выражение его ротового отверстия, тем не менее, казалось весьма позитивным, даже, можно сказать, восторженным, - она, наконец и естественно, повернулась и проследила за линией его взгляда к экрану.

Герхардта Штитта, старшего тренера и спортивного директора Энфилдской теннисной академии, Энфилд, штат Массачусетс, когда академией только срезали вершину холма и учреждение открыло свои двери, директор ЭТА доктор Джеймс Инканденца обхаживал яростно, едва ли не на коленях заклинал

взойти на борт. Инканденца твердо решил, что тут или пан - Штитт будет в команде, или пропал - и это несмотря на то, что Штитта как раз только что попросили из педсостава лагеря имени Ника Боллетьери в Сарасоте из-за одного весьма прискорбного случая с хлыстом.

Но сейчас почти всем в ЭТА кажется, что истории о телесных наказаниях в исполнении Штитта раздуты за всеми пределами здравого смысла, потому что, хотя Штитт до сих пор привязан к своим высоким и блестящим черным сапогам - и да, эполетам, - а теперь еще и раздвижной указке синоптика - очевидному эрзацу запрещенного здесь старого доброго хлыста, - он, Штитт, к почти где-то семидесяти оттаял до степени старого сенатора, когда в основном раздают абстрактные советы, нежели наказания, - философ, а не король. Его присутствие ощущалось в основном вербально; за все девять лет Штитта в ЭТА.указка синоптика ни разу не вошла в коррективный контакт ни с одной попой спортсмена

Но до сих пор, хотя теперь у него хватает Lebensgefährtinов[53] и проректоров, чтобы пресекать большинство таких обязательных для укрепления характера перегибов, Штитт любит изредка поозорничать и до сих пор.

И в общем, но когда Штитт облачается в кожаный шлем и гогглы, поддает газку на старом мотоцикле BMW эры ФРГ и следует за потеющими отрядами ЭТА по холмам Содружки в Восточный Ньютон во время вечерних кондиционных пробежек, без злоупотребления подгоняя отстающих лентяев стрельбой из палочки с сушеным горохом, обычно рядом в коляске восседает восемнадцатилетний Марио Инканденца, безопасно закрепленный и прицепленный, - ветер играет тонкими волосами на огромной голове, пока он улыбается и машет своей клешней знакомым. Возможно, покажется странным, что лептосоматик Марио И., настолько обезображенный, что не может даже взять ракетку в руку, не говоря уже про отбить ею мяч, - единственный мальчик в ЭТА, компании которого ищет Штитт, более того, единственный человек, с которым Штитт говорит откровенно, отставив менторский тон. Он не особенно близок с проректорами, Штитт, и общается с Обри Делинтом и Мэри Эстер Тод с почти пародийной формальностью. Но частенько, теплым вечерком, бывает, что Марио и тренер Штитт оказываются наедине у полотняного павильона Восточных кортов или возвышающегося лесного бука на западе от Ад-блока, или у одного из расцарапанных инициалами столиков для пикника из красного дерева на обочине тропинки за Домом директора, где живут мама и дядя Марио: Штитт посасывает послеобеденную трубочку,

Марио наслаждается ароматами кореопсиса у тропинок, по шахматному рассекающих территорию, поднимающихся со склонов холма сладковатых сосен и дрожжевым запахом шиповника. И Марио нравится даже серный букет загадочной австрийской смеси Штитта. Как правило, Штитт говорит, Марио слушает. Марио, по сути, прирожденный слушатель. Одна из положительных сторон видимой инвалидности – люди порой забывают, что ты рядом, даже когда взаимодействуют с тобой. Ты практически вынужден подслушивать. Почти как будто они такие: «Если здесь на самом деле никого нет, то и стесняться нечего». Вот почему рядом со слушателями-инвалидами обычно отбрасывается все наносное, обнажаются глубочайшие убеждения, вслух разглашаются по-дневниковому личные откровения; и, слушая, улыбающийся и брадикинетический мальчик создает межличностную связь, которую, знает он, почувствовать по-настоящему дано лишь ему одному.

Штитт несколько жутковато поджарый, как и все старики, которые не прекращают энергичные тренировки. У него вечно удивленные голубые глаза и ярко-белый ежик, который мужественно выглядит и идет мужчинам, которые и так, в принципе, сильно полысели. И кожа такая снежнейше-белая, что едва не светится; очевидный иммунитет к ультрафиолету солнца; в сумерках сосновой тени он почти пылко-белый, словно вырезанный из луны. Есть у него привычка сосредотачиваться на одной точке, пошире расставив ноги из-за варикоцеле, свернув одну руку поверх другой и как бы целиком собравшись у трубки, которую он вкушает. Марио умеет реально долго сидеть неподвижно. Когда Штитт выпускает дым в виде разных геометрических фигур, оба пристально их изучают; когда Штитт выпускает дым, он издает звучки, варьирующиеся по взрывной согласности между «П» и «Б».

- Обдумывайт миф эффективност и беззатратност, который пестен континент стран, в котором мы жит, – выпускает дым, – Знаешь мифы?

- Это как история?

- Ах. Придуманише история. Для некоторых дет. Што только Эвклид эффективен: плоско. Для плоских дет. Прямо! Греби прямо! Вперед! Это ест миф.

- На самом деле плоских детей не бывает.

- Этот миф соревновательност и лутшест, который мы опровергайт: этот миф: полагают, всегда есть эффективен способ грести прямо, вперед! История, што между цвай точками кратчайшише маршрут – всегда прямая линия, да?

- Да?

Штитт может ткнуть мундштуком трубки, подчеркнуть:

- Но што, когда што-то встает на пути между цвай точками, нет? Греби прямо: вперед: столкнись: бу-бум.

- Ой-ой-ой!

- И где теперь ихнен кратчайшише прямой, да? Где тогда эффективен быстрая Эвклиден прямая, а? А сколько вообще ест двух точек без чего-нибудь на пути между, когда грести?

Порой увлекательно наблюдать, как комары с вечерних сосен планируют и глубоко впиваются в люминесцентного Штитта, который к ним слеп. Дым их не отпугивает.

- Когда я был мальтшик, и тренировался бороться за победунг, на учебный центр был знак, очень большими буквами: «Мы то, што проходим между».

- Божечки.

Это традиция, которой, возможно, положил начало тимпан раздевалки Всеанглийского Уимблдона: у каждой большой теннисной академии на стене в раздевалке есть собственный особый традиционный девиз, какой-то свой особый золотой афоризм, который должен описать и сообщить, в чем вообще заключается философия академии. После кончины отца Марио, доктора Инканденцы, новый директор, доктор Чарльз Тэвис, гражданин Канады, в зависимости от версии или единокровный, или приемный брат миссис Инканденцы, так вот, Ч.Т. снял девиз основателя Инканденцы – «Te occidere possunt sed te edere non possunt nefas es»t[54] - и заменил гораздо более жизнеутверждающим «Кто знает свои пределы – не имеет пределов».

Марио – огромнейший фанат Герхардта Штитта, которого большинство других ребят ЭТА считают вероятным поехавшим и, без всяких сомнений, витиеватым до безумия, и проявляют к ученому мужу хоть йоту уважения в основном только потому, что Штитт лично надзирает за ежедневными назначениями на тренировки и может во гневе через Тод и Делинта более-менее из каприза чрезвычайно насолить на утренней тренировке.

Одна из причин, по которой покойный Джеймс Инканденца был такого ужасно высокого мнения о Штитте, заключалась в том, что Штитт, как и сам основатель (вернувшийся к теннису, а позже пришедший к кино, из лона твердо-математической оптики), что Штитт подходил к соревновательному теннису скорее как чистый математик, нежели техник. Большинство тренеров юниоров - в основном техники, приземленные практичные прямые последовательные зубрилы-статистики, с, может, какой-никакой сноровкой в простенькой психологии и мотивационных спичах. А смысл того, чтобы забыть о расчетах серьезных показателей, как

Штитт просветил Инканденцу еще в 1989 году до э. с.[55] на конвенции USTA по фотоэлектрическому судейству на линии, в том, что он, Штитт, знал: настоящий теннис – не смесь статистического порядка и экспансивного потенциала, которые так почитают техники от игры, но совершенно в противоположном: в беспорядке, пределе, точках, где все ломается, фрагментируется в красоту. Настоящий теннис сводим к предельным факторам или графикам вероятностей не более, чем шахматы или бокс, две игры, гибридом которых теннис и является. Вкратце, Штитт и высокий оптик из КАЭ (т.е. Инканденца), которого через МТИ на полной скорости да со стипендией целиком протащил свирепый плоский подход к игре в стиле подаешь-и-тащишь-задницу-к-сетке и чей консультирующий доклад по высокоскоростному фотоэлектрическому отслеживанию дурни дурнями из USTA нашли дремучим и за пределами всякого понимания, обнаружили полное единодушие в отказе в теннисе от регрессии отслеживания статистик. Будь доктор Инканденца сейчас среди живых, он бы описывал теннис в парадоксальных терминах науки, которая сейчас зовется экстралинейной динамикой[56]. А Штитт, чье знание формальной математики наверняка эквивалентно знаниям тайваньского детсадовца, тем не менее, казалось, знал то, чего не знали Хопман, ван дер Меер и Боллетьери: что поиск в бурном потоке матча красоты, искусства, волшебства, совершенства и ключей к превосходству – вопрос вовсе не сведения хаоса к паттерну. Он как будто на уровне интуиции понимал, что дело не в редукции, но, напротив, экспансии, алеаторного трепета бесконтрольного, метастатического роста: каждый посланный мяч допускает n возможных реакций, 2n возможных реакций на эти реакции и далее, до того, что Инканденца представил бы любому с равным его образованием как канторовский континуум[57] бесконечностей возможных действия и реакции, канторовским и прекрасным – такой наслаивающийся, но и такой сдержанный, ди-агнатическая[58] бесконечность бесконечностей выбора и исполнения, математически бесконтрольная, но человечески управляемая, скованная талантом и воображением «Я» и оппонента, зацикленная на самое себя сдерживающими границами мастерства и воображения, которые наконец одолевают одного из игроков, которые не дают выиграть обоим, которые, в конце концов, и делают игру игрой.

- Границы – это как задние линии? – пытается спросить Марио.

- Lieber Gott, nein! - со взрывным согласным в отвращении. Штитт из всех дымовых фигур больше всего любит выдувать

кольца, но не умеет, и впадает в дрянное настроение, когда выходят вихляющие лавандовые хот-доги, которые зато обожает Марио.

Вот еще о Штитте: как и многим европейцам его поколения, с юности ему привили определенные вечные ценности, у которых может иметься – ну ладно, смотря с какой стороны посмотреть, – признаться, душок протофашистского потенциала, но которые (ценности) тем не менее успешно помогают юстировать курс жизни: патриархальные фишки Старого света вроде чести, дисциплины и преданности какому-либо крупному образованию – Герхардт Штитт не столько не любит современные онанские США, сколько находит их смешными и пугающими одновременно. Возможно, в основном просто чуждыми. И, наверное, в данной экспозиции это не к месту, но у Марио Инканденцы крайне ограниченная дословная память. Штитт получил образование в доунификационной гимназии при царящей на редкость канто-гегельянской идее, что юниорская атлетика – по сути, воспитание гражданина, что юниорская атлетика заключается в научении человека жертвовать душными жмущими императивами «Я» – нуждами, страстями, страхами, мультиформенными жаждами индивидуальных воли и аппетита – во имя широких императивов команды (ну ладно, Государства) и совокупности разграничивающих правил (ну ладно, Закона). Звучит это до жуткого примитивно - хоть и не для Марио, слушающего за столом для пикника. Усвоив в палестре добродетели, которые прямо окупались в соревновательных играх, дисциплинированный юноша начинает усваивать и более абстрактные, не гарантирующие немедленного одобрения навыки, необходимые, чтобы стать «командным игроком» на большей арене - еще более дифрагированном моральном хаосе гражданства в Государстве, с полной отдачей. Только Штитт замечает: «Ах, но разве можно представить, что такое воспитание сослужит службу в экспериалистской и экспортирующей отходы нации, что позабыла трудности, лишения и дисциплину, необходимости которой и учат лишения? СШ современной А, где Государство – не команда, не кодекс, а какое-то неряшливое слияние страстей и страхов, где единственный общественный консенсус, которому обязан покориться юноша, – общепризнанный примат прямого достижения этой плоской и близорукой идеи личного счастья:

- Удовольствий и счастий айн человек, да?»

- А только чего вы тогда разрешаете Делинту привязывать кроссовки Пемулиса и Шоу к линиям, если линии - не границы?

- Когда найн нешто больший извне. Ништо не сдерживайт, не

дарийт смысл. Одинокише. Verstiegenheit[59].

- Будьте здоровы.

- Хоть што угодно. Само што: оно уже более неважнен, чем то, што хоть што-то есть.

Однажды Штитт рассказывал Марио, пока они соответственно фланировали и ковыляли вниз по Содружке на восток в Оллстон, чтобы поискать где-нибудь по дороге первосортного мороженого, что когда он был возраста Марио – а скорее, где-то возраста Хэла, да неважно, – он (Штитт) однажды влюбился в дерево, иву, которая с определенной туманной сумеречной точки зрения напоминала таинственную женщину, обвитую газом, определенное дерево на общественной Плац какого-то западно-германского городка, название которого напоминало Марио звук, будто кого-то душат. Штитт сообщил, что был до глубины души сражен деревом:

- Кажднен день ходил туда, штобы побыйт с дерево.

Они соответственно фланировали и ковыляли, устремленные мыслями к мороженому, Марио двигался так, будто из них двоих на самом деле стариком был он, но не задумываясь о походке, потому что погрузился в попытки понять убеждения Штитта. Тяжелые размышления Марио отражались на лице выражением, которое любому бы напомнило комически скорченную рожицу, которыми смешат детей. Он пытался понять, как артикулировать какую-то разумную форму вопроса типа: «Как же тогда этот покорившийся – всем – личным – индивид - хочет – широкому – Государству – или – любимому-дереву-или-чему-там, в общем, как все это работает в подчеркнуто индивидуальном спорте, вроде юниорского тенниса, где есть только ты против еще одного парня?

И потом еще, опять, ну все же что это за границы, если не задние линии, которые сдерживают и направляют бесконечную экспансию игры внутрь, которые превращают теннис в типа шахматы на бегу, прекрасные и бесконечно сложные?»

Соль слов Штитта и его великая непреодолимая привлекательная черта в глазах покойного отца Марио: истинный оппонент, облегающая граница – сам игрок. Там, на корте, тебя всегда ждет только одно «Я», чтобы ты встретился с ним, сразился, закалил. Юноша-противник на другой стороне сетки: он не враг: он скорее партнер в танце. Он – как это правильно сказать - «повод» или «случай» для встречи с «Я». Как и ты – его случай. Бесконечные корни красоты тенниса – самосоревновательность. Ты соревнуешься с собственными пределами, чтобы превзойти Я в воображении и исполнении. Исчезни в игру: проломи пределы: превзойди: совершенствуйся:

победи. Вот почему теннис в сути своей трагическое предприятие для серьезного юниора с амбициями, который хочет совершенствоваться и расти. Всегда стремишься победить и превзойти ограниченное «Я», чьи пределы, собственно, и делают эту игру возможной. Это трагично, печально, хаотично и прекрасно. Да и вся жизнь для нас как граждан человеческого Государства заключается именно в этом: живительные пределы – внутри, и их надо убить и оплакать, и снова, и снова.

Марио представляет себе стальной флагшток, поднятый, чтобы удвоить свою высоту, и задевает плечом зеленый железный край мусорного контейнера, делает пируэт к асфальту, но Штитт тут же бросается, чтобы его поймать, и выглядит это почти как глубокая поддержка в танце, а Штитт не прекращает рассказывать, что эта игра, которой учатся игроки в ЭТА, эта бесконечная система решений, ракурсов и линий, которой кровью и потом старались овладеть братья Марио: юношеский спорт - лишь одна грань истинного алмаза: бесконечной войны жизни против «Я», без которой нельзя жить.

Затем Штитт замолкает, словно с наслаждением мысленно перематывает и проигрывает то, что сейчас говорил. Марио снова тяжело размышляет. Он пытается понять, как артикулировать что-то вроде: «Но значит, сражаться и преодолевать «Я» – то же самое, что уничтожать себя? Это как сказать, что жизнь по убеждениям – за смерть?» Три прохожих оллстонских подростка передразнивают лицо Марио за спинами парочки. Некоторые из выражений Марио при размышлении едва ли не оргазмические: трепетные и дряблые. «А потом, ну и в чем тогда разница между теннисом и самоубийством, жизнью и смертью, игрой и ее окончанием?»

И в итоге, когда они доходят, экспериментирует с экзотическими вкусами мороженого всегда только Штитт. А Марио, как приходит момент решения у стойки, всегда трусит и выбирает старое доброе обычное шоколадное. Думая о чем-то в духе: «Самый лучший вкус – тот, который и так уже любишь».

- И в общем. Может, нет разниц, - уступает Штитт, садясь навытяжку с Марио на алюминиевые перфорированные стулья на тротуаре под кривым зонтиком, из-за которого столик, в который тот вставлен, трясется и дребезжит от ветерка. – Может, и нет разниц, в общем, - вгрызаясь в трехцветный конус. Щупает сбоку белый подбородок, где, кажется, какая-то красная царапина. – Без разниц, - глядя на приподнятую срединную линию авеню, где вниз по склону гремит поезд Зеленой ветки, - не считая шанса сыграт. – он сияет и готовится захохотать своим страшным немецким ревом, повторяя: «Нет? Да? Шанс сыграт, да?» И Марио

капает солидной порцией шоколада на подбородок, потому что по непроизвольной привычке всегда смеется, когда смеется кто-то еще, и тогда Штитт находит, что сказанное им и в самом деле чрезвычайно забавно.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

В прозвище Крошки[60] Юэлла нет никакой забавной иронии. Это крошечный американец размером с эльфа. Его ножки едва достают до пола такси. Его усадили и везут на восток в мрачные трехэтажные районы Восточного Уотертауна, к западу от Бостона. Подле Крошки Юэлла в белой форме под бомбером сидит медбрат из реабилитации, здоровые руки скрещены, взгляд безмятежный, как у коровы, сосредоточен на морщинистой шее водителя такси. На окне рядом с Крошкой стикер, который заранее благодарит его за то, что он не курит. На Крошке Юэлле поверх пиджака и галстука, которые не очень идут друг к другу, нет зимней одежды. Он всматривается в окно на тот самый район, где вырос, с небезмятежной интенсивностью. Обычно он готов на любые крюки, лишь бы избежать Уотертауна. Его пиджак 42-го размера, слаксы – 26/24, рубашка – одна из тех, которые жена предусмотрительно уложила ему с собой в больничное отделение для детоксификации, чтобы повесить на такую вешалку, которую нельзя снять с перекладины. Как и у всех деловых рубашек Крошки Юэлла, у этой выглажены только перед и рукава. Он носит кожаные туфли «Флоршейм» 23-го размера, которые славно блестят, не считая одного большого неуместного протерто-белого пятна на мыске из-за того, что он пнул по входной двери, когда вернулся домой ни свет ни заря после чрезвычайно важной встречи с потенциальными клиентами и обнаружил, что жена сменила все замки, получила на него запретительный приказ и будет общаться только посредством записок через почтовую щель под черным медным (медь окрашена в черный) дверным молотком. Когда Крошка наклоняется и трет пятно тонким большим пальчиком, оно только бледнеет и размазывается. Впервые со второго дня в отделении у Крошки на ногах не тапочки-лапочки. «Флоршеймы» забрали после 24 часов воздержания, когда у него, пожалуй, немножко разыгралась белая горячка. Он все видел мышей, шныряющих по его палате, мышей в смысле грызунов, вредителей, и когда подал жалобу и потребовал немедленно окурить палату, и затем начал сгорбленно носиться по кругу и колотить каблуком «Флоршейма» по мышам, которые без конца просачивались сквозь электрические розетки и омерзительно шныряли, в конце концов медсестра с добрым лицом при поддержке огромных мужчин в белой форме уговорила его обменять туфли на Либриум,

предсказав, что легкое успокоительное окурит то, что действительно требуется окурить. Взамен ему выдали тапочки из зеленого поролона с вытисненными смайликами. Пациентам отделения предлагается называть их тапочками-лапочками. Персонал между собой именовал обувь «мочепоглотители». Впервые за две недели Крошка Юэлла одет не в поролоновые тапочки, обнажающие зад пижамные штаны и полосатый хлопковый халат. Ранний ноябрьский день туманный и бесцветный. Небо и улица – одного цвета. Деревья выглядят схематично. У стыков улицы и тротуара - яркие влажные комки мусора. Дома – тощие трехэтажерки, слепленные вместе, верфно-серые с солено-белой отделкой, мадонны во дворах, колченогие псы бросаются на заборы. На асфальтовом дворе проносящейся мимо школы в уличный хоккей играет кучка школьников в наколенниках и тэм-о-шентерах. Вот только кажется, что ни один из мальчиков не движется. Пока они едут, костлявые пальцы деревьев делают колдовские пассы на ветру. Восточный Уотертаун – на очевидном кратчайшем отрезке между детоксом святого Мэла и Энфилдом «дома на полпути», и такси оплачено медстраховкой Юэлла. При маленькой круглой комплекции, клочке белой эспаньолки и жестоком румянце, из-за которого он может сойти за пышущего здоровьем, Крошка Юэлл похож на миниатюрную копию Берла Айвса - покойного Берла Айвса в виде невообразимого бородатого ребенка. Крошка смотрит в окно на розовый витраж церкви рядом со школьной площадкой, где играют/не играют мальчишки. Розовый витраж не освещен ни с одной стороны.

Человек, последние три дня бывший соседом Крошки Юэлла по отделению детоксификации в больнице святого Мэла, сидит в синем пластиковом кресле с прямой спинкой напротив его и Юэлла оконного кондиционера, не спуская с него глаз. Кондиционер гудит и взревывает, и человек с пристальным вниманием рассматривает горизонтальные отверстия. Провод кондиционера толстый и белый и ведет в розетку с тремя отверстиями с черными следами от каблуков вокруг. В ноябрьской палате около 12° С. Человек поворачивает ручку кондиционера с настройки №4 на настройку №5. Шторы у окна над аппаратом трясутся и волнуются. Лицо человека, наблюдающего за кондиционером, принимает разные увлеченные выражения. Он сидит на синем стуле с дрожащей полипропиленовой чашкой кофе и бумажной тарелкой с брауни, куда стряхивает пепел с сигарет, дым которых кондиционер сдувает у него над головой. Дым сигарет скапливается позади

него и, охлажденным, сочится и стекает по стенке, образуя облако у плинтуса. Увлеченный профиль человека отражается в зеркале на стене у гардероба на двух пациентов. У человека, как и у Крошки Юэлла, вид нарумяненного трупа, который обычно сопровождает детокс от алкоголизма поздней стадии. Вдобавок у человека под румянцем обожжено-желтый оттенок от хронического гепатита. Зеркало, в котором он отражается, сделано с добавлением небьющихся люцитовых полимеров. Человек осторожно наклоняется с тарелкой брауни на коленях и меняет настройку кондиционера с 5 на 3, потом на 7, потом 8, следя за обдувающими отверстиями. Наконец он выворачивает ручку до упора на 9. Кондиционер ревет и сдувает его волосы назад, бороду бросает через плечо, летит и кружится пепел с тарелки с брауни, плюс крошки, кончик сигареты пышет малиновым и искрит. Он глубоко поглощен тем, что наблюдает при 9. Юэлл жаловался, что от соседа у него мурашки табунами носятся. На нем мочепоглотители, полосатый хлопковый халат святого Мэла и очки без одной линзы. Он наблюдал за кондиционером весь день. На его лице сменяются улыбки и гримасы человека, получающего бескрайнее удовольствие от качественного развлечения.

Когда большой черный медбрат из реабилитации посадил Крошку Юэлла в такси, впихнулся сам и сказал таксисту, что им нужен Блок №6 в Энфилдском Военно-морском болничном комплексе Минвета на авеню Содружества в Энфилде, таксист - фото которого на массачусетских водительских правах с разрешением на вождение лимузина было приклеено к бардачку, - таксист, оглянувшись и смерив взглядом крошечную ухоженную белую бородку, румяный цвет лица и дорогой прикид Крошки Юэлла, почесал под беретом и спросил, не болеет ли он, или что.

Крошка Юэлл ответил:

- Говорят, что да.

К полудню 2 апреля ГВБВД: ближневосточный атташе по медицине; его преданная жена; личный ассистент личного врача саудовского принца К——, которого послали проверить, почему атташе по медицине не появился в «Бэк Бэй Хилтон» с утра и не отвечает на пейджер; сам личный врач, который приехал проверить, почему не возвращается его личный ассистент; два охранника с табельным из посольства, которых отрядил кандидозный и откровенно взбешенный принц К——; и два опрятно приглаженных Адвентиста седьмого дня с памфлетами, которые заметили головы в окне гостиной и обнаружили, что передняя дверь не заперта, и вошли с благими духовными

намерениями, - все смотрели рекурсивную петлю, которую атташе по медицине зарядил в экран телепьютера прошлым вечером, сидя, стоя и глядя очень спокойно и внимательно, не проявляя ни малейших тревоги или недовольства, хотя в комнате, разумеется, очень дурно пахло.

30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Он сидел в одиночестве поверх пустыни, красновато подсвеченный и сланцево обрамленный, взирая, как по утоптанной грязи какой-то сшайской постройки в нескольких км к юго-востоку ползают очень желтые ковшовые машины. Высота выхода породы позволяла ему, Марату, вид на большую часть почтового индекса 6026 США. Его тень еще не достигла окраин города Туксон; не вполне. Из звуков в засушливой тиши были лишь только порывы жаркого ветра, приглушенные крылья иногдашнего насекомого, неуверенное журчание стронутого песка и камешков, которые струились по склону позади спины.

Там же был закат над предгорьями, холмами и горами: какая в нем разница от водянистых и отчего-то печальных весенних закатов региона Папино юго-западного Квебека, где у его жены потребность в лечении. Он (закат) больше напоминал взрыв. Он имел место поверх и позади Марата, и некоторое время он оборачивал голову, чтобы оценить его: он (закат) был расплывшимся и идеально круглым, и огромным, и излучал кинжалы света, когда прищуриться. Он висел и слабо дрожал, как вязкая капля перед капом. Висел позади него (Марата) спины ровно над пиками предгорий Тортолиты и медленно тонул.

Марат сидел одиноким и оплеженным на своей специальной fauteuil de rollent[61] на каком-то выходе породы, или утесе, на половине горы, ждал, игрался со своей тенью. Чем острее становился угол заходящего света позади, тем больше известный гетевский феномен Bröckengespenst[62] увеличивал и растягивал его сидячую тень поверх земли, так что спицы задних колес коляски покрывали сразу два округа гигантскими тенями-астерисками, четкие черные радиальные линии которых он двигал, легко поигрывая прорезиненными ободами; а тень его головы опустила ранние сумерки на целый пригород Западного Туксона.

Он так увлекся своей игрой теней, что, казалось, даже не уделил внимания, когда с крутого склона позади раздались гравий, а далее затем дыхание, и посыпались каскадом на утес песок и грязные камешки, хлынули мимо коляски и с края, а затем позади спины произошел безошибочный вскрик контакта человека с кактусом. Но Марат, он без оборота наблюдал за гигантской тенью неуклюжего скользящего спуска иного человека, которая пролегала на восток до самого Ринконского

хребта рядом с городом Туксон, и наблюдал, как тень летит на запад, навстречу его собственной, - тем самым спускался мсье Хью Стипли из Неопределенных служб, дважды упав и выругавшись на сшайском английском, - до того как наконец тень почти не врезалась в чудовищную оную Марата. Имел место очередной вскрик, когда падение и скольжение на последних метрах вынесло полевого оперативника Неопределенных служб попой на утес, а затем почти вон с него, и Марату пришлось выпустить пистолет-пулемет под пледом, чтобы ухватить стипливскую нагую руку и положить конец падению. Стипливская юбка неприлично задралась, а на чулках были затяжки и репей. Оперативник сел у ног Марата, красновато освещенный со спины, свесив ноги с края выхода породы, дыша с затруднениями.

Марат улыбнулся и выпустил руку оперативника.

- Одно из твоих имен – невидимость, - сказал он.

- Иди в шапо себе насри, - прохрипел Стипли, поднимая ноги, чтобы исследовать ущерб чулкам.

На подобных этой встрече - тайной, в поле - они общались по большей части на сшайском английском. Хотя мсье Фортье[63] пожелал, чтобы Марат требовал переговоров всегда на квебекском французском, в знак малой символической уступки AFR со стороны Департамента неопределенных служб, коий левые квебекские сепаратисты перекрестили навсегда BSS – «Bureau des Services sans Spécificité».

Марат наблюдал, как поверх востока дна пустыни снова разлился столб тени, когда Стипли оперся на свою руку и возвысился с камня – огромная и откормленная фигура на каблуках. Два мужчин отбрасывали к городу Туксон странную тень Bröckengespenst, круглую и радиальную у основания и зазубренную на вершине, по причине парика Стипли, который при спуске стал неприглаженный. Гигантские грудные стипливские протезы теперь указывали в разных направлениях, один – едва в пустое небо. По Ринкону и пустыне Сонора к востоку от города Туксон медленно передвигался матовый занавес настоящей тени сумерек заката, все еще во многих км от того, чтобы поглотить их собственную оную.

Но с тех пор, как Марат возымел намерение не просто притворяться, что он предал Assassins des Fauteuils Rollents во имя передового медицинского лечения медицинских потребностей своей жены, но сделать так воистину – предать, вероломно: впредь притворяясь только лишь перед мсье Фортье и руководителями AFR, что он только лишь притворялся, что сливает предательскую информацию BSS[64], - с поры этого решения Марат был бессилен, оказался перед Хью Стипли и

стипливским BSS на правах птиц: и теперь они говорили в основном на сшайском английском по выбору Стипли.

На самом деле квебекский Стипли был стройнее, чем английский Марата, но, как говорится людьми, c'était la guerre[65].

Марат чуть шмыгнул.

- Таким в итоге образом, мы теперь оба двое здесь, - на нем была ветровка и он не потел.

Стипливские глаза имели яркую подводку. Задняя область его платья налипла грязью. Некоторая доля макияжа стала течь. Он сложил рукой салют, чтобы прикрыть глаза и поглядеть ввысь на остатки взрывного и дрожащего солнца.

- Господи, ты-то как сюда влез?

Марат медленно пожал плечи. Как обычно, он казал себя Стипли полусонным. Проигнорировав вопрос, он сказал только лишь, пожимая плечи:

- Мое время finite[66].

Стипли также имел при себе женскую сумочку, или кошелек.

- А жена? – спросил он, не отпуская глаз от выси. – Как женушка поживает?

- Не подает жалоб, спасибо, - сказал Марат. Интонация его голоса ничего не выдала. - И, в итоге, таким образом, что твоему Департаменту кажется, что они желают узнать?

Стипли заскакал на одной из ног, сняв одну из туфель и вытряхивая из нее песок.

- А ничего такого удивительного. Про некую вот движуху на северо-востоке от вашего так называемого штаба, да ты и сам наверняка слышал.

Марат шмыгнул. Пышный букет недорогого и спиртосодержащего парфюма нахлынул не от личности Стипли, но от его сумочки, не шедшей к его туфлям. Марат спросил:

- Движа?..

- А именно один гражданский получил некий предмет. Только не говори, что для вас это новости. И вовсе не по пульсу Интерлейса, предмет-то этот. По обычной физической почте. Да ты точно знаешь, Реми. Копия-картридж некоего – давай между нами звать его «Развлечением». А именно по почте, без предупреждений или мотива. Как гром среди ясного неба.

- Из ясного неба?..

Также оперативник BSS потел сквозь румяна, и они размазались до проститутского впечатления.

- Человек без всякой политической значимости – ну, ни для кого, если не считать саудовская министра развлечений, который жутко развонялся.

- Медицинский атташе, специалист пищеварения, имеешь ты

в своем виду, - Марат снова пожал плечам на раздражающий франкофонный манер, который может означать разные вещи в одно время. – Твое руководительство желает осведомляться, не был ли картридж Развлечения распространен сквозь наши механизмы?

- Не трать-ка свое финитное время, ami старый друг, - сказал Стипли. – Все это случилось в метрополии Бостона. Мы проследили отправку по почтовым индексам до юго-запада пустыни, а нам известно, что ваш распределительный центр для операций по распространению расположен где-то между Фениксом и границей, - Стипли потратил немалый труд на феминизацию лицевых выражений и ручных жестикуляций. – Со стороны США было бы раздолбайски не вспомнить о вашей выдающейся ячейке, не?

Под маратовской ветровкой была рубашка, нагрудный карман которой обладал многими ручками. Он сказал:

- Мы, у нас нет информации даже о пострадавших. Из-за ясного неба, о котором ты ведешь свою речь.

Стипли предпринимал попытки извлечь что-то упрямое из внутренней полости иной туфли.

- До двадцати человек, Реми. Вышли из строя к чертовой матери. Атташе и его жена, жена – гражданин Саудовской Аравии. Еще четыре чувака, все с документами посольства. Пара соседей, кто-то там еще. Остальные – в основном полицейские, пока до них не дошло отрубить энергию перед тем, как заходить.

- Местные полицейские силы. Жандармерия.

- Местные констебли.

- Прислужники закона сего края.

- Местные констебли, скажем так, оказались не готовы к такому Развлечению, - Стипли даже обувь снимал и надевал вновь на женственный манер сшайских женщин «стоя-на-одной-ноге-подворачивая-вторую-под-попу». Но в лике женщины он казал себя огромным и раздутым, не только лишь непривлекательным, но и вызывающим некое сексуальное отчаяние. Он сказал:

- У атташе был дипломатический статус, Реми. Ближний восток. Аравия. Говорят, близок ко второстепенным членам королевской семьи.

Марат с силами шмыгнул, словно преодолевая запор носа.

- Озадачительно, - сказал он.

- А еще и ваш компатриот. Гражданство канадское. Родился в Оттаве, в семье арабских эмигрантов. В визе местом жительства указан Монреаль.

- И Службы без определенности желают, возможно быть, осведомляться, не имели ли место подковерные связи, которые бы

сделали его личность не столь невинным гражданским. Узнать у нас, не желало ли AFR выставить его примером для иных.

Стипли удалял грязь с попы, хлопая себя по попе. Он более или менее высился над Маратом. Марат шмыгнул.

- В наших списках на устранение нет ни пищеварительных врачей, ни дипломатического антуража. Список членов AFR был видим лично тобой. Как нет и особых монреальных жителей. Мы, как говорится людьми, ведем охоту на морепродукт большего размера.

Стипли смотрел по-над пустыней и городом, похлопывая себя. Кажется, он заметил свою gespenst-тень. Марат по какой-то причине вновь притворился, что шмыгнул нос. Ветер был умеренный, постоянный и приблизительной температуры сшайской сушилки, поставленной на «Низко». Он производил пронзительный посвист. А также звуки сдувания песка. Далеко внизу огромными комками шерсти поперек межштатного шоссе I-10 летели перекатись-по-полю. Их точка взирания, багровеющий свет на коричневых скалах и надвигающийся занавес сумерек, дальнейшее удлинение их чудовищных слившихся теней: все это почти ковало взгляд. Ни тот, ни иной не могли в силах отрывать глаз от раскрывающегося пейзажа. Марат умел в одно время говорить на английском и думать на французском. Пустыня была цвета шкуры льва. То, как они говорили, не взирая друг на друга, обращаясь в одном направлении, придавало беседе дух беспечной близости, словно у старых приятелей за просмотром картриджа или пары в многолетнем браке. Марат думал это, сжимая и разжимая поднятую руку, благодаря чему над Туксоном распускался и увядал большой и черный бутон.

Поднял нагие руки и Стипли, поднял и скрестил, как будто бы подавая сигнал далекой подмоге; от этого Туксон перечеркнули X и пандативная V.

- И все же, Реми, но родился он в ненавистной тебе Оттаве, этот гражданский атташе, и связан с важным транс-нетворк-байером развлекательных программ. А дополнительная информация из бостонского отделения говорит о возможных признаках предыдущей возможной связи со вдовой автора, который, как мы оба знаем, изначально и несет ответственность за Развлечение. То бишь Samizdat.

- Предыдущей?..

Стипли извлек из сумочки бельгийские сигареты, много-мм и обычного женственного типа.

- Жена кинорежиссера преподавала в Брандейсе, где, кстати, проживала жертва. Муж тогда был с КАЭ, а проверка различных агентств показала, что жена трахалась почти со всем, у чего есть

пульс, – после легкой паузы Стипли изощрился: - Особенно канадский пульс.

- Связь сексуальностью, вот что ты имеешь, значит, в своем виду, не политическостью.

Стипли отвечал:

- А сама жена - квебечка, Реми, из округа Л'Иле – шеф Тан говорит, что она три года значилась в списке Оттавы «Personnes Qui On Doit». Бывает такая штука, как политический секс.

- Я говорил тебе все, что нами известно. Гражданские как индивидуальные предупреждения для ОНАН – не в наших желаниях. Это тобой известно, - глаза Марата едва не смыкались. – А твои сиськи – они стали косоглазыми, говорю тебе. Службы без определенности, они выдали тебе нелепые сиськи, и которые теперь глядят в разные стороны.

Стипли окинул себя глазами. Одна из ненастоящих грудей (наверняка ненастоящая: наверняка они не решились бы на гормональную, подумал Марат) чуть не касалась стипливских подбородков, когда его окидывание произвело двойные подбородки.

- Меня просили обеспечить личное подтверждение, вот и все, - сказал он. - В целом, кажется, что боссы в Департаменте считают весь инцидент висяком. Уже пошли теории и контртеории. Есть даже антитеории, которые говорят про ошибку, перепутанную цель, злой розыгрыш, - его пожатие плеч с руками на протезе не напоминало галльское. – И все же: двадцать три человека потеряны для мира навсегда: ничего себе розыгрыш, а?

Марат шмыгнул.

- Просил обеспечить наш взаимный мсье Тан? Как ты его именуешь: «Мой Бог Род»?

(Родни Тан-ст., шеф Неопределенных служб, признанный архитектор ОНАН и континентальной Реконфигурации, к которому прислушивался Белый дом США и чья стенографистка долгое время служила также стенографисткой/jeune-fille-de-Vendredi[67] мсье Дюплесси, экс-помощника-координатора панканадского сопротивления, и страстная шитая белыми нитками привязанность которого (Тана) к этой двуличной секретарше – а именно мадемуазель Лурии Перек из Ламартена, округ Л'Иле, Квебек – породила сомнения в итоговой преданности Тана: не квебекский ли он «двойник»[68] из любви к Лурии, или же «тройник», который только притворяется, что разглашает тайны, втайне сохраняя феодальную верность США, несмотря на влечение непреодолимой любви).

- Без «мой», Реми, - становилось ясно, что Стипли не в силах исправить направление грудей, не стянув декольте ниже, чего он

смущался. Он извлек из сумочки темные очки и водрузил их. Они были приукрашены стразами и смотрелись абсурдно. – Бог Род.

Марат вынудил себя промолчать об их внешности. Стипли перевел несколько спичек, чтобы закурить сигарету на ветру. На хаотическую тень его парика начали наползать настоящие сумерки. В предгорьях Ринкона к востоку от города стали мерцать электрические огоньки. Стипли предпринял усилие как-то сгрудиться вокруг спички, чтобы послужить собой укрытием для пламени.

По желтым равнинам южных оконечностей Великой Впадины там, где раньше был Вермонт, поднимая облако пыли уремических оттенков с телесными формами, которое можно разобрать от самых Бостона и Монреаля, несется стая – настоящий табун - диких хомяков. Стая произошла от двух домашних хомячков, которых в начале Экспериалистской миграции в спонсируемом Году Воппера выпустил на волю мальчик из Уотертауна, штат Нью-Йорк. Мальчик теперь учится в колледже в Шампани, Иллинойс, и уже позабыл, что его хомячков звали Уорд и Джун.

Грохот стаи торнадический, локомотивный. Выражение на усатых мордочках деловитое и неумолимое - выражение неумолимой стаи. Они гремят на восток по алюмо-железистой земле, сейчас залежной, обнаженной. На востоке - скрытые бурой тучей, поднятой хомяками, ярко-зеленые очертания переудобренных из-за кольцевого синтеза буйных джунглей на том месте, где раньше находился центральный Мэн.

Все эти территории теперь в собственности Канады.

Что касается стаи такого размера, прошу, напрягите здравый смысл, который, если вдуматься, и так и так должен подсказывать неглупому человеку держаться от юго-запада Впадины подальше. Дикие хомяки – уже не домашние зверушки. Они шуток не шутят. Рекомендуется обходить стороной. Если окажетесь на пути дикой стаи, рекомендуется не иметь при себе ничего даже отдаленно овощного. Если все же оказались - двигайтесь быстро и спокойно в перпендикулярном направлении. Если вы американец - не рекомендуется север. Двигайтесь на юг, спокойно, но не мешкая, к какой-нибудь пограничной метрополии - скажем, Рим, штат Новая Новая Англия, или Гленс Фоллс, Новая Новая Англия, или Беверли, Массачусетс, или к пограничным КПП между ними, где на дугообразной защитной стене из анодированного люцита гигантские защитные вентиляторы ATHSCME сдерживают ползучий вал тератогенных облаков Впадины цвета мочи и отбрасывают его далеко назад, на север, прочь, рвано, над вашей предусмотрительно защищенной головой.

Акцентированный английский Стипли становился еще труднее для понятия, когда с сигаретой во рту. Он сказал:

- И ты, конечно, доложишь об этой нашей свиданке Фортье.

Марат пожал плечи.

- 'n sûr[69].

Стипли закурил. Он был дородный и мягкий человек, вида располневшего спортсмена какого-либо брутального сшайского контактного спорта. Марату он казался не столько женщиной, сколько извращенной пародией на женственность. На его брылях и верхней губе появились пятна с красными пупырышками от электролиза. Также он отставлял локоть руки со спичкой, а ни одна женщина не закуривает так, будучи привыкши к грудям и прижимая зажигающий локоть. Также Стипли неграциозно пошатывался на каблуках на неровной поверхности скал. Стоя на краю выхода породы, он ни однажды не обернул себя в полноте спины к Марату. А Марат теперь зафиксировал запоры колес коляски и крепко держал рифленую рукоятку пистолета-пулемета. Стипливская сумочка была маленькой и глянцево-черной, а очки на его личине были с женственной оправой с фальшивыми драгоценностями у висков. Марату казалось, что в какой-то части Стипли наслаждается собственным гротескным видом и жаждет унижения полевых маскировок, которые предписывало BSS.

Теперь Стипли, возможно, посмотрел на него из-за темных очков.

- А также о том, как я спросил, доложишь ли ты, а ты в ответ сказал «bien sûr»?

Смех Марата имел несчастье звучать фальшиво и наигранно, будучи или не будучи искренним. Он сделал одним из пальцев усы, по какой-то причине притворяясь, что подавляет чих.

- Ты уточняешь потому что из-за чего?

Стипли почесал под гранью светлого парика (глупо, опасно) большим пальцем руки с сигаретой.

- Ну, ты и так уже тройник, Реми, верно? Или это уже четверник. Мы знаем, что Фортье и AFR знают, что ты здесь, со мной.

- Но знают ли мои братья по колесам, что вы знаете, что меня прислали притвориться двойником?

Оружие Марата, девятимиллиметровый пистолет-пулемет Sterling UL35 с глушителем Mag Na Port, не мог похвастаться предохранителем. Толстая рукоятка с рифленой текстурой стала жаркой в ладони Марата, и, в свою очередь, вызывала пот на ладони под пледом. Стипливским ответом служило молчание.

Марат сказал:

- ...вдруг я только притворяюсь, что притворяюсь, что притворяюсь предателем…[70]

И свет сшайской пустыни погрустнел, когда больше чем половина круглого солнца скрылась за Тортолитами. Теперь только колеса коляски и толстые ноги Стипли бросали тень ниже границы сумерек, и тень становилась коренастей и приближалась к обоим двум мужчинам.

Стипли исполнил краткий чарльстон, играя тенью ног.

- Ничего личного. Сам понимаешь. Одержимость осторожностью. Кто это однажды сказал, что нам платят за то, чтобы мы сводили себя с ума, про осторожность? Взять вас и Тана – ваш Дюплесси всегда подозревал, что Тан был не до конца откровенным, когда сексуально сливал Лурии инфу.

Марат с силами пожал плечи.

- И как внезапно мсье Дюплесси без времени ушел из жизни. До при почти нелепого подозрительных обстоятельствах, - снова с фальшивым на слух смехом. – Некомпетентное ограбление и грипп, ну конечно.

Оба двое мужчин молчали. Марат заметил, что на стипливской левой руке были скверные царапины от мескита.

Наконец Марат окинул глазами свои часы, циферблат которых светился в тени его тела. Тени обоих двух мужчин теперь карабкались по крутому склону, возвращаясь к ним.

- Что до я – мне кажется, что мы решаем свои аферы в более простой манере, чем ваш офис BSS. Если бы предательство мсье Тана было неполным, мы из Квебека знали бы.

- От Лурии.

Марат притворился, что хлопочет с пледом, оправляет.

- О да. Осторожность. Лурия бы знала.

Стипли сторожко подступил к краю и вышвырнул быка сигареты. Ветер поймал быка и он взлетел из руки слегка ввысь, на восток. Оба двое мужчины молчали, пока бык не упал внизу на гору, став оранжевым всплеском. Их молчание стало созерцательным. Какая-то натянутость между ними ослабла. Марат больше не чувствовал пригрева солнца на черепе. Вокруг смерклось. Стипли обнаружил царапину на трицепсе и выворачивал мясо руки, чтобы изучить ее, округлив алые губки в знак озабоченности.

Год Впитывающего Белья для Взрослых Depend

Вторник, 3 ноября, Энфилдская теннисная академия: утренние тренировки, душ, завтрак, лекция, семинар, лекция, лекция, обед, экзамен по нормативной грамматике, семинар/ лекция, кондиционная пробежка, дневные тренировки, матч, матч, упражнения на торс в качалке, сауна, душ, рухнуть на пол раздевалки с другими игроками.

- ...хотя бы понимают, что то, что они там себе чувствуют - несчастье? Или хотя бы, для начала, чувствуют ли его вообще?

1640: Мужская раздевалка в здании Ад-блока заполнена чистыми старшеклассниками в полотенцах после дневных матчей, волосы игроков мокрые и расчесанные и блестят от «Барбицида». Пемулис редким концом расчески делает широкие проборы, которые в фаворе у молодежи Оллстона. Волосы Хэла выглядят мокрыми, даже когда сухие.

- Ну, - говорит Джим Трельч, оглядываясь. - Ну, что думаете?

Пемулис сползает на пол у раковин по шкафчику с дезинфицирующими средствами. У него есть привычка с опаской посмотреть в обе стороны перед тем, как заговорить.

- В этом всем был хоть какой-то смысл, а, Трельч?

- На экзамене в основном говорили о синтаксисе предложения Толстого, а не о самих несчастных семьях, - тихо замечает Хэл.

Джон Уэйн, как и многие канадцы, слегка поднимает одну ногу, чтобы перднуть, будто пердеж – ответственная задача, стоя у своего шкафчика и поджидая, когда ноги просохнут, чтобы надеть носки.

Наступает молчание. С головок душа капает на плитку. Висит пар. Далекие жуткие звуки Т. Шахта в одной из кабинок за душевой. Все уставились перед собой, ошеломленные усталостью. Майкл Пемулис, который не выдерживает больше десяти секунд общественного молчания, могуче прочищает горло и харкает вверх и назад в раковину за спиной. Хэл замечает, что в ходе полета частично задето зеркало. Хэл закрывает глаза.

- Устал, - выдыхает кто-то.

Орто Стайс и Джон («Н.Р.») Уэйн кажутся не столько уставшими, сколько отрешенными; они умеют, как настоящие топовые игроки, вырубать на короткое время всю нейронную сеть, пялясь в пространство, окутавшись молчанием, на время отключившись от связности с происходящим.

- Ну ладно, - говорит Трельч, - тогда блиц-викторина. Блиц-тест. Самое критическое отличие, для Лита завтра, между историческим телевидением и картриджным ТП.

Дисней Р. Лит преподает в ЭТА «Историю культуры» I и II, как и определенные темы из эзотерической оптики высшего уровня, но для этих курсов сперва нужно получить его допуск.

- Катодолюминесцентная панель. Нет электронно-лучевой трубки. Нет фосфенного экрана. Вдвое больше диагональ в твл/см[71], ровно.

- А ты про HD-систему в общем или ТП-компонент в частности?

- Не аналоговый, - говорит Сбит.

- Нет мороза, не бывает слабых странных как бы двойников у УВЧ-изображений, не прыгает вертикально, когда взлетают самолеты.

- Аналог против цифры.

- Ты спрашиваешь телевидении в смысле эфирном против ТП или об эфирном-плюс-кабельном против ТП?

- А кабельные каналы были аналоговыми? Что, как дооптоволоконные телефоны?

- Дело в цифре. У Лита есть какое-то слово, которым он называет переход от аналога к цифре. Слово, которое он употребляет по одиннадцать раз в час.

- А как, кстати, работали дооптоволоконные телефоны?

- Старый добрый принцип банок на нитке.

- «Прорыв». Он все время это твердит. «Прорыв, прорыв».

- Говорит, самое важное достижение в бытовых коммуникациях со времен телефона.

- В домашнем энтертейнменте - со времен самого ТВ.

- А Лит тебе скажет: а как же перезаписываемый CD, если речь об энтертейнменте?

- А от него вообще трудно добиться конкретики, если прижать по энтертейнменту в плане энтертейнмента.

- Диз скажет – сами думайте, - говорит Пемулис. - Аксфорд сдавал в прошлом году. Дизу нужны рассуждения. Он будет валить, если отнесетесь к вопросу так, будто есть очевидный ответ.

- Плюс де-дигитайзер ИнтерЛейса вместо антенны, у ТП, - говорит Джим Сбит, выдавливая что-то за ухом. Грэм («Отрава») Рейдер смотрит, сколько под мышкой волос. Фрир и Шоу, кажется, спят.

Стайс медленно стянул полотенце и ковыряет глубокую красную полоску, оставшуюся на талии от трусов-джока.

- Парни, если стану президентом - первым делом отменю

резинки.

Трельч делает вид, что тасует карты.

- Следующий вопрос. Как билеты. Определение четкости. Кто?

- Мера разрешения, прямо пропорциональная обработанному соотношению цифрового кода данного пульса, - говорит Хэл.

- И снова последнее слово за Инкстером, - говорит Сбит. Это приглашение хору:

- Хэлстер.

- Халорама.

- Халацион.

- Халацион, - говорит Рейдер, - проявочный артефакт в форме гало вокруг источников света, видимый на химической пленке при низкой скорости.

- Самый ангельский из глюков.

- Завтра просто все будем бороться за места вокруг Инка, - говорит Сбит. Хэл закрывает глаза: он видит страницу с текстом прямо перед собой, все нужное подчеркнуто, выделено желтым маркером.

- Он может просканировать страницу, вращать ее, загнуть уголок и почистить им под ногтем, и все мысленно.

- Отстаньте вы от него, - говорит Пемулис.

Фрир открывает глаза.

- Зачитай-ка нам словарь, чувак, Инк.

Сбит говорит:

- Отвяжитесь.

Это все только в шутку. Хэл безмятежен, когда ему трахают мозг; как и любой из них. Он и сам не против постебать. Некоторые ребята помладше, принимающие душ после старшеклассников, болтаются рядом и слушают. Хэл сидит на полу, в покое, подбородок на груди, просто думает, как здорово наконец надышаться вволю.

Температура опустилась с солнцем. Марат слушал, как ветер прохладного вечера скатывается по склону на дно пустыни. Марат чувствовал или ощущал, как начинают медленно открываться многие миллионы цветочных пор в надеждах на росы. Американский Стипли выпускал сквозь зубы чуть пара, исследуя расчес руки. Последние один-два кончика пальчатых шипов радиальных лучей солнца отыскали расщелины между пиками Тортолиты и ощупывали крышу неба. Вокруг царствовал легкий и сухой вездесущий шорох маленьких животных, что желают выходить во время ночи, в просыпе. Небо было фиолетовое.

У всех в раздевалке на талии килтом полотенце. У всех, кроме Стайса, - белое полотенце ЭТА; Стайс вытирался

собственными полотенцами, черного цвета. После паузы Стайс выстреливает воздухом из носа. Джим Сбит вовсю ковыряет лицо и шею. Один или два вздоха. Питер Бик, Эван Ингерсол и Кент Блотт, двенадцать, одиннадцать, десять, сидят на светлых деревянных скамьях вдоль рядов шкафчиков, в полотенцах, локти на коленях, не принимают участие. Как и Золтан Чиксентмихайи, которому шестнадцать, но он плохо говорит по-английски. Идрис Арсланян, новенький этого года, - этнически неопределенный, четырнадцать, сплошные ноги и зубы, -мрачное рыскает за дверями раздевалки, изредка засовывает неевропеоидный шнобель и тут же удаляется, ужасно смущаясь.

У каждого теннисиста ЭТА из до-18 есть где-то от четырех до шести ребят из до-14, которые якобы находятся под его более опытным крылом, за которыми он приглядывает. Чем больше администрация ЭТА тебе доверяет, тем моложе и в целом бестолковей дети под твоим началом. Чарльз Тэвис ввел эту практику и зовет ее в литературе, которую рассылает родителям детей, системой «Старшего товарища». Так что родители знают, что их ребенок не потеряется в институционной суете. Бик, Блотт и Арсланян на ГВБВД в группе Старшего товарища Хэла. Также в итоге он получил Ингерсолла, неформально обменяв его с Аксфордом его на Тодда («Полтергейста») Поттлергетса, потому что Тревор Аксфорд обнаружил, что по каким-то неанализируемым причинам так ненавидит Ингерсолла, что борется с ужасным побуждением засунуть маленькие пальчики Ингерсолла в щель у петлей двери и затем медленно дверь закрыть, и пришел к Хэлу едва ли не в слезах, Аксфорд. Хотя технически Ингерсолл еще у Аксфорда, а Поттлергетс - все еще Хэлов. У Поттлергетса, мастера свечей, странное старо-молодое лицо и маленькие влажные губешки, которые при стрессе поддаются рефлексу всасывания. В теории Старший товарищ - где-то между студентом-завхозом в общежитии и проректором. Он отвечает на вопросы, подстилает соломку, обрисовывает картину, играет роль связного с Тони Нванги, Тексом Уотсоном и другими проректорами, которые специализируются на маленьких детях. Является тем, к кому можно прийти неофициально. Жилеткой, чтобы поплакаться, взобравшись на подставку. Если Старшим товарищем назначается до-16 - это почетно; значит, считается, что ты далеко пойдешь. Когда нет турнира или поездок и т.д., Старшие товарищи собираются со своими квар/секстетами дважды в неделю на маленьких закрытых свечках, в интервал между дневными матчами и ужином, обычно после сауны, душа и пары минут бездыханного валяния в раздевалке. Иногда Хэл садится с Младшими товарищами на ужине и ест с ними. Но

нечасто. Старшие похитрее не слишком сближаются с МТ-эфебами, не дают забыть о непроходимой пропасти опыта, умений и общего статуса, которая разделяет эфебов и старшеклассников, тянущих лямку в ЭТА уже годами. Показывают, что тем есть к чему стремиться. Старший похитрее не торопится и не давит: не суется в каждую бочку затычкой и сперва дает просителям осознать, как им нужна его помощь. Надо знать, когда давить и участвовать активно, а когда отойти и дать мелким поучиться на собственном опыте, на котором неизбежно учиться надо, если им хочется дотянуть лямку живыми. Каждый год самый крупный отсев, не считая выпуска 18-летних, идет среди 13-15-летних, которые не выдержали и просто не в силах тянуть лямку. Бывает; администрация смирилась; учеба здесь - не для всех. Впрочем, Ч.Т. все же просит помощницу по административным вопросам Латеральную Алису Мур заставлять проректоров выведывать инфу по психическим состояниям детей, чтобы предугадать возможные потери и дезертирский процент, чтобы знать, сколько мест он с администрацией сможет предложить поступающим в следующем семестре. Старшие товарищи в непростой позиции: с одной стороны, их просят держать проректоров в курсе, кто среди подшефных шаток в плане решимости, сопротивления страданиям и стрессу, физическим наказаниям, ностальгии по дому, глубокой усталости, но, с другой стороны, хочется оставаться надежным конфиденциальным плечом и крылом для самых личных и деликатных проблем Младших товарищей.

Но - хотя Хэлу тоже приходилось бороться со странным позывом к насилию при виде Ингерсолла, который напоминал ему кого-то, кого он сильно не любит, но не может вспомнить, кого, - в целом ему нравится быть Старшим. Нравится, когда мелким есть к кому подойти, и нравится читать небольшие непретенциозные минилекции по теории тенниса, педагогике и традициям ЭТА, и быть добрым, но чтобы ему это ничего не стоило. Иногда он обнаруживает, что верит во что-то, во что даже сам не знал, что верит, пока не произносит это вслух перед пятью зашуганными безволосыми круглыми доверчивыми бестолковыми рожицами. Дваждынедельные (вернее, обычно выходит так, что еженедельные) свечки с квинтетом неприятны только после особенно неудачной дневной сессии на корте, когда он уставший, нервный и лучше бы побыл один и занимался кое-чем тайным в подземном проветриваемом безлюдном помещении.

Джим Трельч щупает гланды. Джон Уэйн следует школе мысли «носок-ботинок на одну ногу, носок-ботинок на вторую».

- Устал, - снова вздыхает Орто Стайс. Из-за акцента

получается «Уста». Все до единого старшеклассники теперь свалились на синий палас раздевалки, вытянув ноги, пальцы торчат под характерным для морга углом, спины прижаты к синей стали шкафчиков, старательно избегая шесть острых противоплесенных вентиляционных щелей у основания каждого шкафчика. Голыми все выглядят смешно из-за теннисного загара: ноги и руки - глубокой сиены перчатки кэтчера, еще с лета, загар начал блекнуть только сейчас, но при этом ступни и лодыжки - белого цвета лягушачьего брюшка, могильно-белого, а груди, плечи и предплечья скорее белесого - на турнирах игрокам можно сидеть, когда они не играют, на трибунах без рубашек, чтобы поймать хоть немного солнца грудью. Лица, наверное, хуже всего - в основном красные и блестящие, некоторые еще шелушатся после трех недель кряду турниров на открытом воздухе в августе-сентябре. Не считая Хэла - который и так атавистически темной комплекции, - игроки с наименее пегой расцветкой - те, кто может вытерпеть и обрызгаться перед игрой полиролью Lemon Pledge. Оказывается, полироль, если наложить ее в предыгровом стазисе и дать высохнуть до корочки, - феноменальная защита от солнца, с ультрафиолетовым рейтингом где-то под 40+, и только она одна-единственная в мире выдерживает трехсетовый пот. Никто не знает, какой юниор и в какой академии в далеком прошлом впервые обнаружил это свойство полироли, или как: в воображении рисовались на редкость причудливые обстоятельства. Но некоторых ребят с тонкой конституцией от запаха влажной от пота полироли на корте тошнит. А кое-кому кажется, что любая защита от солнца подсознательно феминизируется другими игроками, как и белые козырьки или темные очки на корте. Так что у большинства старшеклассников ЭТА яркий загар ног и рук, от чего они приобретают классический вид наспех слепленных из разных кусков тел кадавров, особенно если добавить к этому перекачанные ноги, обычно впалые груди и руки разных размеров.

- Уста-уста-уста, - говорит Стайс.

Эмпатия группы выражается во вздохах, еще большем съезжании к полу, слабых судорожных жестах изнеможения, мягких стуках затылков по тонкой стали дверец.

- У меня кости звенят, как, бывает, уши звенят, вот как я устал.

- Я даже до последнего терплю перед вдохом. Не собираюсь расширять грудную клетку, пока не понадобится воздух.

- Так устал, что слова «устал» не хватает, - говорит Пемулис, - «Устал» - не то слово.

- Изнеможен, измучен, истощен, - говорит Джим Сбит,

потирая закрытый глаз ладонью. – В мыле. И без задних ног.

- Смотрите, - Пемулис тыкает пальцем в Сбита. - Оно пытается думать.

- Как это трогательно.

- Вырублен. Задолбан.

- Скорее где-то «задолбан нахрен».

- Выжат. Измотан. Вывернут наизнанку. Скорее мертв, чем жив.

- И все это даже не близко, слова.

- Инфляция слов, - говорит Стайс, потирая ежик так, что на лбу появляются и разглаживаются морщинки. - Больше и лучше. Хорошо - лучше - лучшей - ваще великолепно. Гиперболично и гиперболичней. Как инфляция оценок[72].

- Если бы, - говорит Сбит - на академическом испытательном сроке где-то с пятнадцати.

Стайс из той части юго-западного Канзаса, что почти уже Оклахома. Он просит компании, которые обеспечивают его одеждой и экипировкой, обеспечивать только черными одеждой и экипировкой, отсюда его прозвище в ЭТА - «Тьма».

Хэл поднимает брови при словах Стайса и улыбается.

- Гиперболичней?

- Мой папка в детстве - ему бы и «вывернут наизнанку» хватило.

- Тогда как мы сидим тут с дефицитом новых слов и терминов.

- Фраз и оборотов, шаблонов и структур, - говорит Трельч, снова ссылаясь на экзамен по нормативной грамматике, о котором все, кроме Хэла, хотят уже забыть. - Нам нужна порождающая инфляцию грамматика.

Кит Фрир изображает, как достает из-под полотенца свой блок и протягивает Трельчу:

- Породи вот это.

- В такие дни нужен целый новый язык для усталости, - говорит Сбит. - Лучшие умы ЭТА бьются над проблемой. Перевариваются и анализируются целые тезаурусы, - с широким саркастичным жестом. - Хэл?

Семион, который даже сейчас не теряет своей силы, - поднять кулак и выкрутить второй рукой средний палец, как подъемный мост. Хотя, конечно, при этом Хэл прикалывается и над собой. Все согласны, что этот жест красноречивей тысячи слов. В пару у двери снова кратко возникают кроссовки и резцы Идриса Арсланяна, затем удаляются. Отражение на блестящем кафеле стены у всех какое-то кубистское. Фамилия Хэла пришла по отцовской линии из Умбрии пять поколений назад, и сейчас

итальянская кровь сильно разбавлена новоанглийской кровью янки, примесью юго-западной индейской от пра-прабабушки из племени Пима и канадским кровосмешением, и Хэл - единственный живой Инканденца, который выглядит хоть как-то этнически. Его покойный отец в молодости был смугло-высоким, с высокими плоскими скулами Пима и очень черными волосами, зализанными назад «Брилкримом» так, что образовывался мыс вдовы. Сам он тоже выглядел этнически, но он уже не живой. Хэл - лоснящийся, едва ли не лучезарно смуглый, почти как выдра, ростом чуть выше среднего, глаза голубые, но темные, и несгораемый даже без защиты от солнца: его незагорелые ноги - цвета разбавленного чая, нос не шелушится, но слегка блестит. Лоснится он не столько маслянисто, сколько влажно, молочно; Хэл втайне переживает, что выглядит отчасти женственно. Связь его родителей, наверное, оказалась полномасштабной хромосоматической войной: старший брат Хэла унаследовал мамин англо-нордо-канадский фенотип, глубоко посаженные светло-голубые глаза, безупречную осанку и невероятную гибкость (в ЭТА никто больше не мог вспомнить другого мужчину, который мог бы так сесть на чирлидерский шпагат до упора), более округлые и более выдающиеся скуловые кости.

Средний брат, Марио, не похож ни на кого, кого бы они знали.

Часто в невыездные дни, когда он не старшинствует над подшефными, Хэл дожидается, пока все уйдут в сауну и душ, укладывает ракетки в шкафчик и небрежно прогуливается по цементным ступеням в систему туннелей и залов ЭТА. Он умеет незаметно сплыть и кайфовать себе в удовольствие, прежде чем кто-нибудь заметит его отсутствие. Часто он непринужденно возвращается в раздевалку с сумкой с экипировкой и в существенно измененном настроении как раз тогда, когда все валятся на пол в полотенцах, обсуждая изнеможение, и заходит, уже когда приходит черед мелких отдирать от конечностей полирольную шелуху и принимать по очереди душ, и сам принимает душ с шампунем мелких из бутылки в форме мультяшного персонажа, затем закручивает голову шампуня и в свободной от Шахта кабинке закапывает в глаза Визин, полощет рот, чистит зубы щеткой, потом нитью, и одевается, - обычно даже причесываться не надо. У него всегда с собой в кармане спортивной сумки «Данлоп» Визин АС, зубная нить со вкусом мяты и зубная щетка для путешествий. Тед Шахт, фанат оральной гигиены, всегда ставит нить и щетку из кармана Хэла всем в пример.

- Так устал, что почти под кайфом.

- Но под кайфом без кайфа, - говорит Трельч.

- Эт даж был бы кайфовый кайф, если б в 1900 не надо было еще учицца, - говорит Стайс.

- Штитт мог бы и не напрягать нас так за неделю до промежуточной сессии.

- Тренеры и учителя могли бы сами как-то напрячься и согласовать расписания.

- Это была бы кайфовая изнуренность, если б после ужина можно было пойти, присесть, поставить мозг на нейтралку и посмотреть что-нибудь несложное.

- Не волноваться насчет нормативных форм глагола или четкости.

- Откинуться.

- Посмотреть что-нибудь со сценами погонь и где все взрывается.

- Расслабиться, покурить бонг, полистать каталоги чулок, пожевать гранолы большой деревянной ложкой, - мечтательно говорит Сбит.

- Переспать.

- Свалить на вечерок в самоволку.

- Натянуть старый скафандр и слушать атональный джаз.

- Секс. Переспать.

- Пежиться. Погрешить. Перепихнуться.

- Найти официантку из киоска в драйв-ине в сеэро-восточной Оклахоме с бальшими сиськами.

- Такие огромные розово-белые сиськи, как с французских картин, когда сами вываливаются.

- Такой здоровой деревянной ложкой, что в рот не вломишь.

- Просто вечерком расслабиться вволю.

Пемулис отрыгивает два куплета из «Chances Are» Джонни Мэтиса, недорыганных в душе, затем углубляется в изучение чего-то на левом бедре. Шоу надул пузырь из слюны, выросший до такого исключительного размера, что за ним наблюдает полкомнаты, пока он наконец не лопается в тот же момент, когда Пемулис дорыгивает.

Эван Ингерсолл говорит:

- В деканате сказали, что хотя бы в субботу на день Взаимозависимости у нас выходной.

Несколько голов старшеклассников поднимаются к Ингерсоллу. Пемулис двигает языком, тыкая им в щеку.

- Флабба-флабба, - трясет щеками Стайс.

- Отпустят только с уроков. А тренировки и матчи, как сказал Делинт, славно идут по плану, - поправляет Фрир.

- Но в воскресенье никаких тренировок, до концерта.

- Но все равно матчи.

Все юниоры, присутствующие в комнате, входят в континентальный топ-64, кроме Пемулиса, Ярдли и Блотта.

Всегда понятно издалека, сидит ли еще Шахт в туалетной кабинке у душевой, даже если Хэлу не видно носки шахтовых гигантских сиреневых шлепок под дверцей кабинки сразу от широкого прохода в душевую. Есть что-то смиренное, даже безмятежное в недвижных ногах под дверью. Ему приходит в голову мысль, что поза дефекации – поза покорности. Голова опущена, локти на коленях, пальцы сплетены между коленей. Какое-то скрюченное вечное тысячелетнее ожидание, почти религиозное. Лютеровские башмаки на полу у ночного горшка, безмятежные и, наверное, деревянные, лютеровские башмаки 16-го века, в ожидании откровения. Безмолвные пассивные муки многих поколений коммивояжеров на привокзальных толчках - головы опущены, пальцы сплетены, начищенные туфли недвижны, в ожидании едкого потока. Женские тапочки, пыльные сандалии центурионов, подкованные боты портовых грузчиков, тапочки Папы Римского. Все в ожидании, носки смотрят вперед, слегка притопывают. Здоровые мужики с кустистыми бровями в шкурах, скрюченные у круга света костра со скомканными листьями в руке, в ожидании. У Шахта болезнь Крона[73] - наследие от отца с язвенным колитом - и во время каждого приема пищи ему приходится принимать ветрогонные, и терпеть кучу подколок насчет проблем с пищеварением, и плюс ко всему он приобрел подагрический артрит, тоже каким-то образом из-за болезни Крона, который засел в правом колене и вызывает на корте жуткие боли.

Ракетки Фрира и Дылды Пола Шоу со стуком падают со скамьи и Бик и Блотт бросаются поднять и вернуть их на место, Бик - одной рукой, потому что второй придерживает полотенце.

- Потому что что у нас было, так, посмотрим, - говорит Сбит.

Пемулис любит петь в акустике кафеля.

Сбит тычет пальцем в ладонь то ли чтобы подчеркнуть важность, то ли для подсчета.

- Примерно, скажем, часовая пробежка у команд А, тренировка на час пятнадцать, два матча подряд.

- Я сыграл только один, - вставляет Трельч. - Утром была умеренная температура, Делинт разрешил на сегодня сбавить обороты.

- Народ, который после трех сетов, играли тока один матч, вот Сподек и Кент точно, - говорит Стайс.

- Забавно, как Трельч - как у него начинает скакать температура, как только начинаются утренние тренировки, -

говорит Фрир.

- ...положим в среднем два часа на матчи. В среднем. Затем полчаса на тренажерах под надзором гребаных бусинок Лоуча с его планшетом. В общем, скажем, пять часов энергичного движения нон-стоп.

- Поступательных и напряженных усилий.

- Штитт решительно настроен в этом году, чтобы мы в Порт-Вашингтоне песенки не распевали.

Джон Уэйн за все время не произнес ни единого слова. Содержимое его шкафчика аккуратно и организовано. Он всегда застегивает рубашку снизу-вверх до последней пуговицы, словно собирается надеть галстук, которого у него даже нет. Ингерсолл тоже одевается из маленького квадратного шкафчика для старшеклассников.

Стайс говорит:

- Вот тока, кажется, они забыли, что у нас еще пубертатный период.

Ингерсолл, как кажется Хэлу, на вид полностью лишен бровей.

- Говори за себя, Тьма.

- Я грю, что напрягать наш пубертирующий скелет - очень недальновидно, - повышает голос Стайс. - Че мне делать, когда бует двадцать, а я играю нон-стоп, скелетно переутомленный и подверженный травмам?

- Темный прав.

Завитый клочок мутной полирольной шелухи и зеленая нитка спортивной ленты GauzeTex сложно переплелись с синими волокнами ковра у левой лодыжки Хэла, которая слегка раздута и синего оттенка. Он напрягает лодыжку каждый раз, как это замечает. Сбит и Трельч недолго спарингуются с открытыми ладонями, делая ложные выпады и дергая головами, не вставая с пола. Хэл, Стайс, Трельч, Сбит, Рейдер и Бик согласно предписанию академии ритмически сжимают игровыми руками теннисные мячики. На плечах и шее Сбита дикие сиреневые воспаления; Хэл также заметил фурункул на внутренней стороне бедра Шахта, когда Тед садился. Отражение лица Хэла умещается ровно в одну из плиток на стене напротив, и если он медленно двигает головой, лицо искажается и с оптическим звоном снова возвращается к норме в следующей плитке. Особое пост-душевое ощущение общности развеивается. Даже Эван Ингерсолл бросает быстрый взгляд на наручные часы и прочищает горло. Уэйн и Шоу оделись и ушли; Фрир, главный приверженец полироли, ковыряется в волосах у зеркала, Пемулис теперь тоже встает, чтобы отодвинуться от ног и руки Фрира. Глаза у Фрира

выпученные и широкие, из-за чего, как говорит Аксхэндл, кажется, будто Фрира то ли бьют током, то ли душат.

А время в дневной раздевалке кажется безграничной глубины; все они были здесь раньше, точно так же, и снова будут завтра. Свет снаружи становится печальней, в костях отдается грусть, края удлиняющихся теней все четче.

- По-моему, это Тэвис, - говорит им всем в зеркало Фрир. - Всюду, где царят бесконечные труд и страдания, за всем стоит долбаный Тэвис.

- Не, это Штитт, - говорит Хэл.

- У Штитта не хватало калиток на крокетной площадке уже задолго до того, как ему попались мы, - говорит Пемулис.

- Пемстер и Хэл.

- Халацион и Пемарама.

Фрир складывает крошечные губки и выдыхает, словно задувает спичку, сдувая какой-то крошечный остаток после откалупывания со стекла большого зеркала.

- Штитт только делает, что ему говорят, как славный послушный фашист.

- Че за хайль ты несешь? - спрашивает Стайс, который хорошо известен тем, что спрашивает только «Как-высоко-сэр!», когда Штитт говорит «Прыгать!», нащупывая вокруг по ковру, чем бы кинуть во Фрира. Ингерсолл подбрасывает Стайсу взбученное полотенце, чтобы быть полезным, но Стайс не отрывается от глаз Фрира в зеркале и полотенце падает ему на голову и остается там висеть. Эмоции в комнате, кажется, инвертируются каждые пару секунд. Раздается полузлой смешок над Стайсом, пока Хэл вскарабкивается на ноги, аккуратно, поэтапно, перенося большую часть веса на здоровую лодыжку. Во время этой комбинации полотенце Хэла спадает. Сбит говорит что-то, что тонет в реве смыва.

Феминизированный американец стоял поверх утеса под небольшим ракурсом к Марату. Он всматривался в тень сумерек, которая накрыла их, и во все более сложное мерцание сшайского города Туксон, как завороженный, на манер того, как слишком большие для глаза виды завораживают людей до ошеломленного очевидения.

Марат, казалось, задремал.

Внутри тени даже у стипливского голоса был иной тембр.

- Говорят, это великая и, может, вечная любовь - у Рода Тана к вашей этой Лурии.

Марат хекнул, слегка повозившись в кресле.

Стипли сказал:

- Такая, о которой слагают песни, за которую умирают, а

потом увековечиваются в песнях. Получаются баллады, оперы. Тристан и Изольда. Ланселот и как ее там. Агамемнон и Елена, Данте и Беатриче.

Вялая улыбка Марата росла, пока не стала гримасой.

- Нарцисс и Эхо. Кьеркегор и Регина. Кафка и та бедная девчушка, что страшилась получить у ящика почту.

- Интересный выбор примера - почта, - притворно хихикнул Стипли.

Марат проснулся.

- Сними свой парик и посри в него, Хью Стипли BSS. И меня устрашает твое невежество. Агамемнон не имел отношения с этой царицей. Муж был Менелай, что спартанский. А ты хотел говорить Парис. Елена и Парис. Что тройский.

Стипли словно будто придурошно веселился.

- Парис и Елена, лик, что тысячи судов гнал в путь. И конь: дар, который вовсе не дар. Анонимный подарок с доставкой на дом. Гибель Трои изнутри.

Марат слегка приподнялся в кресле на культях, проявляя эмоции по отношению к этому Стипли.

- Я усаженный здесь, ужаснутый naïveté[74] истории твоей нации. Парис и Елена были лишь казус белли. Все греческие государства в дополнение к Спарте Менелая атаковали Трою потому, что Троя владела Дарданеллы и требовала разорительные дани за проплыв, которые греки, дорого желавшие простой морской проплыв к Восточному осту, гневно отвергали. Все из-за торговли, война. Цитирующий «любовь» не цитирует Париса к Елене, потому что они только казус.

Стипли, гений допросов, иногда при Марате разыгрывал более чем обычную дурость, потому что она провоцировала Марата.

- Все-то у вас сплошная политика, ребят. Разве эта война вообще не только в песнях? Она вообще была на самом деле?

- Суть такова, что в путь тысячи судов погнали государство, общество и их интересы, - сказал Марат без горячки, утомленно. - Ты только желаешь притвориться перед собой, что любовь одной женщины способна погнать столько судов альянсом.

Стипли оглаживал периметры мескитовых царапин, отчего его пожатие плеч было неуклюжим.

- Я бы не был так уверен. Приближенные к Богу Роду говорят, что он готов умереть за Лурию, дважды. Говорят, даже не задумался бы. Не то что дал бы рухнуть всей ОНАН к чертовой матери, если до такого дойдет. Но и умер бы.

Марат шмыгнул.

- Дважды.

- Даже не взяв время на размышления, - сказал Стипли, поглаживая электролитическую сыпь на губе на задумчивый манер. - Многие у нас считают, что именно поэтому он еще на своем месте, а президент Джентл к нему до сих пор прислушивается. Конфликт интересов - это одно. Но если он делает все это из любви - что ж, тогда есть трагический элемент, который даже затмевает политический, что скажешь? - Стипли широко улыбнулся на Марата.

Собственное предательство AFR Маратом: за медицинский уход за состоянием его жены; за (наверное, воображает Стипли) любовь человека, женщины.

- «Трагично» - значит, что Родни Тан из Неопределенности не отвечает за свой выбор, как не отвечают сумасшедшие, - тихо сказал Марат.

Стипли улыбался еще шире.

- Трагическая черта, вечная, музыкальная, ну как тут Джентлу было не поплыть?

Маратовый тон теперь стал насмешливый, вопреки его легендарному стылокровию перед лицом технических собеседований:

- И это сантименты человека, который позволяет посылать его в поле в форме огромной девушки с сиськами под косоглазым углом, который теперь рассуждает о трагической любви.

Стипли, невозмутительный и завороженно задумчивый, взирая с утеса гор, поковырял помаду уголка губы рта самым маленьким из пальчиков, удалил какую-то песчинку.

- Ну конечно. Фанатично патриотичные Убийцы-колясочники из южного Квебека презрительно фыркают при мысли о межличностных сантиментах между людьми, - теперь глядя на Марата. – Нет? Даже несмотря на то, что именно благодаря им Тан подался к вам, под каблук к Лурии, если уж говорить начистоту?

Марат осел на зад в кресле.

- Твое сшайское слово для фанатичного – «фанатичный», - вас учат, что оно произошло из латынского слова «святыня»? Оно значит, буквально, «поклоняющийся святыне».

- Ох ты господи, понесло, - сказал Стипли.

- Как, если дашь мне позволение сказать, любовь, о которой ты говоришь, - великая любовь мсье Тана. Она значит как раз привязанность. Тан привязан, фанатично. Наши привязанности – это наши святыни, которые мы поклоняем, нет? Чему мы себя отдаем, во что вкладываем веру.

Стипли сделал жест усталой привычности.

- И понесло-о-о.

Марат проигнорировал это.

- Разве все мы из нас не фанатики? Я говорю только лишь то, что твое США притворяется, будто не знает. Привязанности имеют великую серьезность. Выбирай привязанность заботливо. Выбирай святыню фанатичнизма с великой заботой. То, что ты желаешь воспеть трагической любовью, есть привязанность, выбранная без заботы. Умереть за одного человека? Это сумасшествие. Люди меняются, уходят, умирают, болеют. Они уходят, лгут, безумеют, заболевают, предают, умирают. А народ - переживет тебя. Дело - переживет тебя.

- Как там, кстати, твои жена и дети?

- Вы, сшайцы, будто не верите, что каждый вы может выбирать, за что умирать. Любовь женщины, сексуальная, она зацикливает себя на себя, делает тебя узким, может, сумасшедшим. Выбирать с заботой. Любовь же к нации, стране и народу – она увеличивает сердце. Что-то большее, чем «Я».

Стипли положил ладонь среди разнонаправленных грудей:

- О... Канада...

Марат приподнялся и прильнул вперед на культях.

- Фырчи в насмехании, сколько желаешь. Но выбирай с заботой. Ты – то, что ты любишь. Нет? Ты, целиком и в полноте, то, за что умрешь, как ты говоришь, не думая дважды. Ты, мсье Стипли: ты умрешь, не думая, за что?

Пространное досье AFR на Стипли включало упоминание о его недавнем разводе. Марат уже информировал Стипли о существовании досье. Он не знал, насколько Стипли сомневался в рапортах него, Марата, или же просто принимал их как чистые деньги. Хотя стипливская легенда часто менялась, его машина во всех полевых заданиях оставалась зеленым седаном, спонсированным страшной рекламой аспирина на крыле – досье имело эту глупость в себе, - Марат и сейчас был уверен, что седан с рекламой аспирина стоит где-то внизу, незримый ими. Фанатично любимая машина мсье Хью Стипли. Стипли наблюдал или взирал в темноту дна пустыни. Он не отвечал. Его выражение скуки могло быть как настоящим, так и тактическим.

Марат сказал:

- Это, разве это не выбор самой первой из всех важностей? Кто учит ваших сшайских детей выбирать святыню? Что надо любить так, чтобы не думать два раза?

- И это говорит человек, который…

Марат предпринял усилия, чтобы его голос не приподнимался.

- Ибо этот выбор определяет все иное. Нет? Все из наших, как

ты говоришь, свободных выборов исходят из одного: что есть наша святыня. Что есть святыня, таким в итоге образом, США? Что это есть, если ты боишься, что должен защищать сшайцев от самих себя, когда злые квебекуа замыслили кознями привнести Развлечение в их уютные дома с очагом?

Стипливское лицо приобрело выражение открытой усмешки, которое, знал он, квебекцы находили в американцах отталкивающим.

- Но ты все про выбор, осознание, решение. Это ли не наивняк, Реми? Ты что, садишься за гроссбух и трезво высчитываешь, что любить? Всегда?

- Альтернативой является…

- А если иногда нет выбора, что любить? А если святыня сама приходит к Магомеду? А если просто берешь и любишь? без решений? Берешь и: вот видишь ее, и в тот же миг забываешь свой трезвый бухучет, и не можешь выбрать ничего, кроме любви?

Шмыг Марат выдавал презрение.

- Тогда в случае такого твоя святыня – «Я» и сантименты. Тогда в примере такого ты фанатик страсти, раб индивидуальных субъективных жмущих сантиментов «Я»; гражданин пустоты. Ты становишься гражданин пустоты. Ты сам по себе и одинокий, на коленях пред тобой.

За этим последовало молчание.

Марат повозился в кресле.

- В случае такого ты становишься раб, который верит, что он свободный. Самые жалкие оковы. Ни трагедий. Ни песен. Ты веришь, что умрешь дважды за иного, но в правде умрешь только за одного себя, свои сантименты.

Последовало еще молчание. Стипли, который рано поднялся на высоту в Неопределенных службах благодаря техническим собеседованиям[75], применял паузы молчания как важную часть техники допроса. Сейчас пауза разрядила Марата. Марат почувствовал иронию своей позиции. Бретелька стипливского бра протеза выскользнула с плеча на обозрение, где глубоко врезалась в мясо верхней доли руки. В воздухе был пролит слабый запах креозота, но куда не так сильно, как на шпалах железной дороги, который Марат нюхал не понаслышке. Стипливская спина была широкой и мягкой. Наконец Марат изрек:

- Ты, в случае такого, имеешь ничто. Опираешься на ничто. Ничто из камня или земли нет под твоими ногами. Ты падаешь; тебя носит туда и этак. Как они принимают говорить: «трагически, невольно, потерян».

Последовало еще молчание. Стипли мягко пукнул. Марат

пожал плечи. Полевой оперативник BSS Стипли мог усмехаться не взаправду. Lume[76] города Туксон в невлажном воздухе казался выбеленным и призрачно-белым. Сумеречные звери шуршали и, вероятно, шмыгали туда и этак. Под утесом и другими выходами породы висели жесткие и непрекрасные паутины ядовитого вида сшайского паука «вдова в черном». И когда ветер бил по горе под определенным углом, гора стонала. Марат подумал о своей победе над поездом, который отнял его ноги.[77] Он предпринял попытку англоговоряще спеть:

- О скажи... Страна свободных...

И они оба почувствовали особый, странный, сухой пустынно-ночной холодок, спустившийся с горбатым подъемом луны, – мучнистый ветер внизу кружил пылью и свистел в иголках кактусов, звезды в небе настроились на цвет низкого пламени, – но им еще не было зябко, даже Стипли в платье без рукавов: они с Маратом стояли в облегающем астральном скафандре тепла их тел. Вот как бывает в сухих краях по ночам, запоминал Марат. Его умирающая жена ни разу не покидала юго-восточный Квебек. Отдаленная зачаточная перевалочная база Les Assassins des Fauteuils Roulents здесь, на юго-западе США казалась ему поселением на поверхности луны: четыре рифленых куонсетских ангара, запеченная до корочки земля и воздух, который плыл и волнился, как под реактивными двигателями. Пустые комнаты с грязными окнами, обжигающие дверные ручки и адская вонь в этих пустых комнатах.

Стипли продолжал не говорить, выстучав себе иную из длинных бельгийских сигарет. Марат продолжал мычать сшайскую песню так, словно ему по уху ступал медведь.

***

Сноска i

Фильмография Джеймса О. Инканденцы* Следующий перечень лент полный, насколько это возможно. Поскольку двенадцать лет режиссерской деятельности Инканденцы совпали по времени со значительными переменами в механизмах показа кино - от публичных арт-кинотеатров к VCR-совместимым магнитным лента, и далее к лазерному распространению и доступным для пересмотра дисковым накопителям - лазерным картриджам

«ИнтерЛейс ТелЭнтертейнмент», и поскольку само творчество Инканденцы составляют индустриальные, документальные, концептуальные, рекламные, технические, пародийные, драматические некоммерческие, недраматические («анти-конфлюэнциальные») некоммерческие, недраматические коммерческие и драматические коммерческие работы, карьера этого режиссера представляет собой вызов для архивиста. Это подкрепляется тем, что, во-первых, по концептуальным причинам Инканденца воздерживался от регистраций аккредитивов и формальной датировки до самого наступления эры спонсирования, во-вторых, к последним годам жизни его творчество постепенно наращивало объемы - зачастую у Инканденцы в производстве находилось сразу несколько картин, в-третьих, его кинокомпания была частной и претерпела четыре смены корпоративного имени, и, наконец, для некоторых высококонцептуальных проектов его философия требовала, чтобы они получили название и подверглись критике, но так и не были сняты, посемуих статус как кино находится под сомнением.

Таким образом, хотя перечисленные работы расположены, по мнению архивистов, в наиболее вероятном порядке их завершения, мы хотим предупредить, что и порядок, и законченность перечня в данный момент все еще находится под вопросом.

Название каждого фильма сопровождают: либо год завершения, либо «до э. с.», обозначая недатированное завершение до наступления эры спонсирования; продюсерская компания; основные актеры, если указаны в титрах; кинематографический формат («пленки»); хронометраж до минуты; цветность - черно-белый, цветной или и то, и другое; наличие звука - звуковой, немой или и то, и другое; краткий синопсис или критическая рецензия (если есть); носитель - целлулоидная пленка, магнитная лента, мгновенное распространение через Интерлейс, ТП-совместимый картридж

«ИнтерЛейс» или частная дистрибуция компанией(-ниями) Инканденцы. Помета НЕ ИЗДАН стоит у тех работ, которые так и не были выпущены в дистрибуцию и теперь недоступны для публики или утеряны.

«Клетка»**. До эры спонсирования. «Мениск Филмс, Лтд». Актеры в титрах не указаны; 16 мм; 5мин.; ч/б; звуковой. Монолог-пародия на телевизионную рекламу шампуня с использованием четырех выпуклых зеркал, двух плоских зеркал и одной актрисы. НЕ ИЗДАН

«Виды света». До э. с. «Мениск Филмс, Лтд». Без актеров; 16мм; цветной; немой. 4,444отдельных кадра, каждый из которых изображает свет различных источников, длины и силы, отраженный от одного и того же неполированного жестяного подноса, и на обычной скорости проекции дезориентирующий из-за гиперретинальной скорости. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА, ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕЛИЗ В БОСТОНЕ, ТРЕБУЕТСЯ ПРОЕКТОР С ОБЫЧНЫМ СКАЧКОВЫМ МЕХАНИЗМОМ, ПОКАЗЫВАТЬНА 25КАДРОВ/СЕК.

«Темная логика». До э. с. «Мениск Филмс, Лтд». Исполнители в титрах не указаны; 35мм; 21 мин.; немой с оглушающим саундтреком Вагнера/Сузы. Трибьют Гриффиту, пародия на Иимуру. Детские, но крайне истощенные ручки переворачивают страницы инкунабул по математике, алхимии, религии и с фиктивной политической автобиографией, на каждой странице содержится какое-либо выражение нетерпимости и ненависти или их апология. Фильм посвящается Д. У. Гриффиту и Така Иимуре. НЕ ИЗДАН

«В теннис, народ?» До э. с. «Гелиотроп Филмс, Лтд» / «USTA Филмс». Документальный фильм, текст читает Джудит Фукуока-Хирн; 35мм; 26 мин.; цветной; звуковой. Рекламная/пиар продукция для Теннисной Ассоциации Соединенных Штатов в содружестве со «Спортивными Товарами Уилсон, Инк.». МАГНИТНАЯ ЛЕНТА

«Здесь проигравших нет». До э. с. «Гелиотроп Филмс,Лтд» / «USTA Филмс». Документальный, текст читает П. А. Рай; 35мм; цветной; звуковой. Документальное кино о Чемпионате Национальной теннисной Лиги юниоров USTA 1997 года до э. с. в Каламазу, штат Мичиган, и Майами,штат Флорида, в содружестве с Ассоциацией тенниса Соединенных Штатов и «Спортивными

Товарами Уилсон, Инк.». МАГНИТНАЯ ЛЕНТА

«Поток на поле». До э. с. «Гелиотроп Филмс, Лтд» / «Уилсон, Инк». Документальный, текст читает Джудит Фукуока-Хирн; 35мм; 52 мин.; ч/б / цветной; звуковой. Документальная история тенниса на поле, платформе, корте и лаун-тенниса от корта Дофина 17-го века до наших дней. МАГНИТНАЯ ЛЕНТА

«Бесконечная шутка (I)». До э. с. «Мениск Филмс, Лтд». Джудит Фукуока-Хирн; 16/35мм; 90(?) мин.; ч/б; немой. Незавершенная и непоказанная первая проба сил Инканденцы в коммерческом энтертейнменте. НЕ ИЗДАН

«Кольцевой синтез наш друг». До э. с. «Гелиотроп Филмс, Лтд» / «Энергия & Свет Санстрэнд Ко». Документальный, текст читает К. Н. Райли; с субтитрами для глухих; 78мм; 45мин.; цветной; звуковой. Рекламная/пиар продукция для новоанглийского предприятия «Энергия & Свет Санстрэнд», нетехническое объяснение процессов кольцевого синтеза литиизированного дейтерий-тритиевого цикла и его применений в отечественной энергетике. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА, МАГНИТНАЯ ЛЕНТА

«Кольцевой усиленный свет: Отражение на обществе». До э. с. «Гелиотроп Филмс» / «Энергия & Свет Санстрэнд Ко». Документальный, текст читает К. Н. Райли; с субтитрами для глухих; 78мм; 45мин.; цветной; звуковой. Второй рекламно-информационный ролик для «Санстрэнд Ко», нетехническое объяснение способов применения лазеров охлажденных фотонов в кольцевом синтезе литиизированного дейтерий-тритиевого цикла. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА, МАГНИТНАЯ ЛЕНТА

«Союз медсестер Беркли». До э. с. «Мениск Филмс, Лтд». Документальный; 35мм; 26 мин.; цветной; немой. Документальные и просубтитрованные интервью с плохослышащими дипломированными и лицензированными медсестрами во время беспорядков из-за реформы здравоохранения в области Залива в 1996 году. МАГНИТНАЯ ЛЕНТА, ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ «МЕНИСК ФИЛМС, ЛТД».

«Союз филологов-теоретиков Кембриджа». До э. с. «Мениск Филмс, Лтд». Документальный; 35мм; 26 мин.; цветной; немой, с частым применением мозаики на крупных планах лиц. Документальные и субтитрованные интервью с участниками

общественных дебатов Стивена Пинкера - Аврил М. Инканденцы о политических последствиях введения нормативной грамматики во время печально известного съезда Боевых филологов Массачусетса, что разожгли языковые бунты в Массачусетском технологическом институте в 1997 году до э. с. НЕ ИЗДАН ПО СУДЕБНОМУ ЗАПРЕТУ

«Вдовец». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Косгроув Уотт, Росс Рит; 35мм; 34мин.; ч/б; звуковой. Поставленная в Туксоне, штат Аризона, пародия на телевизионные бытовые комедии. Отец - кокаиновый наркоман (Уотт) показывает сыну (Рит) семейный участок в пустыне и приносит в жертву ядовитых пауков. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА; ПЕРЕИЗДАНИЕ НА КАРТРИДЖЕ INTERLACE TELENT No357-75-00 (ГЧКП)

«Клетка II». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Косгроув Уотт, Дисней Лит; 35мм; 120 мин.; ч/б; звуковой. Садистские карательные органы помещают слепого заключенного (Уотт) и глухонемого заключенного (Лит) в «одиночку», и два героя пытаются найти способ общаться друг с другом. ОГРАНИЧЕННЫЙ ЦЕЛЛУЛОИДНЫЙ ПРОКАТ; ПЕРЕИЗДАНИЕ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ

«Смерть в Скарсдейле». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Косгроув Уотт, Марлон Р. Бэйн; 78мм; 39мин.; цветной; немой с субтитрами. Пародия на Манна/Аллена. Дерматолог-эндокринолог с мировым именем (Уотт), платонически одержимый мальчиком (Бэйн), которого лечит от повышенного потовыделения, сам начинает страдать от повышенногопотовыделения. НЕ ИЗДАН

«Зубастый юмор». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Герберт Г. Бирч, Билли Толан, Пэм Хит; 35мм; 73мин.; ч/б; немое, со звуковой дорожкой с нечеловеческими криками и воплями. Пародия на Косинского/Апдайка/Пекинпу. Стоматолог (Бирч) выполняет операцию над корневыми каналами без анестетика над академиком (Толан), которого подозревает в связи со своей женой (Хит). МАГНИТНАЯ ЛЕНТА, ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ LATRODECTUS MACTANS PROD.

«Бесконечная шутка (II)». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Пэм Хит; 35/78мм; 90(?) мин.; ч/б; немой. Незаконченная, непоказанная попытка ремейка «Бесконечной шутки (I)». НЕ ИЗДАН

«Имманентная собственность». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Косгроув Уотт, Джудит Фукуока-Хирн, Пэм Хит, Памела-Сью Вурхис, Герберт Г. Бирч; 35мм; 88мин.; ч/б с микрофотографией; звуковой. Три нейрона памяти (Фукуока-Хирн, Хит, Вурхис (в полиуретановых костюмах) в нижней лобной извилине человеческого (Уотт) мозга героически сражаются, чтобы не допустить свою замену новыми нейронами памяти, пока человек проходит интенсивный психоанализ. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ЛЕНТА; ПЕРЕИЗДАНИЕ НА КАРТРИДЖЕ INTERLACE TELENT No340-03-70 (ГЧКП)

«Виды боли». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Анонимный каст; 35/78мм; 6 мин.; цветной; немой. 2,222 кадров с крупными планами белых мужчинсредних лет, страдающих от почти всех постижимых типов боли - от вросшего ногтя до черепно-лицевой невралгии и неоперабельного колоректального неопластиса. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ЛЕНТА, ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕЛИЗ В БОСТОНЕ, ТРЕБУЕТСЯ ПРОЕКТОР С ОБЫЧНЫМ СКАЧКОВЫМ МЕХАНИЗМОМ, ПОКАЗЫВАТЬНА 25КАДРОВ/СЕК

«Различные огоньки». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Косгроув Уотт, Пэм Хит, Кен Н. Джонсон; 16 мм; 25мин. с рекурсивной петлей для автоматического повтора; цветной; немой со звуками человеческого коитуса, взятого с благодарностью в титрах из видео для взрослых «Кабальеро Контрол Корп.» Пародия на неоконцептуальные структуралистские фильмы Годбу и Вудрияра. Разноформатные изображения множества небольших бытовых огней - от зажигалок и свечек на торте до газовых венчиков на плите и обрезков травы, подожженных солнечным светом через увеличительное стекло, - перемежаемые антинарративными эпизодами с человеком (Уотт), сидящим в темной спальне и пьющим бурбон, пока его жена (Хит) и представитель «Амвей» (Джонсон) участвуют в акробатическом коитусе в коридоре с подсвеченным задним планом. НЕ ИЗДАН ПО СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ ПО ИСКУ РЕЖИССЕРА-КОНЦЕПТУАЛИСТА, ПОСТАНОВЩИКА «РАЗЛИЧНЫХ ОГОНЬКОВ» 1960-Х ЭДА РУШЕЯ - ПЕРЕИЗДАНИЕ НА КАРТРИДЖЕ INTERLACE TELENT No330-54-94(ГШБД)

«Клетка III - Бесплатный цирк». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс» / «Инфернатрон Анимейшен Концептс», Канада. Косгроув Уотт, П. А. Рай, Эверард Мейнелл, Пэм Хит; с анимацией; 35мм; 65мин.; ч/б; звуковой. Смерть (Хит) восседает

над главным входомв шапито странствующего цирка, посетители которого наблюдают, как исполнители претерпевают невыразимые унижения, настолько гротескно завораживающие, что глаза посетителей становятся все шире и шире, пока сами посетители не превращаются в гигантские глаза на стульях, тогда как с другой стороны шатра Жизнь (Рай) приглашает праздношатающихся на выставку, где, если праздношатающиеся согласятся претерпеть невыразимые унижения, им покажут, как обычные люди постепенно превращаются в гигантские глаза. КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-65-65

«Медуза против Одалиски». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Актеры в титрах не указаны; лазерная голограмма по методу зонной пластинки Френеля за авторством Джеймса О. Инканденцы и Уркухарта Огилви-мл.; голографическая хореография боев - Кендзиру Хирота из «Sony Entertainment – Азия»; 78мм; 29мин.; ч/б; немой с шумами зрительской аудитории, взятыми с сетевого телевидения. Подвижные голограммы двух визуально смертельных мифологических женских персонажей ведут на сцене дуэль при помощи отражающих поверхностей, пока зрители превращаются в камень. ОГРАНИЧЕННЫЙ ЦЕЛЛУЛОИДНЫЙ ПРОКАТ; ЧАСТНОЕ ПЕРЕИЗДАНИЕ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ КОМПАНИЕЙ LATRODECTUS MACTANS PROD.

«Машина в призраке: Кольцевая голограмма для развлечения и пророчеств». До э. с. «Гелиотроп Филмс, Лтд» / Национальный Совет по кинематографии Канады.Текст читает П. А. Рай; 78мм; 35мин.; цветной; звуковой. Нетехнические начала теории кольцевого усовершенствования, метода зонной пластинки и их применений в лазерной голографии высокого разрешения. НЕ ИЗДАН ВВИДУ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТРЕНИЙ МЕЖДУ США И КАНАДОЙ

«Хомо Дюплекс». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Текст читает П. А. Рай; «8Супер»; 70 мин.; ч/б; звуковой. Пародия на «постструктуралистские документальные фильмы» Войчича и Шульгина. Интервью с четырнадцатью американцами по имени Джон Уэйн, не являющимися легендарным киноактером 20-го века Джоном Уэйном. МАГНИТНАЯ ЛЕНТА (ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕЛИЗ)

«Чайная церемония при нулевой гравитации». До э. с.«Latrodectus Mactans Продакшенс». Кен Н. Джонсон, Джудит

Фукуока-Хирн, Отто Брандт, И. Джей Кенкль; 35мм; 82 мин.; ч/б и цветной; немой. Сложная Оча Кай в 2,5м над землей в Космическом центре Джонсон в камере-симуляторе нулевой гравитации. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА; ПЕРЕИЗДАНИЕ INTERLACE TELENT No357-40-01 (ГЧКП)

«Брачное соглашение между Раем и Адом». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс» / «Инфернатрон Анимейшен Концептс», Канада. Анимация, актеры озвучки в титрах не указаны; 35мм; 59мин.; цветной; звуковой. Бог и Сатана играют в покер картами Таро на душу алкоголика - продавца упаковок для бутербродов, одержимого «Экстазом святой Терезы» Бернини. ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ НА ЦЕЛЛУЛОИДНОЙ ПЛЕНКЕ И МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ КОМПАНИЕЙ LATRODECTUS MACTANS PROD.

«Прикол». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Аудитория как рефлексирующие актеры; 35мм х 2 камеры; варьируемый хронометраж; ч/б; немой. Пародия на «исключительно зрительские события» Холлис Фрэмптон. Две видеокамеры Ikegami EC-35в кинотеатре записывают зрителей «фильма» и проектируют результирующий растр на экран - зрители в кинотеатре, смотрящие на себя, смотрящих на себя, понимают очевидный «прикол» и становятся все более сдержанными, стесненными и враждебными, что, предположительно, и составляет запутанный поток «антинарратива». Первый проект Инканденцы, действительно вызвавший противоречивый интерес, «Film & Kartridge Kultcher's Sperber»* описал его как «непредумышленно громкий похоронный звон пост-постструктуралистского кино в плане чистого раздражения». ЧИСТАЯ МАГНИТНАЯ ЛЕНТА, ДЕМОНСТРАЦИЯ ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО В КИНОТЕАТРАХ, СЕЙЧАС НЕДОСТУПЕН

«Фигурки американских корпоративных руководителей среднего звена из лакримозы». Незакончен. НЕ ИЗДАН

«Каждый дюйм Диснея Лита». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс» / «Медицинские изображения Альберты, Лтд». Дисней Лит; увеличенная на компьютере 35мм/х 2м; 253мин.; цветной; немой. Уменьшенные эндоскопические и микроинвазивные камеры исследуют экстерьер и интерьер одного из членов технической бригады Инканденцы, пока тот сидит на сложенном серапе в парке Бостон-Коммон на открытом форуме о стандартизации перехода Северной Америки на метрическую систему. ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ КОМПАНИЕЙ

LATRODECTUS MACTANS PROD.; ПЕРЕИЗДАНИЕ INTERLACE TELENT No357-56-34(ГЧКП)

«Бесконечная шутка (III)». До э. с. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Актеры в титрах не указаны; 16/35мм; цветной; звуковой. Незаконченная, непоказанная попытка ремейка «Бесконечной шутки (I, II)». НЕ ИЗДАН

Найденная Драма I.

Найденная Драма II.

Найденная Драма III. ... концептуальное кино, по концепту неснимабельное. НЕ ИЗДАН

«Человек, который начал подозревать, что он сделан из стекла». Год Воппера. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Косгроув Уотт, Герхардт Штитт; 35мм; 21 мин.; ч/б; звуковой. Человек в ходе интенсивной психотерапии обнаруживает, что он кажется другим людям хрупким, полым и прозрачным, и в результате становится или трансцендентально просвещенным, или шизофреником. КИНОКАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-59-00

Найденная Драма V.

Найденная Драма VI. ... концептуальное кино, по концепту неснимабельное. НЕ ИЗДАН

«Американский век через кирпич». Год Воппера. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Документальный, текст читает П. А. Рай; 35мм; 52 мин.; цветной с красным фильтром и осциллографией; немой с закадровым текстом. После снятия брусчатки с исторических улицрайона Бэк Бэй города Бостон и выкладки полимеризированного цемента прослеживается последующий путь одного из извлеченных кирпичей - от временной реди-мейд арт-инсталляции и отправки с помощью катапульты EWD в карьер отходов в южном Квебеке до применения в ходе разожженных FLQ антионанских мятежей января года Воппера, с врезками размытых кадров изменений формы большого пальца, взаимодействующего со струной щипкового инструмента. ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ КОМПАНИЕЙ LATRODECTUS MACTANS PROD.

«Онантиада». Год Воппера. «Latrodectus Mactans Продакшенс» / Пластилиновая анимация © «Инфернатрон Анимейшен Концептс», Канада. Косгроув Уотт, П. А. Рай, Пэм Хит, Кен Н.

Джонсон, Ибн-Саид Чаваф, Сквир Фриделл, Марла-Дин Чамм, Герберт Г. Бирч, Эверард Мейнелл; 35мм; 76 мин.; ч/б / цветной; звуковой/немой. На фоне живого задника, где разыгрывается зарождение Взаимозависимости Северной Америки и Континентальной Реконфигурации, выясняет отношения косой одержимый любовный треугольник, выполненный в не очень смешной пластилиновой анимации. ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ КОМПАНИЕЙ LATRODECTUS MACTANS PROD.

«Гнев Вселенной». Год Воппера. «Latrodectus MactansПродакшенс». Документальный, текст читает Герберт Г. Бирч; 16 мм; 28мин.; цветной; немой с закадровым текстом. Документальный фильм об эвакуации Аткинсона, штат Нью-Гемпшир/Новый Квебек, в начале Континентальной Реконфигурации. МАГНИТНАЯ ЛЕНТА (ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕЛИЗ)

«Индейки улетают на юг». Год Воппера. «Latrodectus Mactans Productions». Документальный, текст читает П. А. Рай; 16 мм; 56 мин.; цветной; немой с закадровым текстом. Документальный фильм об изменническом предложении птицеферм Северных Сиракуз, штат Нью-Йорк, предотвратить эпидемию на день Благодарения из-за больной птицы, отрядив длинные блестящие грузовики ОНАН для переселения более 200,000 индеек с бронхитом на юг, в Итаку. МАГНИТНАЯ ЛЕНТА (ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕЛИЗ)

Найденная Драма IX.

Найденная Драма X

Найденная Драма XI. ...концептуальное кино, по концепту неснимабельное. НЕ ИЗДАН

«Ленты Мебиуса». Год Воппера. «Lactrodectus MactansПродакшенс». «Стоян Большов»!!!, Пэм Хит, «Банни Дэй», «Таффи Яблонски»; 35мм; 109мин.; ч/б; звуковой. Пародия на порнографию, возможный оммаж «В джазе только девушки» Боба Фосса. Физик-теоретик («Большов»), который может достичь творческих математических решений только во время совокупления, постигает Смерть в виде убийственно прекрасной женщины (Хит). КИНОКАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-65-32 (ГВ)

«Помаши бюрократу на прощание». Год Воппера. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Эверард Мейнелл, Филлип Т. Смозергилл,

Пол Энтони Рай, Памела-Сью Вурхис; 16 мм; 19мин.; ч/б; звуковой. Возможная пародия/оммаж рекламно-информационному циклу роликов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней***. Перепуганного пассажира принимает за Христа ребенок, с которым тот столкнулся по дороге на работу.

«Кровавая сестра: Крутая монашка». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Тельма Херли, Пэм Хит, Марла-Дин Чамм, Диана Сэлтун, Сома Ричардсон-Леви, Косгроув Уотт; 35мм; 90 мин.; цветной; звуковой. Пародия на боевики о возмездии/рецидивизме. Неудачная попытка бывшей правонарушительницы-монашки (Херли) исправить несовершеннолетнюю правонарушительницу приводит к волне рецидивистского возмездия. ПУЛЬСОВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ INTERLACE TELENT 21 ИЮЛЯ ГГСТ, КАРТРИДЖ No357-87-04

«Бесконечная шутка (IV)». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Пэм Хит(?), «Мадам Психоз»(?); 78мм; 90 мин.(?); цветной; звуковой. Незаконченная, непоказанная попытка завершения «Бесконечной шутки (III)». НЕ ИЗДАН

«Да не будет вес». Год Геморройных Салфеток Tucks» «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Документальный, текст читает Кен Н. Джонсон; 16 мм;50 мин.(?); ч/б; немой с закадровым текстом. Незаконченный документальный фильм о зарождении производства бурбона с заниженным содержанием калорий. НЕ ИЗДАН

Неназванный. Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Нет Трои». Год Воппера. «Latrodectus Mactans Продакшенс». Без актеров; голография на жидкой поверхности за авторством Уркухарта Огилви-мл.; 35мм; 7 мин.; улучшенный цветной; немой. Масштабная модель голографического воссоздания бомбардировки города Трои, штат Новая Новая Англия, разнокалиберными механизмами по перемещению отходови его последующего удаления картографами ОНАН. МАГНИТНАЯ ЛЕНТА (ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ В НЬЮ-БРУНСВИКЕ, АЛЬБЕРТЕ, КВЕБЕКЕ) Примечание: Архивисты Канады и Западного побережья США не заносят в фильмографию «Нет Трои», но заносят «Фиолетовый город» и «Фиолетовый экс-город», потомуисследователи приходят к выводу, что один фильм выпускался под разными названиями.

Неназванный. Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Пропал ценный купон». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Косгроув Уотт, Филлип Т. Смозергилл, Диана Сэлтун; 16 мм; 52 мин.; цветной; немой. Возможная пародия на скандинавские психодрамы. Мальчик помогает бредящему отцу-алкоголику и отрешенной матери разобрать их постель в поиске грызунов, а позднее предсказывает осуществимость в будущем кольцевого синтеза литиизированного дейтерий-тритиевого цикла.ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА (НЕ ИЗДАН)

«Детские фотографии знаменитых диктаторов». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Документальный (или же актеры не указаны), текст читает П. А. Рай; 16 мм; 45мин.; ч/б; звуковой. Дети и подростки играют в запутанную ядерную стратегию с теннисными принадлежностями на фоне реального или голографического (?) задника взрыва и падения в результате саботажа башен атмосферного перемещения ATHSCME 1900 во время Химической тревоги в Новой Новой Англии в ГВ. ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА (НЕ ИЗДАН)

«Встать за людьми за решеткой». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Документальный, текст читает Сома Ричардсон-Леви; «8Супер»; 52 мин.; ч/б / цветной; звуковой. Снятый к северу от Лоуэлла, Массачусетс, документальный фильм об экспедиции департамента шерифов округа Эссекс и департамента социальных служб Массачусетса по поиску, подтверждению существования и поимке или умиротворению дикого ребенка-акселерата, по одной из версий раздавившего, заплевавшего или швырнувшего об землюдо дюжины жителей Лоуэлла в январе ГГСТ. КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-12-56

«Давным-давно». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Косгроув Уотт, Марлон Бэйн; 16/78мм; 181 мин.; ч/б / цветной; звуковой. Инструктор по теннису средних лет, собираясь обучать своего сына теннису, отравляется в семейный гараж и обрушивает на сына бредовый монолог, во время которого сын плачет и потеет. КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-16-09

«Умный маленький засранец». Незаконченный, непоказанный. НЕ ИЗДАН

«Его Холодное Величество Онемение». Незаконченный, непоказанный. НЕ ИЗДАН

«Приятные люди в небольших удобных комнатах, где каждый сантиметр доступного пространства используется с поразительной эффективностью». Незакончен ввиду госпитализации. НЕ ИЗДАН

«Юриспруденция низких температур». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Косгроув Уотт, Герберт Г. Бирч, Кен Н. Джонсон, Сома Ричардсон-Леви, Эверард Мейнелл, «Мадам Психоз», Филлип Т. Смозергилл, Пол Энтони Рай; 35мм, 80 мин.; ч/б; звуковой. Пародия на Уайлера. Четыре сына (Бирч, Джонсон, Мейнелл, Смозергилл) плетут интриги ради контроля над конгломератом по производству упаковок для бутербродов, пока их отец-СЕО (Уотт) переживает экстатическую встречу со Смертью («Психоз») и становится неизлечимым кататоником. НАЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В СЕРИАЛЕ INTERLACE TELENT «КАВАЛЬКАДА ЗЛА» - ЯНВАРЬ ГОДА ШОКОЛАДНОГО БАТОНЧИКА DOVE - И КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-89-05

«(Минимум) три похвалы Причине и Следствию». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Косгроув Уотт, Пэм Хит, «Стоян Большов»; 78мм; 26 мин.; ч/б; звуковой. Директор только что возведенной на большой высоте спортивной академии (Уотт) приобретает невротическую одержимость судебной тяжбой из-за допущенного при строительстве ущерба расположенной ниже больнице Министерства по делам ветеранов, закрывая глаза на плохо скрываемый роман его жены (Хит) с прославленным в академических кругах математиком-топологом, который выступает архитектором проекта («Большов»). ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА (НЕ ИЗДАН)

«Страсть (К) Страсти». Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Роберт Лингли, «Мадам Психоз», Марла-Дин Чамм; 35мм; 99мин.(?); ч/б; немой. Патологоанатом (Лингли) влюбляется в прекрасное бездыханное тело девушки («Психоз») и ее парализованную сестру (Чамм), во

время спасения которой от атаки дикого ребенка-акселерата девушка и погибла. Некоторыми архивистами считается незаконченным. НЕ ИЗДАН

«Спасательные шлюпки не случайность». Год Геморройных Салфеток Tucks(?). «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед» / Рентгеновская и инфракрасная съемка «Систем для измерения давления Шуко-Мист», Энфилд, Массачусетс. Кен Н. Джонсон, «Мадам Психоз», П. А. Рай. Пародия на Кьеркегора/Линча(?). Инструктор по водным лыжам - клаустрофоб (Джонсон), переживая романтические терзания после того, как лицо его невесты («Психоз») гротескно уродует пропеллер лодочного мотора, застревает в забитом лифте больницы с монахом-расстригой-траппистом, двумя прилизанными миссионерами Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, загадочным гуру фитнесса, комиссаром пляжей и безопасности на воде штата Массачусетс и семью оптиками с тяжелыми отравлениями в дурацких шляпах и со взрывающимися сигарами. Считается некоторыми архивистами завершенным на следующий год, ГГСТ. НЕ ИЗДАН

«Очень низкий удар». Год Геморройных Салфеток Tucks(?). «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Марла-Дин Чамм, Пэм Хит, Сома Ричардсон-Леви-О'Бирн; 35мм; 30 мин.; цветной; звуковой. Нарколептик - инструктор по аэробике (Чамм) пытается скрыть свое состояние от студентов и нанимателей. ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ В ГГСТ; КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-97-29

«Ночь носит сомбреро». Год Геморройных Салфеток Tucks(?). Кен Н. Джонсон, Филлип Т. Смозергилл, Диана Сэлтун, «Мадам Психоз»; 78мм; 105мин.; цветной; немой/звуковой. Пародия/оммаж «Пресловутому ранчо» Ланга. Близорукий подмастерье ковбоя-клеймителя (Смозергилл), поклявшись отомстить бандиту (Джонсон) за изнасилование той, кого он (ковбой) ошибочно принимает за мадам - владелицу борделя (Сэлтун), в которую он (ковбой) втайне влюблен, теряет след бандита, неправильно прочтя дорожный знак,и попадает на порочное мексиканское ранчо, где бандиты, страдающие от эдиповой озлобленности, ритуально ослепляются таинственной монашкой под вуалью («Психоз»). Считается некоторыми архивистами завершенным в предыдущий год, ГВ. КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-56-51

«Сообщник!» Год Геморройных Салфеток Tucks. «Бедный

Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Косгроув Уотт, Стокли «Темная звезда» Макнейр; 16 мм; 26 мин.; цветной; звуковой. Стареющий педераст калечит себя из любви к уличному мужчине-проститутке со странными татуировками. КАРТРИДЖ INTERLACE TELENT No357-10-10, снято с распространение, когда рецензенты «Картридж Сцен» назвали «Сообщника!» «...тупейшим, пошлейшим, лобовым и отвратно поставленным выкидышем претенциозной и до убогого неровной карьеры». ТЕПЕРЬ НЕДОСТУПЕН

Неназванный. Незаконченный. НЕ ИЗДАН

Неназванный. Незаконченный. НЕ ИЗДАН

Неназванный. Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«С» значит Сладострастие». Год Шоколадного Батончика Dove. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Сома Ричардсон-Леви-О'Бирн, Марла-Дин Чамм, Ибн-Саид Чаваф, Ив Франкор; 35мм; 122 мин.; ч/б; немой с субтитрами. Пародийный нуарный трибьют «Ангелам греха» Брессона. Оператор сотовых телефонов (Ричардсон-Леви-О'Бирн), принятая по ошибке квебекским террористом (Франкор) за другую оператора сотовых телефонов (Чамм), которую FLQ по ошибке приказало убить, принимает по ошибке его ошибочные попытки извиниться как покушения на ее (Ричардсон-Леви-О'Бирн) убийство и бежит в причудливое исламское религиозное поселение, члены которого общаются друг с другом посредством семафорных флажков, где влюбляется в безрукого ближневосточного атташе по медицине (Чаваф). ИЗДАН В ПОДБОРКЕ АНДЕРГРАУНДНОГО КИНО «ВОЙ ИЗ-ЗА ГРАНИ» - МАРТ ГГСТ - И НА КАРТРИДЖЕ INTERLACE TELENT No357-75-43

«Бесплотная страна». Год Шоколадного Батончика Dove. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Косгроув Уотт; 16 мм; 30 мин.; ч/б; немой/звуковой. Непопулярный кинорежиссер апрегарда (Уотт) либо переживает удар в височной доле и становится немым,либо становится жертвой всеобщего заблуждения, что после удара в височной доле остался немым. ЧАСТНЫЙ РЕЛИЗ НА КАРТРИДЖАХ КОМПАНИЕЙ «БЕДНЫЙ ЙОРИК ЭНТЕРТЕЙНМЕНТ АНЛИМИТЕД»

«То было великое чудо, что он был в отце, так его и не узнав». Год Шоколадного Батончика Dove. «Бедный Йорик Энтертейнмент

Анлимитед». Косгроув Уотт, Филлип Т. Смозергилл; 16 мм; 5мин.; ч/б; немой/звуковой. Отец (Уотт), впавший в заблуждение,что его этимологически развитый не по годам сын (Смозергилл) притворяется немым, притворяется «профессиональным собеседником», чтобы вывести мальчика на чистую воду. ИЗДАН В ПРОГРАММЕ С ПОДБОРКОЙ АНДЕРГРАУНДНОГО КИНО «ВОЙ ИЗ-ЗА ГРАНИ» - МАРТ ГГСТ - И НА КАРТРИДЖЕ INTERLACE TELENT No357-75-50

«Клетка IV – Сеть». Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Клетка V - Бесконечный Шон». Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Смерть и одинокая девушка». Незаконченный. НЕ ИЗДАН «Киноадаптация пьесы Питера Вайса «Преследование и убийство Жан-Поля Марата, представленное актерской труппой госпиталя в Шарантоне под руководством господина де Сада». Год Шоколадного Батончика Dove. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». Джеймс О. Инканденца, Дисней Лит, Уркухарт Огилви-мл., Джейн Энн Прикетт, Герберт Г. Бирч, «Мадам Психоз», Марла-Дин Чамм, Марлон Бэйн, Пэм Хит, Сома Ричардсон-Леви-О'Бирн-Чаваф, Кен Н. Джонсон, Диана Сэлтун; «8Супер»; 88мин.; ч/б; немой/звуковой. Вымышленный «интерактивный документальный фильм» о бостонской театральной постановке пьесы внутри пьесы 20 века Вайса, в котором режиссер документального фильма под воздействием химических веществ (Инканденца) неоднократно прерывает дуракаваляние пациентов и диалоги Марата и де Сада, чтобы невнятно ораторствовать о методе актерской игры Брандо и Театре жестокости Арто по отношению к североамериканской теле- и кинокультуре, раздражая актера, играющего Марата (Лит) до такой степени, что у того случаетсякровоизлияние в мозг и он падает в сценический лифт перед гибелью Марата по сценарию, вследствие чего близорукий режиссер (Огилви), по ошибке приняв актера, играющего де Сада (Джонсон) за Инканденцу, толкает де Сада в медицинскую ванну Марата и душит насмерть, вследствие чего сверхдраматическая фигура Смерти («Психоз») снисходит, как бог с машины, чтобы унести Марата (Лит) и де Сада (Джонсон), пока Инканденцу тошнит на первый ряд театрального зала. 8-МИЛЛИМЕТРОВАЯ ЦЕЛЛУЛОИДНАЯ ПЛЕНКА С СИНК-ПРОЕКЦИЕЙ. НЕ ИЗДАН ВВИДУ СУДЕБНОГО ЗАПРЕТА, ГОСПИТАЛИЗАЦИИ

«Слишком весело». Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Несчастный случай меня». Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Как же чертовски жаль». Незаконченный. НЕ ИЗДАН

«Бесконечная шутка (V?)». Год Шоколадного БатончикаDove. «Бедный Йорик Энтертейнмент Анлимитед». «Мадам Психоз»; больше определенной информации нет.Камень преткновения архивистов. Последний фильм Инканденцы - смерть Инканденцы наступила во время пост-продакшена. Большинство экспертов относят фильм к незаконченным, непоказанным. Другиерассматривают его как завершение «Бесконечной шутки (IV)», в котором Инканденца также снимал «Психоз», таким образом причисляя фильм к творческому результату за ГГСТ. Хотя не существует исследовательского синопсиса или свидетельств о показах, два коротких отзыва в разных номерах «Ежеквартальных рецензий на картриджи Востока» ссылаются на фильм как на «экстраординарный»**** и «самый завораживающий и развлекательный, оторвавшийся на корпус от других работ Инканденцы»*****. Архивисты Западного побережья определяют формат фильма как «16... 78мм», основываясь на аллюзиях критиков****** к «радикальным экспериментам над зрительской оптической перспективой и контекстом» как характерной черте «БШ(V?)». Хотя канадский архивист Тет-Беше считает кино завершенным и распространенным БЙЭА по посмертному завещанию режиссера, все существующие достойные доверия фильмографии причисляют фильм либо к незаконченным, либо к НЕИЗДАННЫМ, а мастер-картридж фильма либо уничтожен, либо хранится sui testator*.

* Комсток, Познер и Дюкетт, "Смеющийся патологоанатом: образцы антиконфлюэнциального апрегарда: Анализ становления стазиса в североамериканском концептуальном кино (Бет Б., Вивьен Дик, Джеймс О. Инканденца, Вигдис Симпсон, И. и К. Сноу)", "Ежегодные исследования онанского кино и картриджей", т. 8, No1-3(Год МП из самого СА), сс. 44-117.

** За возможным исключением в виде "Клетки III - Бесплатный цирк", серия "Клеток" Инканденцы не имеет заметного отношения к классической "Клетке" 1947 года Сидни Питерсона.

*** См. Ромни и Спербера, "Снял ли Джеймс О. Инканденца хоть один действительно оригинальный, незаимствованный или недериватывный фильм?", "Журнал постмиллениумных кино и картриджей", No7-9(Осень/Зима, ГЧКП), сс. 4-26.

**** Э. Дюкетт, "В кабале у изображения: оптика и страсть в четырех апрегардных фильмах", "Восточный ежеквартальник Кембриджа", т. 4, No2, ГБПМ, сс. 35-39.

***** Аноним, "Видеть или верить", "Восточный ежеквартальник Кембриджа", т. 4, No4, ГБПМ, сс. 93-95.

****** Там же.

******* Прим.пер. С завещателем (лат.)

notes

Примечания

1

Прим.пер. Glad («Радость») - название компании, производящей мешки для мусора.

2

Прим. пер. Организация североамериканской спортивной университетской ассоциации.

3

Прим.пер. Отсылка к немецкому ученому-биологу Августу Кекуле, открывшему кольцевую структуру бензольного кольца.

4

Прим.пер. Североамериканская ассоциация университетских профессоров.

5

Прим.пер. Неологизм, обозначает человека со слишком маленькими или отсутствующими пальцами.

6

Прим.пер. На момент написания романа Винус Уильямс 16 лет.

7

Прим.пер. Отсылка к святой Димфне Ирландской, покровительнице всех психически больных.

8

Гидрохлорид метамфетамина, он же кристаллический мет.

9

Прим.пер. Строчки из песни «Битлз» «I want to tell you».

10

Прим.пер. Майкл Эллис Дебейки – всемирно известный кардиохирург.

11

Прим.пер. Организация североамериканских медицинских ассоциаций.

12

Прим.пер. Название жвачки.

13

Орин, кстати говоря, не переступал порог ни одного профессионального терапевта, так что его анализ снов всегда довольно поверхностный.

14

Прим.пер. Название основано на цитате Сократа: «Неисследованную жизнь не стоит проживать».

15

ЭТА выглядит как кардиоида: четыре главных обращенных внутрь корп., выпукло закругленных с заднего фасада и по бокам, чтобы поддерживать кардиоидный изгиб, теннисные корты и павильоны в центре и парковки преподавателей и студентов позади, формирующие небольшую вмятину, которая с высоты птичьего полета придает всему заведению вид валентинки, который все же не казался бы по-настоящему кардиодным, если бы у самих зданий не было выпуклостей по дугам одного и того же r - поразительное архитектурное достижение, учитывая неровную поверхность земли и усложняющиеся условия для прокладки электрической проводки и водопроводной системы, необходимых для общежитий, административных кабинетов и полирезинового Легкого, - достижение, поплечабельное, наверное, только одному человеку на всем Восточном побережье: первоначальному архитектору ЭТА, старому и дорогому другу Аврил, уберменшу замкнутого отображения от мира топологии А. И. («Векторное поле») Рикки из Университета Брандейса, ныне покойному, который в Вестоне ошарашивал Хэла и Марио, снимая жилет так, что оставался при этом в пиджаке, что М. Пемулис много позже разоблачил как дешевую трюковую эксплуатацию некоторых основных особенностей непрерывных функций, из-за чего Хэл пережил глубокое разочарование в духе «Деда-Мороза-нет», а Марио попросту проигнорировал, предпочитая объяснять фокус с жилетом обыкновенным волшебством.

16

Молодых сотрудников, числящихся одновременно и в преподавательском, и в тренерском составе, по договоренности североамериканских теннисных академий принято называть «проректорами».

17

Общеизвестные как дрины - т.е. легкие спиды: Сайлерт, Тенуат, Фастин, Прелюдин, иногда даже Риталин. Стоит nota bene, что в отличие от Джима Трельча или фанатки Прелюдина Бриджет Бун Майкл Пемулис (возможно, из-за некоего извращенного уличного синеворотничкового чувства собственного достоинства) редко принимал дрины перед матчами*, оставляя их для досуга, - некоторые природой устроены так, что находят дриновую стимуляцию, со стучащим сердцем и выпученными глазами, досужей.

*Тенуат - торговое наименование гидрохлорида диэтилпропиона, Marion Merrell Dow Pharmaceuticals, технически - рецептурное средство против ожирения, излюбленный некоторыми атлетами за легкие эйфорические и освежающие качества без отходняка с зубовным скрипом после прилива крови, как от более суровых дринов вроде Фастина или Сайлерта, хотя и с огорчающей тенденцией вызывать глазные нистагмы. Но, несмотря на все нистагмы, Тенуат - особый любимчик Майкла Пемулиса, который сгребает для личного употребления всякую 75-миллиграмовую белую капсулу Тенуата, которая плохо лежит, и никогда не продает их и не обменивает, разве что за редким исключением соседу по комнате Джиму Трельчу, который постоянно выпрашивает Тенуат у Пемулиса, а еще лазает в его особую фуражку-пакгауз и сам стреляет без спроса по парочке за раз, считая, что они способствуют цветастой спортивной говорливости, о каковых налетах Пемулис отлично знает и лишь выжидает, чтобы отмстить, не извольте волноваться.

18

Легкие транквилизаторы: Валиум-III и Валрелиз, старый добрый верный Ксанакс, Далман, Буспар, Серакс, даже Гальцион (все еще разрешенный в Канаде, невероятно); а с этими вещами потяжелее подростки выходили на скользкую дорожку: секонал, Мепроспан, трансдермальные «Веселые пластыри», Милтаун, Стелазин, изредка Дарвон, который для применения при травмах, - и не могли продержаться больше пары сезонов по очевидной причине: из-за серьезных транков даже дыхание может показаться не стоящим усилий, и эту причину мясистого процента смертей из-за транквилизаторов персонал скорой помощи обычно зовет ЛЛ, или «Легочной ленью».

19

Топовые юниоры по большей части обходят алкоголь стороной, в основном потому, что из-за физических последствий злоупотребления - вроде тошноты, дегидратации и затрудненной координации движений - невозможна качественная игра. А в целом очень немногие стандартные вещества имеют столь затруднительные краткие похмелья, хотя даже после вечера синтетического кокаина в утренних тренировках на другой день, разумеется, будет уже мало приятного, и потому так мало хардкорных эташников принимают кокаин - впрочем, тут еще вопрос цены: хотя многие эташники из обеспеченных семей, сами они редко купаются в $ из дома, так как удовлетворение практически каждой физической потребности либо обеспечено, либо запрещено ЭТА. Пожалуй, стоит также заметить, что те же, кто получает удовольствие от досужих дринов, также тяготеют к кокаину, метедрину и прочим ускорителям движка, тогда как другой обширный класс более естественно возбудимых людей скорее склоняется к умиротворяющим веществам: транкам, каннабису, барбитуратам и - да - алкоголю.

Т.е.: псилоцибин; «Веселые пластыри»*; MDMA/экстази (хотя X - та еще штука); различные примитивные манипуляции с бензольным кольцом в психоделиках метокси-группы, обычно домоваренные; синтетика вроде ММДА, ДМА, ДМММ, 2CB, производные ДОТ I–VI и т.д. - хотя надо отметить, что этот класс не должен и не включает такие встряски для ЦНС, как СТП, ДОМ, одиозные «Тяжкие телесные» с Западного побережья США (гамма-гидроксимасляная кислота), ЛСД-25 или -32 или ДМЗ/М.П. Увлечение этой темой, похоже, не зависит от неврологического типа.

*Самодельные трансдермалы, обычно мусцимольные или МДМА, с ДДМС или безрецептурным ДМСО в качестве трансдермального переносчика.

21

Она же ЛСД-25, часто с щепоткой дринов, названная «Черная звезда» потому, что в Бостоне доступная кислота обычно продается на квадратиках тонкого картона с трафаретной черной звездой, от некоего таинственного производителя в Нью-Бедфорде. Вся кислота и «Тяжкие телесные», вроде кокаина и героина, попадают в Бостон в основном из Нью-Бедфорда, Массачусетс, куда, в свою очередь, поставки по большей части идут из Бриджфорда, Коннектикут, а уже он - истинный нижний отдел кишечника Северной Америки, Бриджпорт-то, имейте в виду, если сами в тех краях никогда не бывали.

22

Как и большинство спортивных академий, ЭТА поддерживает легкую иллюзию, что 100% ее студентов поступили по собственной воле, а вовсе не, к примеру, из-за родителей - а некоторые из них (из родителей теннисистов, которые почти как матери голливудских легенд) та еще радость.

23

Сложная игра арабок, включающая маленькие шашки и игровое поле в клетку - на взгляд мужей-дипломатов и -врачей, почти маджонг без правил.

24

Гидрохлорид мепередина и гидрохлорид пентазоцина, наркотические анальгетики Списка C-II и C-IV соответственно, оба от добрых людей из Sanofi Wintrop Farm-Labs, Inc.

25

Хотя на судебной фотоулике он был в маске и Дон Гейтли так и не выдал его имени, можно с уверенностью предположить, что это был Трент («Камо грядеши») Кайт, старый и когда-то технически одаренный друг детства Гейтли из Беверли, штат Массачусетс.

Прим.пер. HBT - биполярный транзистор.

27

Конкретно эта маленькая характерная черточка замгенпрокурора заключалась в том, что он носил анахроничный, но качественный деловой стетсон с декоративным перышком за лентой и в напряженных ситуациях часто ее касался или играл с полями.

28

Бюро Алкоголя/Табака/Огнестрельного оружия, тогда временно под эгидой Департамента неопределенных служб Соединенных Штатов.

29

Впоследствии крайне неприятные связанные с квебекскими инсургентами и картриджами события показали, что это (опять) был Трент («Камо грядеши») Кайт.

30

Но без кодеина - почти первые физические данные, что Гейтли засек во вспышке шока, когда зажегся свет в занятой спальне, - чтобы вы лучше представляли силу зацикленности оральных наркоманов.

31

Поверх более достойного содержимого сейфа из-за марины, в свою очередь, лежащего на отключенном и с запаркованными головками абсолютно первоклассном шедевральном ансамбле телепьютера «ИнтерЛейс» в деревянной многоярусной передвижной, такой, типа, развлекательной системе с портом для картриджей и приводом с двойной лазерной головкой в отделении за дверцами с маленькими медными, типа, ручками в виде кленовых листьев и несколькими полками, плотно заставленными дорогими, артхаусными на вид картриджами фильмов, из-за которых сообщник Дона Гейтли залил слюной весь паркет по поводу потенциально выдающегося предложения барыги, если они редкие, нераспечатанные или недоступные в Сетке распространения ИнтерЛейса.

32

Предположительно, «Une Personne de l’Importance Terrible».

33

В Квебеке запрещено флуоресцентное освещение, как и автоматические телефонные дозвоны, рекламные флаеры, которые выпадают из журналов, чтобы на них пришлось волей-неволей посмотреть перед тем, как собрать и отправить в мусор, и упоминания о любых религиозных праздниках для продажи любого рода продуктов или услуг - и это только некоторые из причин, почему его добровольное согласие переехать сюда на ПМЖ можно назвать самоотверженным.

Прим.пер. Primestar – американская спутниковая вещательная компания.

35

См. сноску!!!

36

Торговое наименование Терфенадина, Marion Merrell Dow Pharmaceuticals, тактического ядерного оружия от ненавевающих сонливость антигистаминных и сосудосуживающих.

Прим.пер. Управление морских исследований Минобороны США.

Прим.пер. Стратегическое воздушное командование.

Прим.пер. Ассоциация тенниса Соединенных Штатов.

Прим.пер. Après-garde – букв. «после-гард», кино после авангарда.

41

Хотя скорее с июля по октябрь.

42

Прим.пер. Лица, за которыми следует вести пристальное наблюдение (фр.)

43

Прим.пер. Королевская канадская конная полиция.

44

Прим.пер. Названия команд американского футбола разных городов: «Нефтяники» (Oilers) из Теннесси, «Коричневые» (Browns) из Кливленда. В Сиэтле команда «Поморников» (Seahawks), в Новом Орлеане - «Новоорлеанские святые» (New Orleans Saints).

45

Синтетически усовершенствованный энкефалин, опиатоподобный пентапептид или так называемый эндорфин, который выделяется в человеческом спинном мозге, - один из составов, сыгравший центральную роль в знаменитом скандале «мертвецгейт», который в Год Чудесной Курочки Perdue оборвал немало карьер директоров похоронных бюро.

46

Бостонское субдиалектическое арго, происхождение неизвестно, обозначает коноплю, травку, дюбуа, дурь, ганжу, бонг, марихуану, гаш, м. джейн, анашу и т.д.; также Бинг Кросби обозначает кокаин и органическую метокси-группу (-дрины), а Дорис - как ни загадочно - символизирует синтетические мет, психоделики и фенилы.

Прим.пер. Седативное средство.

Ингибиторы моноаминоксидазы - почтенный класс антидепрессантов/транквилизаторов, и Парнат - название продукта Smithkline Beecham для сульфата транилципромина - его гордый представитель. Золофт - гидрохлорид сертралина, ингибитор обратного захвата серотонина (ИОЗС), не сильно отличающийся от Прозака, продукта Pfizer-Roerig.

49

Электросудорожная терапия.

Прим.пер. «Дюбуа» - искаженное doobie, сленговое название сигареты с марихуаной.

51

Прим.пер. «Хоуп» переводится как надежда.

52

Капли для глаз на основе нейтральной борной кислоты, что-то вроде турбо-Визина, доступные без рецепта от Viet Labs, с прилагающимся наглазником из аптекарско-голубой пластмассы, который просто великолепен, если смотреть на просвет против солнца.

53

Термин Штитта для мистера Делинта, что технически значит «спутник» или «супруг», хотя в отношении мистера Делинта, можем всецело заверить, термин применялся без сексуальных подтекстов.

54

Грубый перевод: «Они убьют тебя, но вот законность того, что еще и сожрут, уже более туманна».

55

Т.е. «до эры спонсирования», или введения спонсируемого ОНАНского лунного календаря по поручению президента; также см. ниже.

Она же ЭЛД, еще зеленый побег на строгой ветке математики, который имеет дело с системами и феноменами, чья хаотичность находится за пределами даже мандельбротовских странных уравнений и случайных аттрактантов, с ограничивающими реакциями вне теории хаоса влюбленных во фракталы метеорологов и системных аналитиков, ЭЛД, чьи пост-геделевские теоремы и доказательства несуществования в некоторых случаях подводят к чрезвычайно ярким и элегантным признаниям поражения, капитуляции с полным дедуктивным обоснованием. Инканденца, чей ненасыщенный интерес к грандиозным провалам не ослабевал в течение четырех разных карьер, доживи он, набросился бы на экстралинейную динамику, как мышь на сыр.

Т.е., по-видимому, «Георга Кантора», Кантор здесь – основополагающий теоретик 1900-х (а также немец) и более-менее основатель трансфинитной математики, человек, доказавший, что некоторые бесконечности больше иных бесконечностей, и чей диагональный метод 1905-го продемонстрировал, что между двумя любыми точками может быть еще бесконечность точек вне зависимости от того, насколько близко эти точки расположены, каковой диагональный метод как раз и лежал в основе понимания доктором Дж. Инканденцы трансстатистической эстетики серьезного тенниса.

Прим.пер. Агнат – наследник по мужской линии; здесь – происходящая от двух игроков.

Предположительно, на нижне-баварском - «странствовать в одиночестве по разоренной дезориентирующей территории вне всех картографических пределов и маркеров-ориентиров».

Прим.пер. Крошка.

61

Инвалидная коляска.

62

Феномен призрачного света и чудовищной тени, присущий некоторым горам; напр. см. Часть I «Фауста» Гете, шестипалый танцефон на Гарц-Брокене в Walpurgisnacht, где и описан классический «Bröckengespenstphänom» (Gespenst значит «призрак» или «привидение»).

63

Начальник Марата в AFR*, лидер ячейки Убийц-колясочников в США и былой друг детства покойных старших братьев Реми Марата, сбитых и погибших под колесами поездов.

*Les Assassins des Fauteuils Rollents, они же Убийцы-колясочники, практически самая страшная и неуправляемая антионанская террористическая ячейка.

Другими словами, мсье Фортье и AFR (насколько знал Марат) верили, будто Марат работал «тройным агентом», или же двуличным «двойным агентом»: по указанию Фортье Марат притворился, что перебегает к BSS, чтобы обменять информацию по антионанской деятельности AFR на защиту и медицинский уход за его (Марата) ужасно больной женой, - но только (насколько знал Марат) Марату и совсем немногим оперативникам BSS было известно, что Марат теперь только притворяется, что притворяется предателем, что мсье Стипли отлично известно, что Марат отвечает на вызовы BSS при полной - как Фортье думает - осведомленности Фортье, что мсье Фортье не (насколько Марат и Стипли могут предполагать) известно, что Стипли и BSS известно, что Фортье известно о встречах Марата со Стипли, и что жестокая насильственная смерть Марата будет меньшей из его (Марата) проблем, если соотечественники из Мон-Тремблана заподозрят, что его итоговое количество верностей четное.

Прим.пер. Как на войне (фр.)

Прим.пер. Ограничено (фр.)

Прим.пер. Букв. «девушка Пятница», применяется в значении «верная помощница» (фр.)

68

Внутрионанский сленг для «работать двойным агентом»; аналогично «тройник» и т.д.

Прим.пер. Конечно (фр.)

«Нечто важного» о Марате заключается в том, что начальники из AFR уверены, что он только притворяется, что предает их, чтобы заполучить продвинутую американскую кардио-протезирующую технологию для жены; но на самом деле он правда предает их (начальство, страну) – возможно, действительно ради этой медицинской технологии – и, таким образом, только притворяется, что притворяется.

Прим.пер. Разрешающая способность аналогового телевидения измеряется в вертикальных телевизионных линиях.

Прим.пер. Явление в некоторых образовательных учреждениях: за одинаковый объем работы постепенно ставятся оценки все выше.

73

Хроническое воспаление терминального отдела подвздошной кишки и прилегающих тканей, названное в сомнительную честь доктора Крона в 1932 до э. с.

Прим.пер. Наивность (фр.)

75

Профессиональный эвфемизм для принудительного допроса, с приложением силы или без.

Прим.пер. Свечение (фр.)

77

См. сноску !!!